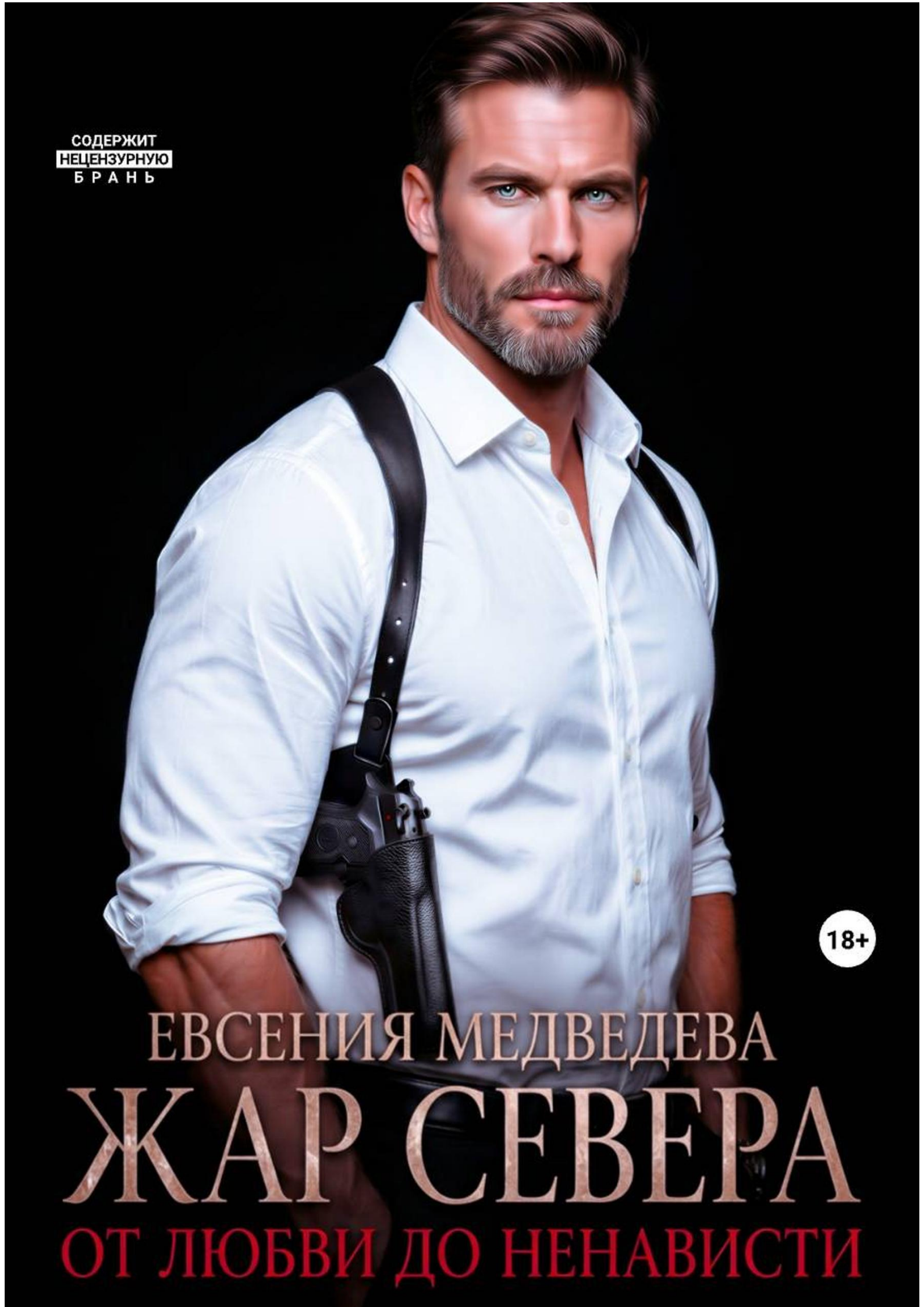

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
ЕВСЕНИЯ МЕДВЕДЕВА
ЖАР СЕВЕРА
ОТ ЛЮБВИ ДО НЕНАВИСТИ

Евсения Медведева

Жар Севера. От любви до ненависти

«Автор»
2026

Медведева Е.

Жар Севера. От любви до ненависти / Е. Медведева — «Автор», 2026

Семнадцать лет назад его предали своиАндрей Север вышел по УДО в страну, которую не узнал. Ни квартиры, ни друзей, ни семьи — ничего. Но удача улыбнулась ему: Север оказался в тайном клане «Воронов» — в мире могущественных людей, живущих по своим законам.Новая жизнь. Новая работа. Новая семья.Его спокойствие рушится, когда в его жизнь настоящим тайфуном врывается ОНА. Одна случайная встреча, один допрос с пристрастием, одна искра — и этот пожар уже не потушить.Следователь СК Кира Алфёрова привыкла всё контролировать. Карьера, работа, планы на будущее — и в них нет места чувствам. И уж тем более нет места мужчине с уголовным прошлым.Но сердцу не прикажешь. Их любовь — пламя. Их страсть — пытка. Их выбор — усмешка судьбы.Всё меняется, когда в руки Киры попадает старая папка с грифом «Секретно». И в ней — имя человека, разрушившего жизнь Севера.Рассказать — потерять его навсегда.Солгать — предать саму себя.«Ты пахнешь, как свобода» — сказал он однажды.

© Медведева Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 13
Глава 2 22
Глава 3 32
Глава 4 37
Глава 5 46
Глава 6 53
Глава 7 58
Глава 8 67
Глава 9 71
Глава 10 76
Глава 11 83
Глава 12 91
Глава 13 101
Глава 14 108
Глава 15 114
Глава 16 122
Конец ознакомительного фрагмента. 127

Евсения Медведева
Жар Севера. От любви до ненависти

Пролог

Ты пахнешь как свобода…

Его слова въелись в саму душу!

Пять лет работы в СК… И я была уверена, что всё знаю об опасных мужчинах. Бандиты, убийцы, насильники. Я говорила с ними, я задерживала их, я сажала их за решётку. Думала, что меня уже ничем не проймёшь!

Но я ошиблась…

Бояться нужно не отморозков с серой моралью.

Бояться нужно мужчин, напитанных силой. Тех, чья нерастраченная любовь превращается в порох. Тех, чья накопленная страсть полыхает ярче пожара.

Всего одно касание, и мои принципы рассыпались в труху. Всего один поцелуй, и я забыла про свой зарок не влюбляться… Забыла, что следователь и подозреваемый — это не история любви, это статья Уголовного кодекса.

Бродила по квартире и не могла найти себе места. Слонялась из угла в угол, проверяя сигнал мобильного телефона. Смотрела в окно, прислушивалась к шагам в подъезде. И то и дело поглядывала на стену прихожей, в которую меня однажды впечатали, демонстрируя всю сокрушительную мощь мужской силы.

— Успокойся, Кира. Успокойся! — зарылась пальцами в волосы, чуть оттянула у корней, пытаясь заставить кровь прильнуть к голове. — Ты – следователь! Ты взрослая и умная женщина. Не нужно поддаваться истерикам! Он придёт…

Придёт? Ведь придёт же?

«Я еду к тебе… Нам нужно срочно поговорить!»

И после той СМС я уже три часа не нахожу себе места от обилия вопросов!

Ты влюбилась, дурочка… В самого неподходящего мужчину на планете. Ты же себе обещала: никаких чувств, никакой привязанности, никаких «долго и счастливо». Ты знала, на что идешь!— довольно убедительно вопил здравый смысл, но его доводы были слишком абстрактны. И бессмысленны…

Нас с детства учат, какими должны быть любовь, семья и твой мужчина… И порой эти стереотипы продиктованы обеспокоенными родителями, желающими лишь добра своему чаду. Вот они и рисуют безопасный образ.

Но что делать, если одним днём в твою жизнь врывается пышущий силой и яростью зверь? От него веет опасностью и пеплом… Пеплом твоего спокойствия.

Резкий стук в дверь прозвучал набатом…

Рванула в прихожую, дернула замок и замерла. На пороге стоял высокий мужчина. Он даже не поднял головы, продолжая что-то печатать в телефоне.

— Алфёрова Кира Вадимовна? — сухой и до смешного официальный голос превратился в эхо, скользящее по сонному подъезду дома.

— Горохов, ты что, амнезию заработал? — нервно хохотнула я и взяла себя в руки, заткнув пасть вопящей внутри тревоге. — Как ты за пару часов умудрился меня забыть?

Я нарочно припала к дверному косяку, заглядывая за спину коллеге из столицы. На лестничном пролете переминались оперативники. Они были смущены, растеряны и оттого не смотрели мне в глаза.

Очень интересно…

— Что с НИМ? — выдохнула я, не успев проглотить свои же слова.

Дура… Ну почему ты не прикусила язык???

— Вы о ком-то конкретном? — Горохов наконец-то оторвал взгляд от телефона, и его чёрные, как ночь, глаза вонзились в меня.

Хотел напугать, но тем самым только одолжение мне сделал. Всего один взгляд, и меня словно пощёчиной разбудили.

Дура! Возьми себя в руки! Ты – следователь… И это приглашение в игру.

— Побудьте тут, — бросил Горохов через плечо и буквально силой втолкнул меня в квартиру.

— Эй, «ревизор столичный», у тебя что, есть постановление на обыск? — я усмехнулась, и вышло даже очень естественно. — Ты помнишь? Частная собственность и прочее бла-бла-бла…

Машинально отошла к тумбе, в которой лежало моё табельное оружие. Чуть поддела ящик и прикрыла корпусом, но руку держала наготове.

— Горохов Эдуард Юрьевич, следователь по особо важным делам, — заученно и безэмоционально отчеканил «гость» и сунул мне под нос свою корочку, будто я её никогда не видела.

— Ну, говори… Что нужно? — я посмотрела на часы и нахмурилась. — Три часа ночи, а ты вламываешься, словно до утра твои особо важные дела подождать не могут. Или ты до сих пор обижен, что я отказалась пойти с тобой на свидание?

— Ты же не спишь… — Эдик вшагнул в квартиру, даже не думая разуваться, и начал сканировать помещение взглядом. — Свет везде горит, телевизор без звука. Ждёшь кого? А он не пришёл? Да? И не придёт…

У меня похолодели пальцы, кровь отлила от сердца, замедляя его толчки. Зато вот в голове все ожило, новая волна мыслей зашуршала испуганными птицами. Сирена опасности врубилась мгновенно, и надежды на визит вежливости рассыпались в труху.

— Ненавижу прелюдии, Горохов.

— Без прелюдий? Ну, конечно… — он сипло рассмеялся, наслаждаясь минутной властью. — Алфёрова наверняка любит пожёстче. Так странно, а ведь о твоих романах в управлении все молчат. Но я уверен, что такой суке, как ты, нравится, когда её тра… Ну, ты поняла. Без нежностей.

Горохов колыхался, как простуженная чайка, и всё время мотал головой, отбрасывая со лба отросшую челку.

Я поморщилась. Ненавидела у мужиков патлы… Все эти современные начесы, стильные укладки, к вечеру превращающиеся в сальную мочалку. Б-р-р-р… Противно. Да и сам Горохов был таким: скользким, мерзким, мелочным.

— Не того ты выбрала, Алфёрова, — вдруг зашептал Горохов и рванул ко мне. — Не того…

Его ледяные пальцы вцепились мне в локоть. Оттолкнул от тумбы и с грохотом захлопнул ящик с оружием.

— А кого надо было? — в тон ему ответила я, демонстрируя, что так просто меня не напугаешь. — Тебя?

— Я всё равно его посажу… Он – преступник! Он – мразь, продавшая Родину. И то, что его выпустили – ошибка системы. Но я эту ошибку исправлю – с твоей помощью или без тебя.

— Ты бредишь… Перенапряжение. Понимаю… Такое рвение выслуживаться – очень энергозатратно для организма, — я максимально гаденько улыбнулась и вырвалась из плена его холодной ауры. — Отвали от меня!

Да от него же несло обидой и яростью. Но на кого он злился? На меня за отказ? На то, что слишком слаб, чтобы соперничать с настоящим мужчиной?

— Ты сейчас поедешь со мной, — Эдик сдернул с вешалки мою куртку, сунул в руки сумку и потянул к выходу, но открывать дверь не торопился.

Я чувствовала, что он не всё сказал… А по тому, как бегают его глаза, по его тихой истерике стало понятно, что главное меня ждет впереди. И Горохов не разочаровал…

— Ты, Кира, откажешься от своих показаний. Откажешься от алиби своему бандиту, — зашипел он и вдруг прижался лбом. — Заявишь, что в ту ночь его с тобой не было. Ясно?

Эдик медленно втянул воздух, зарылся в мои волосы, и по его телу пробежала крупная дрожь.

О… Я знала эту реакцию. Это конвульсия желания, которому никогда не стать реальностью. Он таращился на меня, как перевозбужденный бык. Скользил по тесной футболке, по оттянувшемуся вороту. Но его вожделение было смешным для меня.

— Подумай, девочка! Не совершай ошибок… Тебя ждёт карьера, столица, повышение! Я помогу, Кира, — шептал он с жаром, а меня тошнило и от его запаха, и от его рваных касаний. — У тебя все впереди… Найдёшь нормального мужика без уголовного прошлого. Просто скажи, что его с тобой не было. Всего пара слов, и я позабочусь, чтобы никто и ничего не узнал!

— Боже, Горохов, ты что, мне угрожаешь? Требуешь, чтобы я пошла на должностное преступление? — я нервно хохотнула и в очередной раз вырвалась из его рук, подавляя приступ тошноты.

Забрала свои вещи, надела куртку, вынула из тумбы ствол, стараясь не смотреть в глаза этому подонку.

— А если откажусь?

— Пойдёшь с ним под ручку… — прохрипел Эдик, смакуя каждое слово. — И вместо обручальных колец звенеть будут наручники. Всё просто, Кира, ты либо в системе, либо против неё! Я всё равно его посажу, с твоей помощью или нет. Но если без…. Ты сгниёшь вместе с ним в тюрьме, это я тебе обещаю!

— Мне вот интересно, а мужикам дар обещаний вводят с первой прививкой в роддоме?

— Ты дура, Алфёрова… Такие подонки, как твой Север, умеют только брать и предавать. Вот и сейчас ты одна… А где же этот твой принц бандитской наружности?

Горохов расхохотался, и в его смехе было столько угрозы, столько злорадства, что противно стало. Но вместо ответа я толкнула дверь и вышла из квартиры.

У подъезда стояла патрульная машина. Проблесковые маячки скользили по фасадам сонных двухэтажек, заглядывая в окна. Пользуясь темнотой, я прямо в кармане разблокировала телефон, молясь, чтобы последний вызов был сделан моей подруге, и ткнула пальцем…

Шла мимо клумб с пахучими лилиями и нарочно тормозила. Завязала шнурки на одном ботинке, затем на другом… Потянулась и нарочито звонко зевнула, не удержавшись от удовольствия зыркнуть на Горохова.

Но ещё я внимательно смотрела в знакомые окна дома напротив. И не прогадала… В спальне зажегся ночник, а через несколько секунд дрогнула занавеска. Инга не могла проигнорировать режущие темноту маячки и выглянула.

Моя подруга не дура… Нет. Она всё поймёт!

Горохов не упустил возможности меня унизить перед теми, кто ещё недавно боготворил, боялся и признавал мой авторитет. Он догнал меня у машины, резко открыл заднюю дверь и с силой втолкнул в салон, пренебрежительно бросив оперативникам:

— В управление её!

Ночной город проносился за окнами, а я пыталась сосредоточиться на фактах. Мне нужно было успокоиться и всё взвесить. Можно было подёргаться, оснований на моё задержание у него нет и быть не может. Собственно, как нет и постановления на задержание, иначе бы мне стукнули коллеги. Но искушение выяснить его мотивы победили. Поэтому я спокойно делала вид, что напугана, покорна и готова к разговору.

Родные стены управления встретили меня тишиной… Охранники на КПП понуро опустили головы и даже не стали досматривать, а придурок Горохов, упиваясь торжественным моментом, и вовсе забыл об этом.

Коридоры ухали эхом наших шагов, но недолго. Эдик грубо дёрнул меня и толкнул в переход крыла с комнатами для допросов.

Помещение было уже готово. После мрака сонного здания холодный свет ослеплял. Раздражал и выбивал из зоны комфорта. Но проблема в том, что я тоже часть системы и прекрасно знаю, что будет дальше. Давление, шантаж, угрозы, послабление… Меня будут расшатывать, как шлюпку на волнах бури.

— Итак, — Горохов плюхнулся на стул напротив, бросил на стол наручники, как напоминание, что может случиться.

Позёр сраный… Он затянул какую-то заунывную песенку и начал перебирать документы. Стопка была внушительной, а он не торопился, делая вид, что содержимое полностью его поглотило.

Ну, давай поиграем. Тяни время, мне это только на руку.

Эдик нервно вздрогнул от сигнала входящего сообщения, а когда потянулся к смартфону, неловко толкнул стопку и не обратил внимания, что из-под газеты выглянул кончик синей папки.

По телу пробежала дрожь, я заёрзала, пытаясь справиться с взорвавшимися эмоциями. Но это было непросто, потому как слишком хорошо знала, что именно хранится в папках этих цветов.

Засекреченная информация… Уголовные дела, чтобы заглянуть в которые, нужно обойти сто инстанций, и тебе все равно откажут.

Горохов был так увлечен своей театральной постановкой, что совершенно ничего не замечал. Ни моего состояния, ни взгляда, приклеенного к документам, ни того, что я на миг перестала дышать.

Нужно добраться до той папки… И почему он её прячет? Почему завернул в газету? И откуда у него доступ к закрытому архиву?

— Алфёрова-Алфёрова… Голубушка, ты подумала? — Горохов посмотрел на часы, толкнул ко мне ручку, лист бумаги и откинулся на спинку стула, сложив на груди руки.

Я видела, как он нарочно напрягается, демонстрируя мускулы. Позёр столичный и обиженка с корочкой вместо мозгов.

— Напиши, что алиби дала под давлением. Что никакого Севера у тебя дома не было. И всё… Ты получишь отпуск, а после вернёшься отдохнувшая, загорелая и протрезвевшая, — Эдик медленно навис над столом и попытался схватить мои руки, но я отпрянула. — Поверь, ты ещё спасибо скажешь. Выспишься и поймёшь, что чуть не стала орудием в руках подонка.

Я улыбнулась, всматриваясь в бегающий взгляд Горохова. Он отчаянно подбирал аргументы, прощупывая мою реакцию.

— Кира, мы с тобой должны сажать подобную шваль, а не давать им алиби. Я тебе обещаю, что суд будет быстрым, и он оперативно вернётся туда, где ему и место.

— И где же ему место? — я усмехнулась, а после взяла ручку и начала крутить её меж пальцев.

— В тюрьме…

Горохов скалился, понимая, что у него получилось загнать меня в угол. Нарушить закон? Или самой стать жертвой? Предать человека, которого уже однажды прокрутили через мясорубку системы, забрав семнадцать лет жизни? Или лишиться карьеры…

Я буквально слышала, как скрипят весы моей морали.

Правда или ложь?

Своя шкура или судьба другого человека?

— Эдуард Юрьевич! — дверь с грохотом распахнулась и с такой силой врезалась в стену, что на пол посыпалась штукатурка. — Это же ЧП какое-то!

На пороге допросной стояла моя подруга.

Я проглотила вздох облегчения, маякнула глазами на стопку документов, давая понять, что не уйду, пока не выясню, что он там такое прячет.

Инга сверкнула яростным взглядом и продефилировала по кабинету.

Я даже засмотрелась на это грациозное, но грозное представление. Инга не просто успела проснуться и примчаться. Она была собрана, причесана, а прокурорская форма с готовностью облегала ее точеную фигурку. Инга подошла к Горохову, звонко отбивая ритм тонкими каблучками, нависла над ним и вспыхнула фирменной улыбкой, против которой наука ещё не нашла антидота.

И лишь я заметила шёлковый уголок ткани, торчащий из-под кителя. Очевидно, Инга так торопилась мне на выручку, что не заметила, как прижала пояс своего любимого желтенького халата.

— Что случилось? — Горохов дернулся и вскочил, машинально собрав папки в стопку. Было видно, как он нервно восстанавливает дистанцию с пышущим яростью прокурором на шпильках.

— А то, что на вас поступила жалоба! — громыхнула Инга и ударила кулаком по столу. — Вы же говорили, что у вас всё улажено! На каком основании был произведён допрос Аничкина?

— Не понял, — Горохов нахмурился и нервно прошёлся кулаком по лбу.

— За мной! — яростно гаркнула Инга и засеменила прочь.

— Глаз с неё не спускать! — крикнул Эдик конвойным, оставшимся за дверью. — Я вернусь через пять минут и если не найду её здесь, вы у меня шаурму отправитесь продавать у метро. Ясно?

Я уже не слышала его угрозы. Игнорируя пристальные взгляды конвойных, потянулась к стопке документов. Парни не подали вида, лишь отвернулись, даруя мне драгоценное время. Вытянула газету со спрятанной в неё папкой.

Секунда… Удар сердца. Вторая. Остановка сердца…

Сдернула резинку с папки, и на стол выпало старое пожелтевшее от времени дело. Титульник был заполнен вручную, документы местами набиты на печатной машинке.

Уголовное дело… 2008 год.

— Север Андрей Витальевич… — его имя вырвалось с хриплым стоном, причиняя вполне физическую боль.

Я быстро скользила взглядом по сухим анкетным данным, едва сдерживая свист.

Помимо фактов, о которых Андрей не соврал, тут было множество других интересных моментов, о которых он умолчал, памятуя о секретности. Смешно… Его уничтожили, бросили и подставили, а он все равно охраняет секреты страны.

Так же бегло я просмотрела обвинение, подписанное прокурором, доводы следствия, улики. И добралась до самого важного…

Вытянула старую ксерокопию его показаний, бережно расправляя загнувшиеся кончики. И вот тут по коже пробежал мороз… Хватило всего пары строк, чтобы меня подбросило на стуле!

Я невесомо скользила пальцем по кривым строчкам, сжимала истончившийся лист и вбирала пугающую суть.

«Я был внедрён в ОПГ Денисова… Мною регулярно составлялись отчёты, которые я передавал связному — подполковнику…»

Строчка так не вовремя оборвалась, словно желая меня предостеречь, подготовить… Пальцы задрожали, я перевернула лист, и фамилия сама бросилась в глаза.

Мир остановился. Время замерло… А моя психика со злым скрежетом треснула, отпечатывая на сетчатке до боли знакомую фамилию.

Из глаз покатились злые слезы, я затряслась, вновь и вновь вчитываясь в протокол, лелея надежду, что ошиблась, что перевозбужденный мозг просто неверно прочитал имя, должность! Однофамилец?

Но нет…

— Они возвращаются, Кира Вадимовна! — зашипел конвоир, ударив кулаком в дверной косяк, чтобы привести меня в чувства.

И это подействовало… Сердце снова забилось, а руки уже потянулись к телефону, который у меня забыли изъять.

— Пара секунд, Игорь! — шикнула я и начала фотографировать нужные страницы.

Чёрт подери, копирование секретной информации — статья… Но Горохов сам виноват!

Дистанцию и скорость приближения отбивали каблуки моей подруги. Я быстро сунула телефон под пояс джинсов, собрала документы, спрятала папку в газету. И к моменту, когда их голоса стали отчетливыми, я уже скрыла следы преступления.

Вытерла слезы, выдохнула и подхватила ручку, выводя на предоставленном листке бумаги свой ответ настоящему подонку и мрази.

— Ты опустишь её, либо я дам делу ход! — шипела Инга, продолжая двигаться в мою сторону.

— Боже, прокурор Имперова мне угрожает? — рассмеялся Горохов.

— Нет, обещаю… Я сейчас же забираю Киру. А завтра встречаемся и думаем, как поступить дальше. Выбирай, либо я сейчас делаю два звонка, либо ты отступаешь. Первым звонком я вызову самых лучших адвокатов.

К моменту, когда Горохов появился на пороге, я закончила своё творчество. Он застыл в дверях. А я поднялась, сдернула лист бумаги, на котором вывела:

«Да пошёл ты, Горохов!»

Инга подвесила тяжелую паузу, смакуя растерянность Горохова. Так странно… Сексисты, ненавистники женщин, порой проигрывают в самых простых битвах. Вот и сейчас он поджимал губы, не сводя глаз с моей рыжей львицы в погонах.

— А вот вторым звонком я подниму на уши все смежные структуры. Боже, это станет нашей любимой байкой! Как приезжий следак без постановления допрашивал следователя СК… Что скажет собственная безопасность? Быть может, они заинтересуются не Алфёровой, а тобой?

Ой, знала я этот тон… Инга учуяла запах крови и уже не отпустит свою жертву.

Я нагло откинулась на спинку стула и подняла лист, как транспарант. Конвойные едва сдержали смешки, а Горохов стал покрываться красными пятнами ярости.

А что? Не любишь, когда унижают? Только тебе можно, придурок?

— Эдичка, учи матчасть. УК РФ у нас един, — шипела подруга, подходя ко мне ближе. — И помни, что для прокурорской проверки не нужны доказательства. Достаточно жалобы… и даже анонимной. А приезжих, и тем более столичных, у нас так не любят! Сколько будет желающих донести на зарвавшегося следователя, пусть и по особо важным делам?

Горохов застыл, всматриваясь в лист с нацарапанным мной творчеством, словно до сих пор не мог прочитать.

— Идём, Кира, — шепнула Инга и махнула рукой, а я успела заметить, как трясутся её пальцы.

Я собрала свои вещи, а затем со всей дури ударила Горохова в грудь, вручая ему приглашение в эротическое путешествие.

— Знаешь, Горохов, обидчивый мужик хуже импотента. Твои фрикции бессмысленны и смехотворны, и какая бы горячая баба ни имитировала удовольствие под тобой, делать она это будет из жалости!

Я подошла ближе. Наступив на горло своему отвращению, склонилась в его уху, стараясь не дышать гнилью его натуры, и снова зашептала, но так, чтобы и конвойные это слышали:

— Так вот… Мне тебя жаль! Ты можешь меня уволить, можешь сломать карьеру. Но знай, что теперь я буду всегда за тобой… И не потому, что вторая, а потому что стану тенью и узнаю, кто тебя, следователя по особо важным делам, купил с потрохами… Адьёс!

Я обогнула придурка и вышла в коридор, поблагодарив конвойных коротким кивком. Инга схватила меня за локоть и потащила к выходу. И чем дальше мы были от допросной, тем громче бились наши сердца.

Мы выбежали на крыльцо, суетливо сбежали по лестнице, прячась в густой аллее. В лицо ударил свежий предрассветный ветерок, горизонт уже наливался малиновым заревом, но я не видела красоты, потому что из глаз текли слёзы.

И лишь когда окна управления скрылись из вида, Инга дернула меня за локоть, останавливая бег.

— Чёрт, Кира, я думала, у меня сердце выпрыгнет, когда увидела тебя из окна, — подруга прижалась ко мне всем телом. От неё веяло теплом, разрушенным сном, сладкой ванилью и солью вырвавшихся слёз.

— Не выпрыгнуло, — сухо выдавила я. — А вот я сейчас сдохну, подруга. Я знаю, кто предал Севера…

Рассказать правду – потерять его навеки. Промолчать – потерять саму себя…

Непростой выбор, да, следователь Алфёрова?

Глава 1

… за семь месяцев до пролога.

Вдох…

Влажный воздух ворвался в лёгкие порцией сладкого киселя. Вязкий, липкий, до мурашек холодный!

Это и есть вкус свободы? Без примеси затхлости бетонных стен и промозглости карцера, из которого меня почти не выпускали?

Семнадцать лет, и я забыл, что воздух пахнет ветром, снегом, землёй.

Чёрт подери… Сколько ночей я убил на эту картинку? Лежал на шконке, прокручивал одну и ту же сцену: скрип ворот, лай собак, но уже за спиной… Затыкал пасть своему зверю, обещая, что как только вырвемся из клетки, как только вдохнём вкус воли, я отпущу его! Да лишь бы свалить на хрен отсюда! От этих решеток, ледяных стен, колючей проволоки и… и от смердящего ощущения отчаянья.

Ты привыкаешь слушаться, подчиняться. Договариваешься со своей гордостью, обрастаешь компромиссами. И всё время твердишь себе одно и то же: *«Я – никто… Тень и заключенный с личным номером на робе».*

И в какой-то момент ловишь себя на мысли, что жизнь твоя кончилась… Но упрямое сердце все билось и билось. Существуешь, смирившись, что каждый новый день – клон предыдущего. Полная предсказуемость: график, работа, прием пищи…

Чёрт, как красиво…

Из неглубокого оврага поднимался тревожный молочный туман. Густая дымка тянулась по сугробам, цеплялась за голые инистые ветки, укрывая марево солнца за серыми тучами.

В этой зыбкой мгле стирались очертания, покосившаяся остановка и силуэты снующих у стен людей. Все двигалось, но как-то бесшумно, замедленно.

Дернул плечами, накинул капюшон черной аляски, зарылся лицом в воротник и двинул в гущу тумана, туда, где ещё мгновение назад просматривалась извилистая дорога.

Рука то и дело тянулась к внутреннему карману, где в обычном почтовом конверте лежало все самое ценное: рассохшаяся верёвочка с золотым крестиком, часы, каким-то чудом уцелевший отцовский перстень и справка об освобождении из мест заключения.

Небогатый скарб… Но зато мой!

Когда глаза привыкли к туману, я заметил чуть сгорбившуюся фигуру у ржавой «пятерки». Невысокий мужичок смотрел на унылый серый забор и о чем-то думал.

— Сигареткой не угостите? — прохрипел я и вдруг улыбнулся, совершенно не узнав собственный голос. Горло саданули, словно наждачкой прошлись, разрывая слизистую в кровь.

Мужчина встрепенулся, но замешательство было недолгим. В его глазах не было страха, лишь горе, обреченность и до оскомины знакомая тоска.

Наш клиент… Либо сам на свидание приехал, либо просто курьер. На чужой боли некоторые неплохие бабки делают. Родители за своих щенков последнее отдадут.

Мужчина быстро закивал, суетливо захлопал по карманам старенькой куртки.

— Конечно, сынок…

От слова «сынок» меня перетряхнуло, как от удара током. Оно врезалось между ребер острым «пером», там и застряло, стянув грудную клетку опоясывающей болью. Я даже машинально руку отдёрнул, получив в ответ недоумевающий взгляд. Но мужик сделал вид, что не заметил странности моего поведения и шустро нырнул в салон машины, достал целую пачку сигарет и зажигалку.

— Забирай, — незнакомец вложил пачку в мою ладонь, с силой сжал пальцы, игнорируя попытку сопротивления.

— Да мне одну сигарету…

— Бери-бери, сынок. Не спорь, — мужчина похлопал меня по плечу и вновь отвернулся для наблюдения за тюремными стенами, словно интереснее ничего и быть не могло.

Я сжал челюсть, что аж зубы скрипнули, но подгон забрал. Внутри все клокотало, злость распирала, то и дело норовя выплеснуться, но я стерпел… Тактично потрепал дядьку по плечу и шагнул с обочины на дорогу, ведущую к трассе.

— Удачи тебе, сынок… И ты это… не возвращайся сюда, — прохрипел мне в спину напутствие незнакомец.

Не возвращаться?

Я замер на мгновение, непроизвольно втянув голову в плечи.

Да я тут изначально и оказаться не должен был. А значит, права поговорка. От сумы и от тюрьмы зарекаются только полные болваны.

И я был таким… Молодым, сильным. Тогда же казалось, что и море по колено, и горы по плечу! Справедливость, отвага, честь… и ВЕРА! Вера в смыслы, в слово офицерское, в благородство и правду. Но что-то в этой связке лопнуло, сломалось и прогнило…

А ведь у меня были цели, были, казалось бы, правильные ориентиры. Суворовское, армия, служба в элитных войсках отшвырнули меня от мрака неспокойных «девяностых». Но жизнь, сука, хитрая… Ткнула меня мордой в дерьмо за мои принципы и ценности и даже сдачи не попросила, отсыпав с лихвой.

Тряхнул головой, выбрасывая опостылевшие мысли о прошлом. Хватит! Семнадцати лет не хватило, чтобы передумать обо всем? Тогда не жалел себя, так какого черта сейчас эту гниль ворошить вздумал?

Содрал с пачки пленку, щелчком выбил сигарету, прикурил и двинул по дороге, лавируя между хаотично припаркованных машин. Но стоило привыкнуть к мутной взвеси и начать осматриваться, замедлился…

Чёрт подери! Кроме той ржавой «пятерки» я не узнавал ни единой модели машин. Иномарки, красивые, дорогие… Таращился, как придурок, в салоны заглядывал, прислушивался к возбужденным речам людей… Ну слава богу, хоть язык понятен. Не сменили за неполную четверть века.

День свиданий и передачек, поэтому колонию обступили родственники, что заочно тоже в какой-то мере являлись заключенными. Они были подчинены графикам посещений, звонков, заочно расплачиваясь за грехи своих детей.

То, что меня отпустили сегодня – это какое-то чудо чудное, хотя в него я больше не верил, но и просить за меня было некому. Решение по УДО пришло ещё неделю назад, но все ждали каких-то недостающих документов.

А прислали их утром, в день посещений, когда выпускать никого не положено! В целях безопасности все конвои были распределены на досмотр и передачу посылок, писем и прочих «подогревов» с воли… Но завтра в колонии начинается ежегодный карантин, а значит, я мог застрять здесь ещё на месяц.

То ли начальник колонии сжалился и забыл про свои же идиотские правила, то ли я неожиданно стал счастливчиком, но после завтрака меня вызвали к психологу и начали готовить к свободе…

Свобода… Чёрт, какое сладкое слово! Тело стонало, мозг закипал от забытых ощущений, а мышцы сводило от непреодолимого желания броситься в бег!

Но я вовремя вспомнил про старые, почти полностью рассохшиеся ботинки. Подошва на правом треснула, стоило мне сделать первый шаг. Но я так хотел вырваться оттуда, что не стал писать заявление на выдачу новой одежды. С чем пришёл, с тем и ушёл…

Рад был и старым джинсам, на дне кармана которых скрипела некогда растаявшая, а сейчас рассыпавшаяся жвачка с прилипшей пылью табака. Благодарен был и за поеденный

молью свитер, почему-то разные носки, колючий шарф и окаменевшее за столько лет кожаное портмоне. Пусть пустое, но мое…

Снова поскреб ногтем по карману, тихо рассмеялся и вскинул голову, да вовремя… Так задумался, что чуть не впоролся в злую морду чёрного внедорожника у обочины.

Джип был очень грязным. Брызги какие-то нелепые, будто тачку специально поливали из ведра. Разводы тянулись по бочине до самых стёкол. И даже номер был заплеван коричневой и уже застывшей жижей.

Я затормозил и двинул к проезжей части, чтобы не обходить тачку по глубоким сугробам. Этого испытания мои ботинки точно не переживут. И мне на миг показалось, что в машине точно кто-то есть… Я так резко двинул вправо, что за полупрозрачной тонировкой лобового загуляли тени, словно наблюдатели напряглись от моего манёвра.

Лиц было не рассмотреть, окна наглухо закрыты.

Чёрт с ними…

Кожу щипало от январского мороза, из глаз катились слезы, от выдохов куцый мех покрылся изморозью. Главное – добраться до города…

Когда колония уже скрылась из виду, а дорога вильнула вправо, в гряде высоченных сугробов я наконец-то рассмотрел остановку общественного транспорта. Со слов штатной психологини, готовившей меня к воле, до города можно доехать только на автобусе.

Ходил он редко, но ничего…

Я забился за стенку остановки, спрятался от ветра. Туман разогнало, метель улеглась, но холод пробирал до костей.

Вдали просматривался город, отчетливо видел очертания высоких труб ТЭЦ, извергающих стылый пар, размазанную линию частного сектора. Не будь так холодно, я бы точно отправился пешком, не желая терять драгоценные минуты на бестолковое ожидание.

И так я засмотрелся, что не сразу услышал хруст снега подкатившей к остановке машины. Дернулся, прижав руку к внутреннему карману, чтобы спрятать все самое ценное, не забыв посмеяться над собой. Если чему меня тюрьма и научила, так это охране своих границ и личных вещей. Условный рефлекс, мать твою…

Но нарушителем моего спокойствия оказалась все та же ржавая «пятёрка», извергающая подозрительно черный дым из выхлопной трубы. Уже знакомый мне дядька перегнулся через пассажирское сиденье, начал трястись, орудуя «веслом» стеклоподъёмника, но тот явно пристыл. Наконец стекло поползло вниз, застряло на половине. Мужик высунулся, оглядел меня, сощурился.

— До города подбросить? — он попытался улыбнуться, но вышло дурно, неправдоподобно.

Я обернулся, но на остановке кроме меня никого не было. Посмотрел направо, потом налево… И тут в глаза бросился тот самый внедорожник. Он до сих пор стоял недалеко от последнего перекрестка, вот только смотрел он не на колонию, а прямо в мою сторону.

— А не страшно? — хохотнул я, пряча руки в карманы. — Вы же поняли, что я только что освободился.

— Садись давай. Нашёл чем пугать, — мужик щелкнул ручкой и открыл для меня дверь. — Брать у меня всё равно нечего.

Из салона вырвалось тёплое облачко пара, я уловил запах кофе, услышал хриплое звучание радиостанции.

— Не упрямься, чай, не баба. До автобуса ещё два часа. Околеешь!

А ведь правда… За два часа точно околею. Упрямиться и сопротивляться смысла не было. Моё оформление и так знатно затянулось, а до города бы лучше добраться засветло. Поэтому я выбросил окурок в урну и прыгнул в салон машины.

— Ну и здоровый ты, — рассмеялся незнакомец, наблюдая, как я пытаюсь устроиться. Колени упирались в торпеду, голова стучала о провисшую обшивку потолка, локти бились о двери. Чёрт, как тесно…

— Ага, в танкисты сразу не взяли, — отшутился, вдавливаясь в кресло.

Расстегнул куртку и вопросительно посмотрел на мужчину, что так и не сдвинулся с места. Без туманного марева его тоска казалась ещё более яркой. Потухший взгляд, серый цвет лица, на фоне которого особо пугающе смотрелись синие губы. Заметил и шкалящий пульс, и красные белки глаз, и раздраженные веки, будто он стирал следы скупых слёз рукавом.

— Что? — я первым не выдержал молчания.

— Пристегнись…

— Ого, неужели государство вспомнило, для чего нужны ремни безопасности? — я не удержался и рассмеялся, потянувшись к ремню. — А раньше можно было и так.

— Сколько сидел? — тихо спросил мужчина, наконец-то выехав из «кармана» остановки и двинул в сторону города.

— Семнадцать лет, — прошептал я и машинально потянулся к подаренной пачке сигарет, но, посмотрев на доброжелательного спутника, решил не испытывать границы его доброты.

— Много. Тяжело будет, — еле слышно прохрипел он, а после протянул мне руку. — Михаил.

— Андрей, — я ответил на довольно крепкое рукопожатие.

— У меня сын сидит, — пояснил Михаил и отвернулся, пряча по-отцовски скупые слезы. Смахнул предательницу, словно самого себя стеснялся…

— Мне жаль, — буркнул я, не понимая, что отвечать на подобное признание.

— И мне жаль… Да кури уже, не дёргайся, — отмахнулся мужик и потянулся назад. Ловким движением он достал красный термос в цветочек, одной рукой скрутил крышку, махнул на одноразовый стаканчик, торчащий из бардачка. — Пей, пока горячий. Жена утром навела.

Боялся расспросов, но Михаил лишь понимающе кивнул и добавил громкость радио. Из хриплых динамиков лилась неизвестная музыка. За первые полчаса я так и не выхватил ни одного знакомого представителя попсы прошлого. И тогда окончательно потерял надежду, что пропустил в этом новом мире не так уж и много.

Нет, много… И жизнь решила как можно скорее мне это продемонстрировать.

Машины… Очень много машин! Эти коробки неслись как ужаленные, обгоняли, подрезали, сигналили. Я смотрел на поток и чувствовал, как внутри шуршит паника. Раньше таких дорог не было, а тут даже через снег видна разметка. Да и вроде пустырь тут был...

Вырвавшись из паутины снеговых полей, мы свернули к пригороду. И вот тут-то разница и начала проявляться. Красивые дома частного сектора, обилие пешеходных переходов, светофоры с таймером. И камеры на каждом столбе.

Ощущение, что я попал в параллельную реальность, усиливалось с каждой секундой. Такая родная и почти сгнившая «пятерка» Михаила теперь смотрелась каким-то раритетом среди поразительно плотного дорожного движения. Она кашляла, чихала, тряслась, а вокруг сверкали хищные морды неизвестных мне иномарок.

— С каждым годом становится только хуже, — Михаил верно расценил мои сцепленные в замок пальцы и нервное подёргивание головой.

— Как в Москве, — тихо ответил я, выдернув из воспоминаний самое древнее.

— Радует лишь то, что у них стало ещё хуже, — рассмеялся старик.

Город медленно тонул в вечерних сумерках, обостряя впечатления. Среди знакомых серых панелек все чаще встречались новостройки, тычущиеся в снеговые тучи.

Поразили меня и освещенные улицы. А ведь я ещё помню полтора фонаря на весь центральный проспект. Помню и тёмные подворотни, и железные решетки на окнах.

Сейчас же город буквально светился! Яркие вывески, паутины гирлянд, мерцающие рекламные баннеры и… огромные телевизоры с повторяющимися видеороликами котят, застройщиков, автосалонов.

Я упорно искал что-то родное, знакомое, но нет… Всё вылизано на новый современный лад. Вместо остановок красовались стеклянные кубы с какими-то мониторами. Не увидел я и оранжевых «скотовозок», в которых можно было замёрзнуть насмерть. Не было и «гармошек», пронзительно скрипящих на каждом повороте. Даже троллейбусы и то стали иными. Их длинные рога безвольно покачивались на крыше, демонстрируя, что теперь он может ездить и без них.

— Трамвай, — из горла вырвался тяжелый вздох, когда среди обилия незнакомого я всё же выцепил красный старенький вагончик с облупившейся краской на бортах.

— Но и их скоро заменят, — усмехнулся Михаил. — Теперь там даже кондукторов нет.

— Как нет? — чтобы спрятать дрожь рук, я снова достал сигарету, правда, прикурить удалось лишь с третьего раза. Навалился и приоткрыл окно, впуская морозный воздух, чтобы отрезветь от шока.

— А вот так. Хотели демократию? Вот… Не коллективная ответственность, а персональная. Проехал – заплати. И камеры-камеры-камеры! Будь они неладны! Хотя… Может, хоть наши внуки будут жить в спокойствии?

В моё время всё было иначе… Добежал до ночного ларька и не выхватил по башне – повезло. Автобус пришел, и ты не замерз – подфартило. Такси вызвал, и оно приехало – жизнь удалась!

А вот этот весь нарисованный неизвестным художником современный мир казался чужим… И чего уж греха таить – враждебным и непонятным.

Рестораны, бары, толпы горожан… И одеты они, будто я листал зарубежный журнал какой-то. Красивые такие, разные. А в наше время – что на рынок выбросили торгаши, в том полгорода и ходит. «Шапки-гондонки», аляски, джинсы, однотипные спортивные костюмы из голимой синтетики и китайские кроссовки, запах которых ещё полгода невозможно было выветрить.

— Что, сильно поменялось? — не выдержал Михаил, все это время тихо наблюдавший за моим, мягко говоря, удивлением. — Это ещё даже не центр города.

Я обернулся, пытаясь хоть примерно понять, где я.

— Тебя куда?

— А выбросьте меня здесь, — эмоции уже подпирали горло, и я засуетился, достал из кармана деньги, но Михаил резко ударил меня по запястью.

— Не надо мне твоих денег! — рявкнул он и прижался к обочине, проигнорировав возмущенный взрыв клаксона сзади. — Если тебе некуда идти, могу пристроить на ночь. Поешь, помоешься, а утром решишь, куда двигать дальше.

— Нет, Михаил. Спасибо вам за помощь, — я быстро застегнул куртку, натянул капюшон и протянул руку мужику. — У вас своя беда, у меня своя. И мои проблемы вам точно лишние. Спасибо за тепло и компанию.

— Если что, я на рынке работаю, — Михаил ответил на рукопожатие, но пальцы не разжимал, пока не договорит. — Ключи делаю, ножи точу. Ты меня быстро найдёшь… И это не жалость. Просто хочется думать, когда и мой сын освободится, ему тоже протянут руку помощи. Я-то уже точно не доживу…

— Спасибо, — я заставил себя улыбнуться. Не ради себя, а ради этого доброго мужика. — Удачи вам и вашему сыну.

Не желая терзать Михаила, я выскочил и как можно скорее слился с толпой. Нет, мужик он добрый, но на помощь его толкает своё горе… Он сына во мне видит, а этого не нужно.

Хватит…

Встречался на моём пути уже один такой добрый дяденька, всё «сынком» меня называл. А потом упрятал за решетку и имя моё забыл!

Я прижался к крыльцу, наблюдая, как ржавая «пятерка» вновь вклинивается в плотный трафик, и было уже собрался выйти из укрытия, как из-за поворота выскочил тот самый грязный внедорожник. Номера все так же были забрызганы, но городская, щедро посыпанная солью жижа чуть подсмыла маскировку. И я успел выцепить одну цифру и две буквы.

Зачем-то отложил их в памяти и двинул следом за толпой.

В воздухе пахло парфюмом… Я шел и, пользуясь укрытием капюшона, рассматривал девушек. И даже они теперь казались какими-то другими. И манера причесок, и шапки, и пёстрые пуховики.

Моя надежда найти какую-то пельменную или столовку, чтобы пожрать и отогреться, рассыпалась довольно быстро. Куда ни глянь – сплошные кафе и рестораны. Стеклянные двери, вывески на английском, столики у окон, холёные официанты. Хватило одного взгляда, чтобы понять – в моём прикиде мне там делать нечего. Начну буровить – ментов вызовут. А оно мне точно не надо.

Так я и плыл по людной улице, таращась то направо, то налево. Не чувствовал ни холода, ни пронизывающего ветра. Каждое откровение казалось пощёчиной… Нет ни бабулек с семечками, ни ларьков с газетами. Да ничего тут нет! Меня словно выбило прибоем на остров туземцев!

И чем быстрее подкрадывался вечер, тем народу становилось все больше. Проходя мимо театра, заметил красивых дам, бредущих на представление под ручку с кавалерами. У торгового центра молодёжь устроила тусовку. И если бы в моё время там были пьяные утырки, то эти, современные, катались на каких-то странных велосипедах. И музыка гремела не из магнитофонов, а из пластиковых коробок размером с ладонь.

И я сам не понял, как толпа вынесла меня с центральной улицы. Занырнул в арку спального района, прошёл мимо уже закрытого рынка, запоздало сообразив, что именно меня сюда привело.

Отвлёк меня от размышлений сладкий дымок мангала… Рот наполнился слюной, и я пошёл на запах, как завороженный.

У полупустой парковки раскинулся ряд однотипных, но аккуратных павильонов. Никаких зарешёченных будок, откуда фонило тухлым мясом и сигаретным дымом. Весьма доброжелательный мужчина в белом фартуке сообщил, что шашлык только с огня, а после надел одноразовые перчатки и начал собирать заказ.

Наверное, со стороны я казался полным придурком. Молча таращился с открытым ртом, тихо расплатился и поспешил занять самый дальний столик. Смотрел на пластиковую тарелку шашлыка, политого томатным соусом и ещё теплый ломоть лаваша. Первая порция ушла в минуту. Я не жевал, я глотал кусками, обжигался, давился, но остановиться не мог. Умял одну порцию, сходил за второй…

К ларьку стали подтягиваться таксисты. За соседний столик опустился один грузный мужчина. Из его смартфона не просто доносилась речь, на экране маячила румяная мордочка карапуза. Таксист ел и параллельно расспрашивал сына, как прошёл день… Вот так просто?

Я подсматривал за этим и давился… Но не мясом — реальностью! А ещё захлёбывался завистью, что этому работяге есть кому позвонить, у него есть дом, и там его ждут…

А кто ждёт меня? Чем свобода тогда отличается от камеры?

Умяв вторую порцию, я едва остановил себя от порыва сходить за третьей. Обхватил руками картонный стаканчик с чаем и начал осматриваться. Но когда взгляд зацепился за до боли знакомую серую стену, меня вдруг ошарашило очевидностью…

Значит, перегретый мозг не просто так заставил меня сюда свернуть? Он провёл меня, вспомнив знакомый маршрут?

К горлу подкатил странный и совершенно нелепый едкий смех, а в голове зазвенел голос отца:

«Ты будешь жрать с газеты и побираться! И тогда ты приползёшь и признаешься, что ты был неправ, а я, твой отец, прав! Но и тогда я тебя на порог не пущу… Мразям и бандитам в моём доме не место! Не сын ты мне… Запомни это! Не сын!»

Запомнил я… До сих пор помню. Спасибо, батя.

Я собрал тарелки, выбросил их в мусорный бак и двинул вдоль ларьков. От паутины гаражей-ракушек не осталось и следа, по соседству с детским садом теперь высилась новостройка, но даже эти изменения не могли сбить со следа.

Это мой двор…

Шёл по наитию. Осматривал горящие окна, безошибочно нашёл свой подъезд, с ужасом всматриваясь в полыхающий глазок домофона.

Взлетел на крыльцо, коснулся ручки, и в этот миг дверь распахнулась, выпуская орущих подростков. Они даже не обратили на меня внимания и суетливо сбежали по ступенькам. А я шагнул в тепло подъезда.

Здесь больше не пахло мочой, стены не были исписаны маркером, пол не был завален шприцами, а под лестницей не спал «обдолбыш» или местный бомж. Чёрт… Как его звали? Дядя Гоша… Точно! Вместо него теперь стояли коляски, санки, велосипеды… И как ещё не украли?

Ведомый эмоциями, влетел на пятый этаж, нажал на кнопку звонка. Действовал быстро, чтобы мозг не успел врубиться и не засыпал меня вопросами и сопротивлением.

Мои родители ушли друг за другом лет десять назад, и с тех пор в нашей квартире жила родная сестра отца. Поначалу она ещё присылала мне посылки. То карамелек отправит, то носки вязаные, то запас зубной пасты и мыла. Но постепенно её доброта сошла на нет.

Но сейчас я здесь… Это моя квартира! Да?

Стоило ступить на площадку, рука сама взмыла в воздух и прижала кнопку звонка. Надо же, дверь сменили… Вместо деревяшки, обитой дерматином, теперь красовалась металлическая, с длинной вереницей хитроумных замков.

На площадке стало темно, лампочка сама выключилась. Поэтому, когда на лестницу пробился тонкий луч из приоткрытой двери, я отшатнулся.

— Чё надо? — на пороге показался высокий мужик.

Он осмотрелся по сторонам, потом смерил взглядом и меня, пытаясь признать во мне соседа. Его лицо было смутно знакомо, но определить степень родства я не смог. Мужик был явно сонный, лениво почёсывал пузо в задравшейся футболке с символикой футбольного клуба.

— Север Людмила Георгиевна, — прохрипел я.

Оторопь ушла, я вновь поднялся на площадку, пытаясь заглянуть за спину мужика.

— Нет таких тут больше… Сдохла мать, — мужик расхохотался, открывая черные от гнилья зубы. — А ты кто, собственно? А ну вали отсюда, пока ментов не вызвал!

Внутри что-то хрустнуло… Мозг сопротивлялся, но рефлексы требовали подчиниться приказу этого урода. Вот только я уже не на зоне… Я дома!

— Так «вали»… Или «кто я такой»? — злость забурлила, и именно она толкнула меня вперед.

Что-что, а хамство я на дух не переваривал. Да и повода, чтобы вот так разговаривать с собой, я ещё не давал. И именно это и стало последней каплей…

Я резко вшагнул в квартиру, буквально вталкивая пузана в коридор. Взгляд заскользил по знакомой старой стенке, её отцу на заводе дали, по антресолям, обклеенным обоями в ромашку. Там наверняка ещё хранятся мои лыжи…

Чёрт, столько лет прошло, а ремонт так никто и не сделал? Они что, просто тут жили? В нос ударил затхлый запах старья, прогорклого масла и пыли…

— Танька, звони ментам! — скулил пузан, отползая вглубь. — На меня псих какой-то напал!

Он скользил спиной по стене, свалив с вешалки куртки. Уцепился за какой-то провод, и с верхней полки рухнул до боли знакомый телефон. Зелёненький, ещё дисковый… Нет, в этой квартире, кажется, время было поставлено на паузу.

На вопль пузана выскочила женщина в цветастом халате. Короткие всклокоченные волосы вишнёвого оттенка, на челке болтались бигуди, она запахивала полы, суетливо носилась по пятаку у туалета и таращилась на меня, как на зверя.

Тело не слушалось, по спине пронесся разряд электрического тока. Пальцы сжались в кулаки, и я двинул вперед. Заглянул на кухню и затормозил, рассматривая белый кухонный гарнитур, круглый стол у окна, на котором всегда лежала вязаная ажурная салфетка. Сейчас же её сменила ободранная клеенка, умазанная засохшими разводами. В раковине гора посуды, из мусорного ведра несло гнилью, на плите воняла сковорода с пригоревшей картошкой.

Ларёк шашлычника сейчас попросту казался стерильной операционной на фоне некогда чистенькой и опрятной квартиры моего детства. Да что уж говорить, в моей камере и то пахло приятней, чем здесь…

— Какого хера? — прохрипел я и обернулся к пузану. — Ты кто такой?

— Аа-а-а-а-а-а… — мужик побледнел и ещё быстрее начал ползти по коридору, как-то по-бабьи подвывая. — Освободили, что ли? Проваливай… Это моя квартира! Танька, звони ментам… Пусть этого пересидка обратно в тюрьму забирают! Нечего мешать жить нормальным людям. Ты — урка! А уркам в жилье отказано… Кстати, батя твой был того же мнения!

Этот грузный и пошарканный жизнью таракан орал, брызгал слюной, тыкал в меня дрожащим пальцем. А я смотрел на него и чувствовал, как внутри все закипает до белого каления. Хмырь демонстрировал гнилые зубы, будто это он с зоны вернулся, а не я.

— Нормальным? — взревел я. — Людям?

В последний раз скользнул взглядом по желтым от налипшего жира стенам, по матовым от грязи полам, по некогда белым дверям, что теперь казались землистого цвета.

Это моя квартира… Из моей комнаты было видно и садик, и школу, за углом которой мы с парнями дрались. За стенкой жила баба Маша, а внизу дядя Слава с огромным доберманом…

С чего это его квартира?

И только я сделал ещё один шаг, как между лопаток прилетел резкий тычок! Слух взорвался от тихого, но бурлящего не меньшей яростью голоса.

— Пойдем отсюда, Север!

Крепкая рука сжалась на моей шее в удушающем захвате. Я выгнул голову, уткнувшись в каменную и явно мужскую грудь. В мутном от грязи зеркале заметил тёмный силуэт, но тут незнакомец второй рукой заломил мою кисть, завёл между нашими телами так, что я не мог вывернуться в условиях узкого захламленного коридора.

Этот кто-то знал, что делал. Он работал чисто, жестко, без лишних движений!

Меня буквально вышвырнули из квартиры! А затем здоровяк пинком захлопнул дверь прямо перед носом того заплывшего тюфяка.

И вот тут, на лестничной площадке, где было куда просторней, я уже мог сопротивляться. Резко нагнулся вперед, перенося вес, дернул корпусом, и захват ослаб ровно настолько, чтобы вдохнуть. А дальше тело сработало само, на чистом мышечном рефлексе, вбитом годами тренировок.

Разворот корпуса, подсечка, рывок… и мой противник полетел через бедро и грохнулся на кафельный пол так, что у меня самого зубы лязгнули.

Я навалился сверху мгновенно. Упёрся коленом в грудину здоровяка, вдавил до хруста рёбер. Рукой вцепился в кадык, наслаждаясь хрипами…

Надо же! Не забыл… Тело помнит! Всё помнит…

На этаже было темно, я пытался рассмотреть рожу нападавшего, но ничего не выходило. Заметил кожаную куртку, белый оскал зубов в свете, льющемся из небольшого окошка, учуял приятный запах одеколона.

И тут…

Лифт скрипнул, озаряя нас противным рыжим лучом. Блик упал четко на лицо мужика, который совсем не сопротивлялся и почему-то тихо посмеивался. Я чуть наклонился, и по телу вновь разряд тока запустили.

— Кравцов..?

Глава 2

Пальцы разжались, словно вмиг потеряли силу. Сморгнул видение раз, потом второй, но оно не исчезало! Прямо подо мной довольно скалился мой бывший командир! Как придурок таращился на его почти забытое лицо и глазам своим поверить не мог!

Олег Кравцов… Бульдог со смертельной хваткой! Не постарел, а возмужал, что ли. Не уродовали этого сибирского медведя ни паутина морщин вокруг до сих пор искрящихся глаз, ни россыпь серебра в коротких волосах. А вот улыбка все та же – оскал чистой воды.

— Север… — Олег подмигнул, а после с легкостью вышел из захвата.

Нас отвлёк грохот лифта. Оттуда показалась детская коляска, грохочущая широкими колёсами о створки узкого проёма, а следом вырвалось нечто… Мелкая собачонка, путаясь в длинном поводке, пулей рванула в нашу сторону.

Мы с Олегом подскочили как ужаленные. Встречи с ментами нам точно было не нужно.

Вышедшая на площадку девушка вздрогнула, испугалась и тут же начала пятиться обратно, утягивая за собой остервенелую собаку в смешном розовом комбинезоне.

Я не выдержал и заржал… Присел на корточки, осматривая это чудо в одежке. Лапки тонкие, в глазах страх, сама размером с ладошку, но орёт, пытаясь защитить свою хозяйку.

— Простите, барышня, мы уже уходим, — Олег галантно склонил голову и начал отступать к лестнице, утягивая за собой и меня. Прям как эту самую собачку, одетую куда лучше меня…

Мы пулей слетели на первый этаж, вырвались на улицу и тут же упёрлись в длинный кортеж черных джипов. Вокруг них суетились парни… Такие представительные, в костюмах, черных пальто до колен.

— Ну, здорово, Север, — Кравцов дернул меня за капюшон и со свойственной ему дурью впечатал в себя, не брезгуя ни моей затхлой одеждой, ни тем, что я только что вышел из тюрьмы.

Олег отчаянно лупил кулаком мне по спине, обнимая все крепче и крепче. Он не стеснялся эмоций, так открыто транслировал радость встречи. А мне было больно. Каждый удар отдавался в позвоночнике, в лопатках, в затылке. Но я терпел. Потому что это была лучшая боль за последние семнадцать лет.

— Чёрт, Север… Я не думал, что тебя отпустят сегодня, поэтому опоздал, — Олег отклонился, посмотрел мне в глаза. — А ты почти не изменился! Сухой только, как мумия египетская.

— А ты на петушару прилизанного стал похож, — я хохотнул, осматривая своего старого друга. — А когда-то ты кроме кроссовок и спортачей ничего и не признавал. Кравцов, что с тобой случилось? Никак метросексуал покусал?

— Старый я стал для спортачей, — Олег закрыл глаза и растянул губы в улыбке.

Его рука до сих пор лежала на моём плече, Олег будто боялся, что я сбегу. Но куда?

Хорош, чертяка… От того буйного лейтенанта, с которым мы вечно бузгались до первой крови, не осталось и следа. Он даже не постарел, нет… Заматерел, что ли. Холеный, чистый, как породистый питбуль перед выставкой. Но что не изменилось, так это военная выправка. Он даже стоял, будто на изготовке, в любой момент готовый к новому заданию.

Кравцов воспользовался моим замешательством и как щенка закинул на пассажирское сиденье своего танка.

— Сам за руль сяду, — Олег подошёл к водителю, выпустил его, после запрыгнул сам, и мы покатили вон из двора.

Кравцов утопил педаль, явно желая поскорее убраться отсюда. И всё что я успел – мазнуть взглядом по серой девятиэтажке, пытаясь запомнить дом, горящие окна родной квартиры, в которой мелькало два силуэта.

Ну вот, батя… Мразям и бандитам в твоей квартире и правда нет места. Ты же этого хотел? Об этом мечтал? С этими мыслями умирал? Надеюсь, сейчас ты доволен…

— Они давно уже хатку себе присвоили, — вдруг бросил Кравцов, и его голос стал тише мёртвого моря.

Он кинул в меня быстрый, совершенно неясный взгляд, словно этого было достаточно, чтобы понять, о чем я думаю.

— Документы я смотрел, там всё чисто. Твой отец подарил квартиру своей сестре, а та перед смертью подарила её своему сыну. Если хочешь, можем попробовать пободаться…

— Не хочу, — пресёк я этот бессмысленный разговор. — Тётка ухаживала за родителями, пока я чалился за решёткой. Да и нет у меня привычки бороться за чужое. Это квартира отца, и он сам решил, кому в ней жить.

— Ну и хорошо…

Я заставил себя отвернуться от окна, рывком достал пачку сигарет, жестом прося разрешения закурить. Вместо ответа Олег куда-то нажал, и стекло моего окна дернулось, образуя щель. По салону побежала отрава дыма в жалкой попытке вытеснить вонь некогда родной квартиры. Ну что ж… И сюда мне дорога закрыта.

Мы ехали в полной тишине. Олег не дёргал, дал время, чтобы ярость осела белым пеплом. Но чем дольше мы молчали, тем больше вопросов возникало. И когда я уже было открыл рот, Кравцов ударил по тормозам прямо перед парадным подъездом какого-то отеля.

— Кравцов…

— Заткнись, Север, — отмахнулся Олег и первым выскочил из машины.

Что-то в тоне друга предостерегло меня от споров, и я покорно последовал его примеру. На фоне этого холёного верзилы я выглядел помойным щенком, пригретым добродушным благотворителем. Но его уверенность придавала силы… И я смело прошёл следом, игнорируя удивленные взгляды персонала.

Олег махнул своим парням, и те обступили меня со всех сторон, образуя щит от чужого внимания. Такой гурьбой мы и двинули к лестнице, игнорируя лифт. Взлетели на три пролёта, затем вышли в длинный коридор.

Охрана стала расходиться по своим комнатам, и к последнему номеру мы с Олегом остались одни. Он достал какую-то карту, приложил к пластиковой коробке, и дверь с противным писком распахнулась…

— Проходи, — Кравцов было протянул руку, чтобы вновь применить силу, но я отшатнулся и сам вошёл внутрь, не сдержав свиста…

— Президентский люкс? — усмехнулся и скинул окончательно рассыпавшиеся ботинки.

— Нет, — сухо ответил Олег и захлопнул дверь, а после включил свет.

Стараясь не выглядеть идиотом, я бегло осмотрел шикарную гостиную, откуда расходились дополнительные комнаты.

— Ну и что нужно? — снова присвистнул, заметив на журнальном столе пакет с едой. Оторвал ветку винограда, быстро отправляя сочные ягоды на язык. Боже, какой кайф!

— Иди мойся, а потом поговорим…

— Слушай, Кравцов, я себя чувствую шлюхой, которую богатый дяденька затащил в мотель, чтобы сначала накормить, а потом предаться утехам, — смех заструился воем испуганных птиц.

— А я уже и забыл, почему мы с тобой крошили друг другу морды, — Олег устало упал в кресло, сдернул пробку с бутылки коньяка и отхлебнул прямо из горла.

— И почему же?

— Чувство юмора у тебя дерьмовое…

— Какое есть, — я дёрнул плечами и отправил в рот ещё горсть винограда, внимательно следя за своим странным спасителем.

Чего это Кравцову от меня нужно? Не надо быть экстрасенсом, чтобы понять, что Олежа устроился на тёплое место. Вон какой красивый, чистый, уверенный… С другой стороны, его осведомлённость выдавала заинтересованность. Не абстрактную и приправленную жалостью, а вполне конкретную.

Адреналин до сих пор гулял по венам, но, кажется, усталость и переизбыток эмоций делали своё дело. Я не стал спорить, задавать вопросы и делиться догадками, вместо этого двинул в указанном Олегом направлении. Толкнул створки и оказался в тускло освещённой спальне. В центре красовалась огромная застеленная кровать, на ней я заметил пухлый пакет и папку с какими-то документами.

Но всё это я проигнорировал, двинувшись к приоткрытой двери, откуда сочился холодный свет.

Ванная! Белая, чистая, вся в глянцевом мраморе. Рыча от предвкушения, сорвал с себя смердящую прошлым одежду и прыгнул под обжигающие струи душа.

Кожу обожгло, но не до боли, а до чистейшего кайфа! Вода лилась, лилась, смывая следы колонии… И никто не дышал мне в спину, никто не торопил, а вода была горячая, прозрачная, а не похожая на протухший клюквенный кисель.

Срывал упаковку с небольших брусков мыла и измыливал их в ноль. Растирал кожу, соскребал следы. Следом пришла очередь шампуня… Казалось, я шоркался, пока средства гигиены не закончились! И лишь тогда я успокоился и перекрыл воду, прижавшись лбом к холодной каменной стене.

Как только дыхание восстановилось, я обернулся, осматривая ванную. На тумбе раковины стоял небольшой пакет.

— Чертяка! Качественно подготовился. Точно ждал, — рассмеялся я, перебирая содержимое подарка.

Почистил зубы новой щеткой, умылся. А вот бритвенные принадлежности завернул обратно, решив не тратить сегодня на это время. Укутавшись в гостиничный халат, я вернулся в спальню.

Слышал голоса из гостиной, тяжелые шаги, бормотание телевизора. Но ноги туда не несли, и даже голод отошёл на второй план. Я просто рухнул на кровать, вконец обессилев после душа. Зарылся лицом в прохладный шелк постельного белья и выпустил стон…

Боже, как хорошо!

Нос щекотало запахом порошка, сон ласковой поступью путал мысли. Вот только растревоженные другом раны застонали, невзирая на собственный запрет. Я самому себе запретил проваливаться в прошлое… Но что-то сегодня пошло не так.

Отец с самого детства говорил, что ничего путного и толкового из меня не выйдет. А он старался… Чёрт, как он старался! Его одержимость моей судьбой довольно быстро приобрела характер болезни. Но что я, сопливый пацан, мог об этом знать? Учитывая, что и мать очень быстро приняла правила его игры?

Он твердил, что прав тот, кто сильнее… И в нашей семье эта правота была неоспоримой. Воспитание началось с меня, после воспитывать отец начал и маму… Пересолила суп? Потратила денег больше, чем следовало? Купила платье? А что с твоими прошлыми колготками?

Всё это было риторическими вопросами. Он ждал не ответа, а вечера… Чтобы избить нас с матерью до потери сознания, а после, с чувством выполненного перед партией долга, лечь спать. Это он так семью строил… Идеальную и покорную ячейку общества. Чтобы сын не баловался, чтобы жена ходила, опустив глаза, как подобало порядочной женщине.

Мать его не просто любила, она его боготворила! Вскакивала в четыре, мыла полы, гладила костюм, готовила завтрак. И так лживо улыбалась, пряча новую партию синяков.

Он её сломал…

Это я понимал сейчас, а тогда мне казалось, что меня предали. Мама в какой-то момент перестала меня замечать. Не дула на раны, не стирала кровь, не прикладывала лёд к новым шишкам…

Я остался один! Но на моё счастье, однажды к отцу в гости приехал двоюродный брат. Дядя Слава был военным и довольно быстро понял, что у нас тут происходит. Отец тогда отдавал мне приказы, больше похожие на команды непослушному щенку. И так вошёл в раж, что отмутузил меня прямо при дядьке, когда я недостаточно быстро вернулся из булочной.

Я до сих пор помню равнодушный взгляд дядьки. Тогда я его расценил как утверждение нормы. Подумал, раз он не удивился, если не защитил, то все так живут? Но наутро меня ждал сюрприз в виде собранной спортивной сумки и матери, сидевшей на пуфике у порога. Вместо материнских слез её лицо блестело от нового слоя маскировочной штукатурки, а от её искусственной улыбки меня накрыло приступом тошноты.

Дядя Слава забрал меня и отвёз в спортивный интернат. Ну а дальше меня несло течением… Суворовское училище, армия, командировка в Чечню в составе зеленой группы спецназа.

Казалось, я готов был на всё, лишь бы не возвращаться домой. Я стал военным, помня, что прав тот, кто сильнее… Но через несколько лет мне доходчиво объяснили, что прав тот, кто хитрее, жаднее, сообразительнее и лживее.

Оказалось, что правда стоит три копейки. А вот ложь… Ложь может сломать тебе хребет за три удара судейского молотка…

Я распахнул веки и не сразу сообразил, почему не услышал привычного сигнала к подъему. Не понял, и почему так тихо, мягко, и откуда слышится этот горьковатый аромат кофе.

Если чему тюрьма и учит – так это мгновенной реакции. Быстро вставать, засыпать по команде, хранить и беречь что-то личное, не общее, а твоё, важное и настоящее. Вот и сейчас, сложив раздражающие факты, меня выбросило и из сна, и из самой кровати.

Очевидно, я вчера просто вырубился, уснув в халате и мордой в подушку.

От резкого света заломило виски. Белые стены. Белое бельё, белый халат… И даже наконец-то прорвавшееся через тучи солнце казалось кипенно-белым!

Растер лицо ладонями, заставляя вспомнить вчерашний день до малейшей минуты.

— Нет, не приснилось, — крутанувшись, я заметил тот самый пакет, так и лежавший на краю. Видимо, я за всю ночь ни разу не пошевелился, раз не столкнул ни его, ни папку с документами.

В гостиной было тихо, посторонних шагов я не уловил, поэтому первым делом направился в душ, правда, задерживаться там не рискнул. Смыл сон, снова почистил зубы, а выйдя, начал тормошить пакет, откуда посыпалась одежда.

Новая, чистая, пахнущая свежестью. Бирки были сорваны, очевидно, чтобы скрыть ценники. Но в моём положении было не до гордости, хотя она скулила и лупила по вискам. Пришлось заткнуть эту сварливую гадину.

Надел хлопковый спортивный костюм, а уже развернувшись, заметил очередной подарок, подкинутый, пока я был в душе. Пялился на обувную коробку с хорошо известным спортивным брендом и медленно оседал на кровать.

Стыд всё же перевалил через верхний предел, и кровь прильнула к лицу. Злость осела на зубах, запульсировала в сжатых кулаках, вылилась едкой и монотонной мигренью.

У меня было всё… Стремительная карьера, уважение. Я был офицером! Ладонь до сих пор помнит холод табельного оружия, плечи – тяжесть майорских погон. Всё это я заслужил сам, а потом сам же и сдал, когда меня направили на задание… с которого я не вернулся.

Чёрт… Мне словно похоронку на самого себя вручили и спрятали за забором с колючей проволокой, засекретив правду ото всех. А на это указывали слова Кравцова… Поводов не верить ему у меня не было. А если он случайно узнал о моём аресте, значит, задание так и не рассекретили.

Ощущение ловушки и зуд сброшенной с шеи удавки стали такими явными, что каждый вдох превращался в глоток кипучей лавы. Вчерашнее смирение обрывалось, превращаясь в гнев.

А это плохо… Очень плохо!

— Выходи, Север, — в дверь прилетел резкий удар кулака. Голос Олега был ровным, спокойным, слышались даже шутливые нотки.

— Чёрт с тобой!

Раскрыл коробку и надел новенькие кроссовки, о которых мог только мечтать. Мда… Непрактично, по сугробам далеко не уйду. Правда… если Кравцов всерьёз не решился взять меня под опеку.

— Что, кто девушку танцует, тот её и завтраком кормит? — хохотнул я, выходя в залитую солнечным светом гостиную. Створка балкона была открыта, в помещение врывался морозный ветер, разнося дурманящий аромат кофе по всему номеру.

Кравцов сидел в кресле, пил кофе, а рядом дымилась ещё одна чашка, очевидно, для меня. Он улыбнулся, захлопнул крошечный и пугающе тонкий ноутбук.

— Завтрак будет по пути, разговор тоже, — Олег быстро постучал пальцами по подлокотнику кресла и кивнул на чашку кофе. — Пей…

Я схватил добычу и, стараясь делать мелкие глотки, влил в себя горечь, о которой мечтал! Терпкая, немного вяжущая, но такая желанная! Вдыхал одуряющий аромат и почему-то не верил в реальность происходящего.

— По пути? — я устроился в кресле напротив, отставил уже пустую чашку, а Олег схватил кофейник и плеснул новую порцию. — А с чего ты взял, что мне куда-то нужно?

Я закурил, миксуя дым с коричневой жижей, и поднял глаза на застывшего в ожидании друга.

— Ну? Только не говори, что прежде чем начать разговор, ты ждёшь от меня рыданий и щемящих откровений о невзгодах бывшего заключённого Севера Андрея Витальевича!

— Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы ждать быстрого результата, — хмыкнул Кравцов и прищурился. — Для начала ты присмотришься, проанализируешь, а потом, возможно, я заслужу право на правду.

— Не уводи тему, Кравцов. Ты нашёл меня, вытащил из родительской квартиры, увёз в отель. Шмотьё подготовил, — я дернул себя за ворот худи и усмехнулся. — Мы не набухались, в номере меня не ждала толпа блядей, чтобы восполнить пропущенное. А значит, Олежа, тебе что-то от меня нужно. Причем срочно!

— Так и есть… Но если хочешь блядей, дай знак, — Олег попытался улыбнуться, но не сдержал отвращения. Хм… Он всегда был чистюлей.

Я бросил на стол прихваченную с собой папку, которую до сих пор не открыл, и начал листать. Кравцов молчал, не мешал вчитываться в суть… Тут был полный набор копий дарственных, завещаний и прочей бюрократической цепочки, вследствие которой я оказался бомжом. Правда, в документах не оказалось ничего о моём аресте… И сожаление перебило горечь кофе, застряв пекучим угольком на кончике языка.

Кравцов вдруг закивал, словно понял, куда привели меня мысли, а через мгновение начал говорить:

— О том, что ты в тюрьме, я узнал только летом. И то случайно… Начал копать, а мне по мордасам настучали, чтобы не совал нос куда не следует.

— Ну и правильно. Раз в тюрьме, значит, есть за что. Всё же понятно… Так какого черта сунулся?

— Потому что я тебя, упёртого барана, слишком хорошо знаю, — Кравцов рванул вперед, навис над столом, сокращая дистанцию. — От твоего дела смердит подставой… И вонь эта рассеивается на подступах к столице! Только те шакалы поверили, что ты продался…

— Олежа, откуда такие выводы?

— У меня есть свои методы добычи информации.

— И что нарыл?

— Обрывки пазла, но вот даже они в пример не складываются. Я им говорю, что один плюс один будет равно двум, а они мне пургу про двадцать пять лет лишения свободы талдычат, — шипел Кравцов, довольно покачивая головой в знак одобрения моего спокойствия.

— Если тебе дали по морде, то какого черта ты все равно ступил в моё дерьмо? — я едва держал себя в руках, пытаясь не сорваться. — Не страшно?

— Страшное мы уже пережили, Андрюх. Всё кончилось… Я не буду тянуть тебя в прошлое, вместо этого… Хочешь начать жить заново? Я помогу…

— Вас тут пряниками каждый день кормят, что ли? Какого хера все такие добренькие, сытые, красивые? Кравцов, хватит меня как барышню обхаживать? Что тебе нужно?

— Мне нужен начальник охраны, Север. Преданный, сильный и отмороженный на всю голову. А взамен я тебе гарантирую безопасность, достойную жизнь и крышу над головой.

— Капитан Кравцов, ты мне ничего не должен, — еле слышно выдавил я, пялясь на свои новенькие кроссовки.

В ушах зазвенели выстрелы, взрывы, а по коже прошелся жар пламени. Я будто снова вернулся в тот ад… Ад нашей короткой командировки, в горячих обстоятельствах которой мы и побратались… кровью. Но тут меня тряхануло, когда я уловил зеркальное движение Кравцова. Он тоже дёрнулся, а значит, тот ад не опускал и его тоже.

— Должен, Север. Должен… Ты за меня две пули получил и от гранаты спас.

— Кравцов, ты что, в волшебника решил поиграть? — я тряхнул головой, прогоняя наваждение, и заметил, что Олег сделал то же самое. Видимо, тот ад до сих пор преследовал не только меня. — Зачем тебе я, уголовник с провалом в семнадцать лет?

— Мне нужен надёжный человек.

— Олежа, ты же помнишь, что в тюрьме время не замирает? Ты же понимаешь, что я уже не тот зелёный солдатик, попавший под твоё крыло? Мне уже за сорок, в кармане шесть тысяч рублей, горстка мелочи, крестильный крест на веревочке и справка об освобождении. — Я сделал глоток и откинул голову, дав понять, что никуда не пойду, пока мы не договорим.

Кравцов тоже откинулся, но перебивать меня не спешил. Напротив, он раскинул руки, расслабился, готовый выслушать все, что рвалось с языка.

— Вчера я впервые увидел, как люди говорят не просто по телефону, а по коробке с картинками. Я думал, что это видео вроде тех роликов, которые мы отправляли друг другу по блютузу. Нет, отец говорил с сыном, пока ел в забегаловке. От пельменных и столовых не осталось и следа. У меня нет паспорта, нет жилья, нет родных и…. я был уверен, что друзей у меня тоже нет. Иначе почему за семнадцать лет я не получил ни единой весточки?

Слова летели сами, так легко, игриво, без торможения. В компании Олега мне было спокойно, я не суетился, не стыдился факта просранной жизни.

— Из документов у меня лишь справка. Да и откуда ты знаешь, что я вышел из тюрьмы нормальным человеком? Вот откуда у тебя эта слепая уверенность?

Я высадил сигарету в три затяжки, запил горечь табака не меньшей горечью кофе и чуть наклонился, пытаясь уловить мысли Кравцова. Но он закрылся от меня, надев холодную непроницаемую маску спокойствия. А это бесило ещё больше!

— А может, это я убил губернатора? Может, это я водил наше министерство за нос, а сам плотно влился в ОПГ Денисова? Может, это я помогал им таскать в Чечню оружие, из которого убивали наших парней?

От наигранного смеха не осталось и следа, голос ломался с каждым звуком. Нарочно лживые слова стали острее лезвий, царапающих слизистую. И, кажется, последние слова пробрали Кравцова сильнее, чем я планировал.

Олег сжался, стиснул челюсть так, что желваки загуляли. Не утаились и его кулаки, и погашенный рывок, словно он хотел схватить меня и вдарить по морде, но сдержался…

— Всё сказал?

— Нет…. — меня уже было не остановить, злость бурлила, разгоняя кровь по венам.

Я снова окинул внимательным взглядом Кравцова.

— В чём твоя мотивация? Дорогой костюм, часы золотые, — я начал перечислять то, что бросалось в глаза. — Охрана, тачки дорогие… Ты, Кравцов, безопасник до зубовного скрежета, а значит, начальник службы безопасности нужен не тебе, а какому-то жирному ферзю, у которого ты пригрелся. А раз мы всем скопом оказались в отеле, значит, ферзь твой живёт не здесь…

И тут Кравцов не выдержал и расхохотался в голос. Продолжая колыхаться, он поднялся, собрал свои вещи, машинально убрал в карман телефон, портмоне, допил кофе и сделал шаг.

— Так и знал, что такой засранец, как ты, не растеряет свою поразительную наблюдательность…

Если бы не растерял, то не купился бы на ласковое «сынок»… Раскусил бы мразь продажную и не попал за решётку!

— Знаешь, Север, а ведь когда нас после Чечни стали разбирать по службам, никто и не сомневался, что тебя заберут федералы. В тебе был особый набор: пугающая наблюдательность, умение пользоваться мозгами, спокойствие удава и меткость снайпера…

Кравцов раскинул руки, осмотрел номер и крутанулся, поверяя, не оставил ли ничего важного.

— Значит так, силой тащить я тебя никуда не собираюсь. Хочешь остаться? Вперёд… Отель я тебе оплачу на месяц, мой номер телефона на визитке, в кармане твоей куртки наличка.

— Но? — я допил кофе и уставился на Кравцова. — После такой паузы непременно следует «но».

— Но я тебе предлагаю новую жизнь. Да, тебе придётся мне довериться вслепую. Как тогда, под градом пуль. Или как в той яме без еды и воды, — голос Олега дрогнул, но сделал это он не от слабости, а от желания показать, что готов быть откровенным со мной. — Если согласен, то поднимай свою задницу, и пойдем за мной. Подробности расскажу лишь после знакомства с моим «жирным ферзём»…

Кравцов вдруг расхохотался, чеканя чисто солдатские шаги в направлении выхода.

Сучара… Психологическое давление преподавали не только ему. Всё просчитал, бульдог сраный. Знает, что и идти мне некуда, и жить я умею лишь по-старому, в той стране, за интересы которой и оказался подбит.

Я и сам не заметил, как поднялся, метнулся в спальню, обшарил старую аляску, достал тот самый конверт с самым ценным. В какой-то момент я перешёл на бег, подхватил по пути явно приготовленную для меня куртку и выскочил в коридор.

Больше вопросов я не задавал. Догнал Олега и по пути внимательно осмотрел его компанию. Парни бравые, суровые… Не пустые качки, а прям боевые снаряды, готовые к любому повороту событий.

— Знакомьтесь, это Андрей Север, — прохрипел Кравцов, пытаясь не рассмеяться. — Мой брат, дважды разодравший свою шкуру, прикрывая тыл своего командира. Зелёного, неопытного, но уже командира…

Я поприветствовал парней, пытаясь запомнить их имена. И когда мы спустились, у подъезда нас уже ждал кортеж.

— Документы сделаю дома, на учет встанешь там. Я всё решу, — Олег хлопнул меня по плечу, подталкивая к огромному черному джипу… Вот только направлял он меня не к пассажирскому сиденью, а приказывал сесть за руль.

— Кравцов…

— Не спорь, Север. Ты не хуже меня знаешь, что если ты сразу не сделаешь выстрел, то потом будет в сто раз сложнее.

Скрипя зубами, все же покорно сел за руль и покатил следом за ведущей тачкой. Крутился на сиденье, таращился во все зеркала и вздрагивал от резких манёвров обступивших меня машин. И отпустило меня, лишь когда мы вырвались на трассу!

Свист вырвался из горла вместе с напряжением, мы встали в средний ряд и начали пробираться между заснеженных лесов. Заправлялись на огромных заправочных комплексах, с зоной отдыха, вежливым персоналом и пугающе чистыми туалетами. Пили не бурду из пакетика, а настоящий кофе из картонных стаканчиков, закусывали хрустящими хот-догами. Но ощущение затянувшегося, полубредового сна никак не отпускало.

Всё же я не был готов к реальности, как бы нас не готовили психологи. Не готов…

Олег с жаром рассказывал всё, что произошло за время моего отсутствия, причем делал он это в лёгкой, ненавязчивой форме.

— Ну, хоть президент остался тот же, — улыбнулся я, растекаясь по креслу, отметив, что больше не ёрзаю и не таращусь во все зеркала.

Трасса была монотонная, заснеженная, да и плотность трафика снизилась примерно через час пути. А ещё через три часа пейзаж стал сменяться посёлками. И вот тут Олежа начал настоящий разговор…

— После той командировки, как только меня подлатали в госпитале, я тоже получил приглашение в нашу «теневую» службу. Я явился в управление, но в широком коридоре меня перехватил один старичок по фамилии Бесадзе. Банкир, воротила, бизнесмен. Он предложил мне работу, крышу, место постоянной приписки, — голос Олега был сухим, но в нём не прослеживалось ни единой нотки сожаления.

— Обменял погоны, значит? — беззлобно процедил я.

— Обменял, Север, обменял… После контузии и черепно-мозговой меня мучили мигрени. Наверное, я проявил слабость… — Кравцов закурил, откинул голову на подголовник и закрыл глаза. — Мы с тобой застали конец второй войны. И наши ранения – поглаживания, по сравнению с тем, что я видел и слышал от вояк в госпитале. Страна менялась, входила в мирное русло… А мне так захотелось нормальной жизни, что я согласился на него работать.

— Бандит? — тихо спросил я, боясь услышать ложь.

— Нет, — отрезал Кравцов, пресекая малейшую дурную мысль. — Я стал охранять его внука. Мы прошли с ним через многое… И я не заметил, как стал частью этой огромной семьи. Они мне не чужие, Андрюха. Поэтому мне нужен…

— Пересидок с прошлым, которое уже невозможно отмыть? — рассмеялся я.

— Нет, мне нужен человек, которому тоже не помешает такая семья…

Олег вдруг замолчал, потому что мы стали приближаться к городу. Небо уже серело вечерними сумерками. Оказалось, что здесь движение на дороге ещё более интенсивное и плотное. Да и вывесок раз в десять больше. Город просто полыхал иллюминацией и до сих пор переливающимися новогодними гирляндами. Добравшись до центра, ведущий джип внезапно

свернул в проулок, и мы очутились в темноте подземного паркинга под высоченным зеркальным небоскрёбом.

Кравцов с облегчением выдохнул, словно наконец-то добрался до дома.

Впереди нас ждал КПП с досмотром, не уступающим своей серьёзностью въезд на секретный объект. Осмотрели нас, салон, днище машин и только после этого открыли ворота.

— Давай, Север, не дрейфь, — Олег хлопнул меня по плечу и начал суетливо собираться. — Сейчас я тебя с ферзями буду знакомить.

— С жирными, я надеюсь? — усмехнулся я и все же нырнул в дыру открытых ворот.

— Парни, все свободны. Семьям привет, до завтра, — Олег махнул охране, а меня потянул к зеркальным дверкам лифта.

То ли я устал удивляться, то ли просто вымотался с непривычки, но заметив пугающий ряд кнопок, я даже не охнул. А когда Олег нажал тридцатый этаж, то и вовсе отмахнулся… Пусть делает, что хочет.

Выйдя в холл, мы снова напоролись на охрану. И вот тут мне уже стало не до смеха… Кравцов довольно кивал, когда меня по второму кругу досмотрели, заставив вывернуть все карманы.

— Выдрессировал, — шепнул я, аккуратно пряча свой конверт. — А что, шефа досматривать не будете? Его вообще-то больше суток не было…

Я брякнул скорее от раздражения, но подняв глаза, напоролся на довольный взгляд Кравцова. Но доволен, кажется, он был лишь моим замечанием, а вот своим парням готов был откусить головы за недосмотр.

— Андрей прав, Петя, — Кравцов вывернул карманы, выбрасывая на стол мелочь, затем поднял руки. И лишь только после этого мы двинули к широким двустворчатым дверям, которые тут же распахнулись, словно нас ждали.

— Кравцов!!! — взвизгнула брюнетка и захлопала в ладоши, словно успела соскучиться по этому вурдалаку. — Герман, Олег приехал! И не один… Олежа, а ты больше не уезжай, потому что без тебя нас не выпускали из дома!

После эмоционального приветствия из глубины квартиры стали выскакивать ещё девушки. Я оглядел их бегло, заметив, что Олег стоит, опустив голову, словно смотреть им в глаза было запрещено.

Боже, ну, у богатых свои причуды. Хер с ними… Тяжело вздохнув, я повторил жест Олега и уставился в пол.

— Кравцов! — раздался мужской голос, и лишь тогда Олег поднял голову. — Ну, наконец-то! Всё, дамы… Домашний арест закончился, ваш покровитель снова дома.

— Я не понял... Ты что… Женщин охранять привёз меня? — еле слышно прошептал я, прислушиваясь к тяжелым шагам, направляющимся в нашу сторону.

— Заткнись, Север, — шикнул Кравцов и толкнул локтем меня в бок. — Андрей, знакомься, это моё начальство.

Уловив намёк, я поднял голову, едва сдержав смех.

Ну… Насчет жирных ферзей я, конечно, погорячился.

Плотной стеной, отсекающей дам, передо мной выросла весьма занятная четвёрка мужиков. Ферзи — это факт. Но совсем не жирные и не старые. Молодые, крепкие жеребцы с пугающе въедливыми взглядами, что теперь перекрестным залпом сканировали меня.

Дорогой прикид, холёный вид, расслабленный язык тела, а лица без единой эмоции, за которую я бы мог ухватиться. НИЧЕГО… Они словно нарочно отсекали меня.

Интересно…

Мужчины с готовностью пожали мне руку, а брезгливости я так и не заметил. Странно… А ведь они не могли не знать, откуда меня притащил Кравцов.

Тимур Бесадзе, Герман Гордеев, Сергей Баринов и Глеб Ларсанов.

Вот это ферзи…

Глава 3

— Ну, идём, Андрей Север, — первым прервал тишину Сергей Баринов и махнул рукой, дав понять, что именно он руководит парадом.

И квартира, скорее всего, была его… И единственная блондинка приходилась ему явно женой, потому как она первая начала дёргать его рукав, выражая недовольство тем, что женщин не представили гостю.

Дамы суетливо обступили мужчин, пока мы проходили по широкому холлу. То и дело меняли положение, будто нарочно путая следы. Это мельтешение было быстрым и забавным, как шарада, которую нужно разгадать. И заржавевший мозг принял это как вызов…

И тут я понял, что ведут меня не расстрел, а на экзамен. А ещё одним подтверждением стал хитрый прищур Кравцова, шедшего по правую руку от меня.

Войдя в гостиную, я едва успел скрыть вздох восторга. Через панорамные окна открывался бесподобный вид на город, медленно тонущий в вечерних сумерках. Дорого, чисто, да и пахло домом. А значит, хата не подставная.

— «Папа», тебе кофе сделать? — расхохотался Гордеев, тыча локтем в бок Баринова.

— Заткнись, Герман, — Сергей сел в кресло, а когда Гордеев попытался отвесить тому подзатыльник, Баринов довольно резко выбросил ногу, сбивая равновесие друга. — Сколько раз говорил не называть меня «папой»?

— Главный «ворон» не может не быть «папой», — заливался хохотом Гордеев, до последнего лавируя, а после довольно ловко ушел от захвата и выпутался из рук Баринова.

— Ну, раз я «папа»… Слушайте мой указ! Кравцов, — рассмеялся Баринов. — Грохни Гордеева!

От неожиданности я застыл, испуганно переводя взгляд с Олега на бравую четверку. Вроде, и тот смешливый… И женщины рядом не визжат от ужаса, да и Кравцов не потянулся к кобуре. Но ощущение опасности замерцало сигнальной лампой в районе затылка.

Я ещё сутки не провел на воле, а сейчас стану свидетелем убийства?

— Я тебе грохну! Баринов, это что за тиранские замашки? — вступилась брюнетка, пуляя в Баринова скомканной салфеткой. — Я и стрелять могу, и в ядах разбираюсь… Так что, Олежа, хорошо подумай, прежде чем выполнять указания этого самодура!

Если мужчины расселись, то дамы продолжали хаотично сновать по комнате, подходя поочередно к «ферзям». Шахматная партия какая-то… Я напрягся, чуть подался вперед, пытаясь понять, что, мать твою, тут происходит. Начал искать мелочи, взгляды, реакции тела. Собирал их как пазл, пока не получилась более-менее правдоподобная комбинация.

— «Папа» серчает, — усмехнулся Бесадзе.

— Грохни и Бесадзе, — устало махнул рукой Баринов, указывая на Тимура. — Устал я от них.

— Я те грохну! — махнула кулачком ещё одна брюнетка, как только поставила на журнальный стол поднос с кофейником и чашками.

— А что ты мне сделаешь, Ками? — рассмеялся Баринов, то и дело стреляя в меня взглядом. — Измучаешь острословием, а затем взберешься на дерево и истечешь кровью?

— Бесадзе! Научи меня стрелять! — брюнетка звонко рассмеялась и мимоходом ткнула в грудь Тимура. — Ты просто обязан научить меня стрелять! Мы с девочками будем ваши тылы прикрывать, если Баринов пойдёт по стопам Тимирязева.

— Марьяна, — Баринов посмотрел на блондинку и прищурился. — Ты тоже могла за меня вступиться…

— Ой, а я что, промолчала? — театрально охнула девушка, прижав ладонь ко рту. — Да брось… Кто будет стрелять в «папу-ворона»? Но, Кравцов, если хочешь пострелять, убивай Баринова. Дважды вдова — звучит романтично…

За этим забавным трёпом я вдруг понял, что от напряжения не осталось и следа. Внимательно слушал, пытаясь запомнить, кто есть кто. И так интересно стало… Меня утопило в густом ощущении дружбы, любви и полном принятии друг друга. И, судя по взглядам, Кравцов им был совсем не чужой. А значит, они и есть та самая семья, о которой он рассказал мне в машине.

Иерархия если и была, то какая-то смазанная и явно не между мужчинами. Да и «папа» звучало как-то в шутку что ли, без злобы и зависти, словно всех это положение более чем устраивало.

Смущал меня лишь термин «ворон». Если их пренебрежительное «папа» не несло в себе смысла, то называя друг друга «вороном», мужчины вскидывали подбородки, демонстрируя, что за этим званием стоит нечто большее…

— Ну, так что? — Кравцов зевнул и повёл плечами. — Грохать кого будем или нет? А то мы с дороги, устали как собаки. Да и жрать охота, что аж мордочки готовы треснуть.

В гостиной повисла тишина… Я был готов поклясться, что слышу дыхание каждого. И все взгляды устремились к Олегу.

— Кравцов, это что, была шутка? — тихо прошептала блондинка, еле сдерживая хохот. — Ты что, умеешь шутить?

— Я есть умею. А когда я голодный, моя язва готова и шутить, и на ушах ходить, — Олег широко улыбнулся, вынося грохнувший залп смеха.

— Ладно… Нельзя Кравцова до больнички доводить. А теперь брысь, — хлопнул в ладоши Бесадзе. — «Папа» аудиенцию проводить будет.

Девушки дружно переглянулись, выражая обиду, но спорить не стали и двинулись к тяжелым распашным дверям, у которых немного потоптались.

И тут я заметил разительное изменение… Когда звонко щелкнул замок за спинами дам, от веселых и добродушных мужчин не осталось и следа. Теперь они не таились и смотрели на меня со свойственными таким людям прямотой и подозрительностью.

— Север Андрей, — протянул Баринов и посмотрел на друзей. — Кравцов нам обо всем рассказал, но нам бы хотелось услышать твою версию.

Понимание, что без оголённой души меня отсюда не выпустят, я тяжело вздохнул, глуша желание закурить, и начал рассказ. И о том, как после командировки в Чечню всю нашу чудом выжившую группу начали растаскивать по разным ведомствам, и про то, как я оказался в Сибири, и про секретную операцию по внедрению в ОПГ, занимающуюся транзитом нелегального оружия на Кавказ.

— Насколько мне известно, перед внедрением проводится работа. Да и судя по датам, — вмешался Гордеев и достал из-за спинки кресла папку, быстро пролистав какие-то документы. — Вам было… всего двадцать пять?

Я невольно кивнул, вынужденный отметить, что Гордеев совсем не прост, а поначалу он мне показался весельчаком и душой компании. Но нет… Так точно угодил в саму суть.

— Меня выбрали не за заслуги и отвагу, а потому что со мной срочную службу проходил сынок главаря той ОПГ. Мне быстро состряпали легенду и официально уволили из органов, — я стиснул пальцы, пытаясь отвлечься от зудящей злости. — В армии мы дружили… Но я не знал, что его папаша гонит оружие, из которого потом стреляют в мирных и наших солдат. Муки совести ушли на второй план, так я и внедрился.

— Но если операция была засекречена, как ты узнал про Севера? — Бесадзе резко обернулся к Кравцову.

— Мы потерялись в столице… Меня увёз дед Бесадзе, а парней растащили по ведомствам. В том хаосе было сложно найти своих, но с годами я нашёл всех, кем руководил… Всех, кроме Севера. Впервые его фамилия всплыла, когда я пытался узнать, куда могут этапировать Соломона Соболева. Один из начальников колонии оказался нашим сослуживцем. Демидов…

Олег повернулся ко мне, когда произнёс до боли знакомую фамилию.

— Тут и начал рыть, потому что должен ему… Дважды должен, — Кравцов перевёл взгляд на своих боссов, причем смотрел открыто, без тени раболепства. — Но мне быстро надавали по шапке, а данные из архива чудом оказались утеряны. Резкий потоп у них там произошёл…

— И что? — нахмурился Герман.

— Выяснилось, что сидит Север в ИК с бывшими сотрудниками системы. А значит, о его безопасности все же позаботились, потому как могли бросить в общую, Герман Георгиевич. Тогда я решил пойти другим путём, с чем мне и помог Демидов, — Олег повернулся ко мне и быстро подмигнул, словно я нуждался в его поддержке. — Он-то и узнал, что Андрея готовят к УДО в свете вновь открывшихся обстоятельств.

Я и сам слушал внимательно, пытаясь не упустить ни единого слова Олега. Было много непонятного, возникали вопросы, но задавать я их не стал. Кравцов и дальше сыпал подробностями, рассказывая, каким образом вышел на меня, а я смотрел в панорамное окно. На этой высоте не было видно ни городской иллюминации, ни посторонних зданий… Ничего не отвлекало от бесконечности без рисунка в тюремную решетку.

Серые тучи вновь разразились залпом снега, лишь подчеркивая мрак моих мыслей. Вот и всё… На прошлое я уже повлиять не могу, но к новой реальности пора привыкать. И путь этот будет долгим, сложным и болезненным.

Может, это и неплохая идея – осесть рядом с Кравцовым?

— А что за новые обстоятельства дела? С чего вдруг подписали УДО? — Баринов стучал телефоном по колену, явно транслируя сомнения по поводу моей кандидатуры.

По квартире прокатился тяжелый выдох… Мой выдох! Я понимал, что они просят честности и откровения, понимал, что без правды глупо надеяться, что вверят их безопасность.

А как ни крути… дураком я не был. Видя обстановку, относительную адекватность этих персонажей, глупо отказываться от работы, с помощью которой я смогу встать на ноги. Мне нужна моя жизнь! Я обязан забрать то, чего меня лишили!

— Я получил двадцать пять лет по совокупности статей 277 и 210 УК РФ. Участие в преступной группировке и убийство государственного деятеля, а именно губернатора Латышина, — я сделал паузу, всматриваясь в лица мужчин, но никто в припадке биться не стал, они спокойно ждали подробностей.

После той командировки в горячую точку жизнь и правда изменилась… Мы сначала осели в Москве, нам выдали служебное жильё, я вышел на работу, даже звание новое получил. Появились деньги, связи… Да я жить начал нормально! И тогда меня вызвали в спецотдел и сделали предложение, от которого нельзя отказаться, уж очень много пересечений было у меня и отпрыска главаря ОПГ Денисова. А ещё мы были из одного города, в школе одной учились. Так я и оказался на малой Родине… Но уже не в качестве офицера и героя боевых действий, а в качестве заблудшей души, ищущей материальных благ в криминальном мире.

У меня был куратор, подполковник Варна. Хороший дядька, всё «сынком» меня называл… Пирожки из дома таскал, о здоровье интересовался, подбадривал. А потом в один день всё рухнуло…

— Кто-то грохнул губернатора, выходящего из дома, а камеры зафиксировали мою тачку, — подытожил я, осушая принесенный Олегом стакан воды. — Пропажу машины я обнаружил лишь ночью, когда нужно было выдвигаться на сделку по продаже оружия. И я проспал, потому что накануне встречался с подполковником, чтобы проработать детали, ведь именно на этой

сделке всех и должны были повязать. Я был так рад, что моё внедрение скоро закончится, что не стал искать свою машину, а взял тачку девки, с которой жил.

Я закрыл глаза, пытаясь отфильтровать воспоминания, чтобы не зацепить пережитые эмоции. Они мне были не нужны…

— Задержание ОПГ произошло, вот только отпускать меня никто не торопился. Сотрудники были не в курсе о моём внедрении, просьбы встретиться с подполковником высмеивались… А дальше к участию в ОПГ мне добавили подстреленного губернатора. Суд был быстрый, дали по совокупности двадцать пять лет… А я всё надеялся, что завтра меня отпустят. Но нет… Тот самый подполковник, называвший меня сынком, открестился от всего. Подделал моё заявление, сказал, что мы уже полгода не виделись, а в Москву отбил рапорт о том, что меня перекупили злые преступники, и в планировании операции я не участвовал. Ему дали награду, а я оказался за решеткой…

— Твою мать, — прошептал Баринов и растёр кулаком лоб.

— Он уничтожил мои доклады, протоколы встреч, видеопленки, аудиозаписи… Он сделал всё, чтобы все поверили, что Андрей Север продался. Ну и кому поверили? Правильно… Уже полковнику Варне.

— Ну а что за новые обстоятельства-то? — Гордеев прочистил горло, бегло посмотрел на таких же шокированных друзей, и мне показалось, что в его глазах я уловил каплю сочувствия.

Вот только ответа на этот вопрос я не знал. Правда, на помощь мне пришёл Олег. Он хлопнул меня по плечу и начал рапортовать:

— В группировке был Султан Кулимов, его тоже осудили по максимуму, потому что при задержании он убил сотрудника. Летом ему диагностировали рак, так этот придурок, в обмен на послабление условий содержания, вызвал следака и начал соловьем петь о делах почти двадцатилетней давности. И пел красиво… Обличил несколько «оборотней в погонах», давно ушедших на пенсию, а заодно замолвил слово за Севера. Он и сообщил, что Андрей не мог убить губернатора. Так и закрутилось. Дело по второму кругу засекретили, а Андрею щедро выписали УДО, сократив срок за убийство, которого он физически не мог совершить.

Я не сдержал ухмылки, уловив растерянность собравшихся. Что говорить обо мне, когда даже их зацепила такая форма частичной реабилитации бывшего офицера? Подло… Но это в прошлом!

Всеобщее молчание было невыносимым. От напряжения и липкого ощущения грязи прошлого лично мне хотелось выть волком. А так хотелось вновь окунуться в их споры, шутки, услышать лёгкие пикировки женщин.

Короткое воспоминание, а былая ярость с новой силой заклокотала где-то под сердцем.

— Ладно, уже поздно, потом разберемся с подробностями, — хлопнул в ладоши Бесадзе, очевидно успокоившись от полученных объяснений. — Но есть пара вопросов… Расскажи, что увидел, войдя в квартиру?

Я растерялся, уж очень контрастным был переход от прошлого к реальности. И, очевидно, на это и был расчёт…

Вся эта суета, мельтешение женщин, строгие взгляды – это проверка. Проверка не на человеческий фактор, а подсвечивание уровня моего профессионализма. Вот только чего они хотят, учитывая, что я почти четверть века тренировался на зеках?

Стиснул зубы, вытряхнул в рот последние капли воды, отставил стакан, который сжимал все это время. Закрыл глаза, сменяя воспоминания картинкой сегодняшнего дня, и начал:

— Ками Бесадзе, о полном имени я могу лишь догадываться. Глаза карие, волосы ниже плеч, отросшая челка, потому что она до сих пор машинально касается лба. На правой руке два кольца, судя по частым поглаживаниям живота, находится в положении.

Бесадзе поджал губы, сдерживая улыбку, и быстро кивнул, подтверждая всё, что я сказал.

— Гордеева… Имени не сообщили. Брюнетка, глаза голубые, на подбородке небольшой шрам, на запястье свежий ожог, судя по форме, получила его на кухне. Возможно… Противень.

Гордеев закашлялся, подавившись сигаретным дымом, и звонко хмыкнул, быстро бросив:

— Гордеева Ива Давидовна.

— Запомню. Дальше Марьяна Баринова, блондинка, глаза серые, на левом виске замаскированный ожог, на шее три родинки. Походка рваная, припадает на левую ногу, а значит, есть травма.

— Хорош, — довольно закивал Баринов и метнул взгляд на все это время молчавшего Ларсанова, ожидая, что же я скажу про него.

— А четвертая, очевидно, Ларсанова… — я обернулся к Глебу, отметив его улыбку, скрытую за сжатым у лица кулаком. — По всем признакам вы в ссоре.

— С чего ты взял? — Глеб чуть наклонился вперёд и прищурился.

— У вас из-под ворота выглядывают алые, ещё свежие царапины. А ваша супруга дважды коснулась их, когда подносила вам кофе, словно нарочно хотела сделать больно. А значит, до сих пор злится. И, думается, цветы тут не помогут.

— Всё? — снова вмешался Гордеев, перетягивая моё внимание. — Больше сказать нечего?

— Нет, — я чуть подумал, пытаясь понять, не ляпну ли лишнего, но если уж играть, то до талого. — Судя по косвенным признакам, Герман Георгиевич, ваша супруга тоже в положении.

— Как понял? — Герман чуть наклонился вперед, и его глаза стали затягиваться серым туманом, поглощая искрящуюся зелень.

— У женщин меняется походка, даже на раннем сроке. Да и пока она шла до двери, трижды коснулась живота, когда девчонки начали толкаться. Она защищала то, что имеет самую большую ценность… И, очевидно, что это ребёнок.

— Может, ты и пол определишь? — хохотнул Гордеев и с шумом выдохнул.

— Нет, этому нас не учили.

— Я что-то не понял, — прохрипел Бесадзе, резко оборачиваясь к Герману. — Ива беременна?

Упс… Я не выдержал и рассмеялся, осознав, что, очевидно, выдал секрет.

— Вы приняты, — Сергей пресек спор в зародыше, резко поднялся и протянул мне руку.

Но это уже было не просто приветственное рукопожатие, он с силой стиснул мои пальцы и чуть дернул на себя, сокращая дистанцию.

— Кравцов больше не может разрываться на две должности. А нам нужен начальник службы безопасности, ничем ему не уступающий. Олег за тебя, Север, головой поклялся. А мы привыкли ему доверять, как самим себе.

— Понимаю, — кивнул я, стойко вынося пронзительный взгляд. — Кравцову и я бы жизнь свою доверил. Но я вижу, что у вас есть условия…

— Ты прав, — тут вмешался Бесадзе, тоже поднялся и подошёл, скрепляя сделку рукопожатием. — Для начала медицинский осмотр. Полный… Не обижайся, но у нас две беременные женщины. А дальше ты поедешь в тайгу, на нашу базу по подготовке ребят. Отоспишься, отъешься, наберешь форму и постараешься жить в новых реалиях.

— А затем мы будем тебя ждать на службе, — Гордеев тоже протянул мне руку, показывая, что виза этой компании состоит из трёх голосов.

А значит, я оказался прав… «Папа» — чисто номинальный статус. Эта троица и есть коллективный «папа».

— Добро пожаловать в новую жизнь…

Глава 4

… спустя полгода.

Кира

По щеке скатилась капля пота и затерялась в спутанных волосах. Июльское солнце жарило с самого утра. Его приставучие лучи скользили меж изогнутых ветвей старого тополя и проникали в распахнутые окна квартиры. И этот жар стремительно выжигал кислород, превращая каждый вдох в пытку.

Кожа была липкой от испарины. Чтобы не задохнуться, я перекатилась на спину, но тут же треснулась затылком о подлокотник. А значит… Значит я снова уснула на диване. Чёрт подери!

Пока я прислушивалась к стонущему позвоночнику и пыталась вспомнить вчерашний вечер, виновник моего изгнания с дорогущего ортопедического матраса торопливо зашагал по кухне.

— Проснулась? — тихий голос прокатился по гостиной и ударил точно в и без того ноющий затылок.

— Чёрт подери, — я растёрла лицо, выгнулась в дугу, пытаясь прогнать ломоту от неудобного сна, и рывком села.

От хорошего настроения не осталось и следа, а отвращение осело на корне языка неприятной горечью. И исправить неудачное начало дня не мог даже аромат кофе, который Рома вечно переваривает, превращая в бурду.

Ну не умеешь ты варить напиток богов, так не трогай турку! Но нет, он с упорностью осла снова и снова превращал арабику в горькое, перекипевшее варево.

— Что, я настолько противный, что проснуться со мной в одной кровати смерти подобно? — судя по звуку, Рома направлялся ко мне, и я, толкаемая своим раздражением, поторопилась стряхнуть запутавшийся в ногах плед.

Уловив опасно близкое движение в воздухе, нарочно нагнулась, превращая порцию утренней мужской ласки в неудачный захват. Рома только и успел, что мазнуть по обнажённой коже плеча. Но и этого было много для непрошибаемого упрямца!

— Данилов, а давай без спектаклей? — я честно пыталась сбавить раздражение в голосе, но вышло плохо. — Я их ненавижу, особенно по утрам. Ну что? Добровольное признание? Или опять скажешь, что уснул в моей кровати случайно?

Потянулась, позволяя раскаленному воздуху проскользить по обнаженному телу, а после стянула с кресла футболку. Прошла к открытой кухне, нарочно игнорируя несанкционированного гостя. Подавила желание фыркнуть и всё же плеснула в чашку кофе.

Данилов напрягся, спрятал руки в карманы джинсов и тихо хмыкнул, словно задумался… А я даже знала, о чем! Знала я этот сценарий назубок: искра, вспышка, скандал… И остатки настроения вынесет слабый сквозняк. Поэтому проще притвориться, чем втягиваться в извечный спор.

— Чёрт, почему так душно уже с утра? — я распахнула двери на балкон, раздвинула занавески, машинально осмотрев свой тихий двор, окруженный жёлтенькими двухэтажками. — Я что-то забыла, когда пригласила тебя остаться на ночь. Ты знаешь, что я не выношу твоего храпа! Вот и ухожу в гостиную…

Обернулась, сделала глоток. Рома подпирал перегородку между гостиной и кухней и таращился в ответ. Он уже был собран, волосы блестели влагой после душа. А следы бурной ночи выдавали лишь мятая футболка и отросшая щетина… И почему он её постоянно сбривает? Каждое утро как солдат-отличник.

— Кира, что за детский сад? — Рома хмыкнул и закурил, подходя к балкону. — Ну не хочешь, чтобы я оставался в твоей квартире, приезжай ко мне!

— Что, Данилов, бьёт по самолюбию, что какая-то следачка не ценит щедрости твоих ухаживаний и не виснет на шее, выпрашивая дорогие цацки? — я усмехнулась, бегло осмотрев так и не распакованный подарок, с которым вчера он заявился в гости.

— Кир, у меня дом в центре, а я гоняю к тебе через весь город, чтобы трахнуться и разбежаться. Разве это разумно?

— Разумно? Смотря что ты имеешь в виду, — хмыкнула я. — Наш секс или то, что ты купил дом в самом центре?

— Не передёргивай, Кира, — и вот тут Рома прокололся, недовольство вырвалось из-под маски невозмутимости, вызывая у меня улыбку.

Ну ничего… Справится. Я же не визжу, что он обманом остался спать в моей кровати? Вот и он переживёт, что не все бабы этого города готовы ноги ему целовать и преданно ждать аудиенции.

— Данилов, это что за наезды? — я сдернула с холодильника свой телефон, стоявший на зарядке. Пролистала уведомления и, осушив горьковатый кофе, двинула в душ.

Но когда я вошла, раздражение лишь усилилось… Бесили даже самые простые мелочи! Брошенное полотенце, смятый коврик у раковины, брызги на зеркале и неопущенная крышка унитаза. Даже мой дорогой шампунь не стоял, а валялся, выпуская по капле ценную мыльную жижу. Конечно, ему-то что? Пошёл и купил…

— Слушай, может, у тебя ПТСР какое? Или ОКР? — посмеивался Рома, наблюдая, как я стираю следы присутствия чужого человека в своей квартире. — Кир, это начинает меня тревожить. Может, хватит самой мотаться по задержаниям? Ты не кошка, и жизнь у тебя одна. А ты зарылась в свою работу, будто ничего важнее нет.

— Ром, меня тоже тревожит, что ты начинаешь навязывать свои правила.

— А я в своих действиях не вижу ничего криминального. Не люблю, когда из меня делают секс-игрушку.

«Данилов, не льсти себе…»— слава богу, что эта фраза была вовремя перехвачена и проглочена, дабы не распалять и без того назревший конфликт.

Игнорируя наблюдателя, я демонстративно сменила полотенца, протёрла поверхности, зеркало, отправила коврик в машинку и лишь затем разделась и встала под душ, заглушая яд его слов плеском воды.

Данилов будто назло не собирался уходить. Наоборот, вошёл в ванную, оперся о тумбу раковины и таращился на меня, как кот на сметану. Он тщательно отыгрывал свою роль, скользя по мне липким взглядом возбуждения. И даже дыхание потяжелело…

НО!

Данилов — хороший и качественный жеребчик, правда, всего на один раз. Этакий титулованный скакун, готовый подвести тебя к пределу, доработать до последнего, но на второй заезд он просто неспособен.

Ну, есть такая конституция половая. Есть. И мне это подходит. Или подходило… Нет, секс у нас хороший, даже качественный. Грех жаловаться… Но утром вместо будильника тебя не разбудит твёрдость эрекции и шальной блеск глаз. Из этого набора у Данилова лишь взгляд… Это такое амплуа богатенького плохиша, которое он всячески подогревает. А раз так, то для чего эти поросячьи нежности и совместное пробуждение?

— Ром? Ты что, назло портишь мне настроение? — я выключила воду, отжала волосы, завернулась в полотенце и проскочила мимо своего надзирателя. — Ты не мальчишка уже, так какого черта заставляешь меня играть роль воспитательницы? Или это ролевуха такая? Нравится, что я снова и снова повторяю правила поведения?

— Алфёрова, что я слышу? Майорские нотки? Упал-отжался? Руки вверх, предъявить документы? — мужской хохот бил в затылок, нарочно преследуя меня до кухни. — Но ты же помнишь, что я не твой подчиненный?

— А ты помнишь, что нас с тобой связывают не отношения в общепринятом понимании? — бросила через плечо и открыла холодильник, прикидывая, что можно приготовить на завтрак.

— А почему?

А почему… На языке так и зудел хулиганский, даже немного детский ответ, но я вовремя прикусила кончик языка, проглотив: «А потому!».

Романа Данилова я знаю давно… У нас много общих друзей, но это единственная точка пересечений наших интересов. Так уж вышло, что мы совершенно из разных социальных пластов. И я с этим смирилась, мне даже казалось, что Рома тоже. Но сегодняшнее утро показало, что все не так просто.

У меня самая обычная семья, самая обычная работа и длинный перечень трудностей, с которым сталкивается любой обычный человек. А вот Данилов у нас вырос на пуховой перине и жрал икорку черную золотой ложечкой. Отсюда и истерики, что ляле не дают желанную игрушку.

Я до сих пор не понимаю, как мы вообще умудрились состыковаться? И ведь не обманывала его никогда. Сразу рассказала и о своих планах, и о том, что мне от него ничего не нужно. Так какого черта мне иногда кажется, что он врёт и притворяется?

Оглянулась через плечо, царапнув взглядом по хоть и злой, но до сих пор самодовольной морде Данилова. Понятно… Слушает, но не слышит.

— Ром, я работаю по пятнадцать часов в сутки, а в воскресенье стираю трусы и драю полы, чтобы не загнутся от аллергии на пыль. У меня нет ни времени на отношения, формат которых ты мне навязываешь силой, ни желания… И второго, к слову, у меня меньше, чем первого.

Врубила кофемолку, чтобы дать себе хоть пару секунд передышки. Скрипела зубами, грозясь превратить зёрна в пыль… И отжала кнопку, когда старенькая машинка уже нагрелась, того и гляди готовая задымиться.

— Ну что ты смотришь? — я закатила глаза, хотя ненавидела этот жест. — Ну не буду я никогда варить щи-борщи и готовить ужины для твоей семьи. Ром, этого не будет! Только не рассказывай, что твоя родня спит и видит приютить в своей семье чокнутую следачку.

— Кира, при чем тут моя семья? — Данилов в край осмелел и подошёл со спины, прижимая меня к кухонной столешнице. Чуть качнул бёдрами, демонстрируя созревшую крепость мужского духа. — Да и не в прачки я тебя зову. Просто будь со мной, а? Твои правила мы испробовали, мне не понравилось. Так давай поживём по моим правилам?

Я сдержала тяжёлый вздох, буквально проглотила его. Я этого засранца так хорошо знаю, чтобы быть сдержанной в реакциях. Одно неаккуратное слово, и начнётся спор, а их я терпеть не могу. Кровь вскипает, в груди растекается пожар, и я готова достать шашку и идти в бой! А пленных я с детства не беру…

В ответ на мою реакцию вспылит и Рома. Он поорёт, потом попытается убедить, что все это — мои женские заскоки, а он имел в виду совершенно другое. Но адреналин растормошит его сытое либидо, и тогда взрыв тестостерона обернётся в быстрый и бестолковый секс… «на полшишечки», как говорит мой дедуля.

А я всё что на «пол» терпеть не могу.

— Приезжай ко мне. У меня огромный дом, повариха, домоправительница, охрана… — Данилов перешел на шёпот и проскользил колючей щекой по чувствительному месту за ухом. — Ты же мечтала поваляться в джакузи?

Мечтала… Но проблема в том, что, возвращаясь с работы, я иногда засыпаю прямо в прихожей, пока снимаю обувь, а просыпаюсь от будильника и от нестерпимой боли в пояснице. Да и мечтала я о том, чтобы просто понежиться в бурлящей водичке без необходимости кого-то соблазнять… И желательно, чтобы не брить ноги.

Разные у нас представления о релаксе. Мой кайф – тишина и одиночество. Его кайф – красивая картинка и покорная баба под бочком.

Данилов поднял руку, пробежался пальцами по моему плечу, откинул мокрые волосы за спину и, перехватив подбородок, дернул на себя, тут же запечатав спор горячим поцелуем.

Что-что, а целовался он отлично… Так сладенько, нежно. Как сказала бы моя подруга Инга, как ласковый котёнок.

Вот и ещё один парадокс, так резко конфликтующий с его брутальной внешностью.

И, кажется, утро начало исправляться, потому что по квартире сначала прокатилась трель дверного звонка, а после в металлическое полотно застучали торопливые пинки. И я знала, кто нагрянул ко мне с утренним рейдом…

— Ах да… В моём доме есть ещё один неоспоримый плюс, — зашептал Рома, чуть отталкиваясь от меня. — Туда внезапно не нагрянет твоя Шальная императрица. Её охрана точно не пропустит…

Пропустит… Недооцениваешь ты мою рыжую крошку.

— Ты в глаза ей это скажи для начала. А я, так и быть, развею твой прах над речкой, — подмигнула я и с ловкостью дикой кошки поднырнула под его расставленные капканом руки, и метнулась в прихожую, пока мне дверь не вынесли.

Шальной императрицей Рома называл мою лучшую подругу, Ингу Имперову. Насчет императрицы он сильно преувеличивал. Никаких королевских регалий, она всего лишь была прокурором…

Но каким?

Шальным. Это точно!

Кстати, так называл Ингу не только Рома. По смежным структурам это прозвище гуляло ещё со времён академии. Инге пророчили великое будущее в СК, но подруга выбрала другой путь. Под её острой шпилькой погиб не один следак, хреново подготовивший уголовное дело в суд. Но в этом пикантном прозвище была и толика правды. Характер у моей подруги был и правда шальной. Ну, или на любителя, как говорит иногда сама Имперова.

— Ну почему так долго? — Инга влетела в квартиру, всучила мне коробку с пончиками и пулей умчалась в сторону ванной, характерным образом поджимая ноги.

Я рассмеялась, смотря вслед своему рыжему одуванчику, и пошла на кухню. Рома дураком не был, лезть на рожон не имел привычки, поэтому уже собирался, рассовывая по карманам вещи.

— Подумай, Кира, — он вскинул руку и в несвойственной, даже немного грубой манере привлек к себе.

— Данилов, ты дурак? — я отклонилась и поправила ворот его футболки, за который зацепился толстый жгут странной золотой цепочки. — Да любой мужик мечтает о красивой и самостоятельной бабе, которая не клюет мозг, не просит сумочки, телефончики и туфельки. У тебя отличный секс, пусть и пару раз в неделю, но отличный… Твои бытовые потребности закрывает обслуга, а всё, чего я прошу – просто отчаливать в порт приписки, а не храпеть на всю квартиру. Если тебя что-то не устраивает, то я могу подумать… Подумать о том, чтобы прекратить наши встречи.

От улыбки на холёном лице Данилова не осталось и следа. И в какой-то момент я уловила тень не раздражения, нет… ярости. Вспышка была быстрой, полыхнула в его черных глазах, но тут же рассеялась.

— Пойми, Ром, — я снова прошлась по его плечам, растягивая заломы и примятости на брендовой одёжке. — Мы с тобой с разных планет. Ты мечтаешь трахнуть меня в своем джакузи, напоить дорогим шампанским и накормить клубникой, потому что именно так видишь обязательную программу по завоеванию женского сердца. А я думаю, как бы накопить на новую машину.

Рома дёрнулся, словно мои слова хлестанули его по живому.

— Ты гадаешь, куда бы вложить баблище. А я думаю, как бы выспаться и не чокнуться. Ну, разные мы с тобой, Ром. Очень разные! И не говори, что ты был коварно обманут…

Я встала на цыпочки, быстро поцеловала его в подбородок, смягчая грубость своих слов.

— Алфёрова, умоляю… Скажи, что это намёк на тачку, — Рома зацепился за неаккуратную фразу, и от злости на его лице не осталось и следа.

— Нет, Ром… Нет, — я отшагнула, освобождая путь для его отхода, когда в ванной зашумела вода. — Ты знаешь, что подарок – это разновидность взятки. Сначала роллами кормите, цветами задариваете, а потом список требований выписываете хлеще, чем террористы.

— А ты, значит, взяток не берешь? — как-то странно усмехнулся Данилов, окинув взглядом мою квартиру, чтобы ничего не забыть.

— Не беру… И с террористами переговоров не веду.

— Сурово, — Рома прищурился и отвел взгляд, проверяя жужжащий телефон.

— Сурово, но зато честно, — я сжала его ладонь, чуть впилась ногтями, призывая услышать мои слова. — Сколько тебе? Сорок два? Я понимаю, что уже не хочется мчаться из центра на окраину, чтобы трахнуться и ехать обратно. Тебе хочется тепла и семейного быта. Так женись! Найди хорошую девчонку, она тебе и щи-борщи будет варить, и румяных карапузов нарожает.

— А в твои планы, значит, это не входит? — он ласково зарылся пальцами мне в волосы, чуть оттянул их у корней и усмехнулся. — Молодая ещё? Карьера, звания, повышение… Ещё успеешь, или просто я не герой твоего романа?

Роман не герой моего романа… Забавно. И до одурения правдиво, учитывая, что Данилов сказал это сам. Дураком он не был… Сам всё понимал. У женщины следователя и так жизнь не сахар. А у молодой и красивой — жизнь острее бабушкиной аджики.

Да и, как говорит мой дедуля, если и палить свою жизнь, планы и амбиции, то исключительно ради ферзя. На другие фигуры я не согласна…

— До вечера, — Рома поцеловал меня в щеку и вышел в коридор, сталкиваясь в проходе с Ингой. — Привет императрицам!

— Халлоу олигархам, — ответила Инга, провожая того тяжелым взглядом, но как только он переступил порог, быстро метнулась и закрыла дверь на замок. — Опять взятку предлагал? Что на этот раз? Квартира? Машина? Путёвка в Париж?

— Хуже… Жить вместе хочет, — я отмахнулась от вопросов подруги и отправилась к плите, вспомнив, что так и не сварила кофе. — Если бы ты не пришла, то и замуж бы позвал.

— Выходит, не зря я Саньку в детский сад раньше обычного отвела, — не удержалась от колкости подруга, а проходя мимо, ободряюще похлопала по руке.

— Семья Данилову нужна. Карапузы, жена, которая будет сверкать с обложек журнала, открывая очередной благотворительный фонд, и дом – полная чаша.

Вопрос не только в том, что Данилов привык покупать внимание женщин. В условиях современности это уже не новость. Дело в том, что материальные ценности меня волнуют куда меньше, чем опасность просрать жизнь бок о бок с неподходящим мужчиной.

Я из простой семьи… И с детства поняла, что мужик – это не про слово, а про дело. А обещать золотые горы и полную свободу в комфортных условиях каждый дурак может. Но замуж за дурака я точно не собираюсь.

— А ты не хочешь с ним жить? — задумчиво протянула Инга, подойдя к окну, откуда просматривался двор.

Я тоже отодвинула тюль, наблюдая, как Рома садится в свою спортивную тачку.

М-да… В утреннем свете его агрессивный зверь смотрелся весьма комично по соседству с ржавыми жигулями и праворукими японцами.

— Инга, трах мозга я получаю регулярно, и первым извращенцем является мой начальник. На кой черт мне второй придурок? А Данилов именно так себя и поведёт, осознав, что за неделю мы с ним увиделись максимум дважды…

— Ну, как знаешь, — Имперова дернула плечами и задернула занавеску. — Дело твоё, сама знаешь, лично мне он никогда не нравился.

— Почему? — я улыбнулась и разлила закипевший кофе по чашечкам.

Инга стянула чулки, дабы не порвать их, а после вымыла руки и начала помогать накрывать на стол.

— Не знаю, — Инга сморщила носик и махнула головой, рассыпая рыжие кудряшки по плечам. — Да странно это. Рому Данилова в нашем городе каждая собака знает… У него три дилерских автосалона, сеть автосервисов, автомойки. Он может найти себе любую… Но он упорно таскается за тобой, грезя, что рано или поздно ты станешь домохозяйкой и начнёшь ему наследников рожать.

— А вдруг начну? — я рассмеялась, да так не вовремя, что от резкого выдоха сдула с пончика сахарную пудру, осыпая свою подругу.

— Начнёшь… Непременно начнёшь, но лишь когда встретишь самца, способного затмить твою любовь к работе, — Инга захихикала и облизала обсыпанную пудрой ладонь.

— А Данилов, значит, не самец? — я рассмеялась, наслаждаясь легким разговором с подругой. Нет ни претензий, ни требований… И за это я её обожала!

— Да какой он самец? Молодящийся сынок богатеньких родаков. И ты этой семье совершенно не подходишь. Ты, Кира, честная, как ребёнок солнца. Не врешь, не играешь дурочку… Ты же сразу ему сообщила, что готова дать лишь секс.

— Нет, Имперова, ребёнок солнца у нас ты, — я перегнулась через стол и дёрнула Ингу за кудряшку. — А я скорее дитя бетона и дрянного кофе.

— Всё!!! Поела? Кофе выпила? Бегом собираться, у нас совещание через сорок минут, — Инга постучала ноготком по циферблату часов, а затем подтянула к себе последний пончик.

На сборы у меня уходило не больше получаса. Высушила и уложила волосы, надела джинсы, футболку, сгребла вещи в рюкзак и вышла из спальни. Инга уже у порога натягивала чулки и обувала свои коварные шпильки.

— А ведь мы с тобой тоже разные, Имперова, — я сдёрнула кожаную куртку, чтобы забросить её в машину на случай дождя. — О твоих ножках слагают легенды… А об аппетитной заднице мечтают все работники юстиции. Что уж говорить, ещё ни одна супруга не пропустила ни одного корпоратива, потому что даже они знают про Шальную императрицу с рыжей гривой.

— А ты вечно носишься по задержаниям, хотя на это есть оперативники. Кир, и я люблю тебя такой, какая ты есть, — Инга забросила на плечо сумку и приобняла меня. — В джинсах, невыспавшуюся, злую и вредную. И я не хочу тебя переделать…

— Поэтому мы вместе, — я улыбнулась и, не распуская наших объятий, закрыла дверь, и мы двинулись вниз по лестнице. — А что с твоей машиной? Только не говори, что ты заскочила просто порадовать меня пончиками с утра!

— Пашка, сволочь, опять колёса ночью вспорол, — тяжело вздохнула подруга, указывая на привычное место, где стояла её малолитражка.

Инга развелась в прошлом году, но её бывший муж до сих пор лелеял надежду вернуть взбрыкнувшую жену, отказавшуюся мириться с вереницей любовниц. Вот и пакостил с пугаю-

щей регулярностью. Случались и передышки, когда Инга снова начинала дышать полной грудью, а участковый забывал путь к её квартире. А методы у Паши были весьма дикие. Вспорет колёса, а потом ждёт, вдруг Инга помощи попросит. И тогда он, смелый и отчаянный принц, примчится на помощь к своей бывшей супруге.

Идиот!

Но усугубляло обстоятельство и то, что у них есть общий ребёнок. Паша не хочет слышать, что его скандалы и периодические истерики дурно влияют на Саньку. Ребёнок плачет и плохо спит по ночам. Вот так взрослые проблемы становятся для детей потенциальными темами разговора с психологом.

— Алло, — я забросила вещи на заднее сиденье и села за руль. Завела двигатель, удерживая телефон плечом.

— Кира, привет, — весело начал Тимофей Солодов, мой внештатный сотрудник, а проще говоря, информатор.

— Привет. Опять с другого номера звонишь? — усмехнулась я, помогая Инге откатить кресло назад, чтобы её длинные ножки уместились на пассажирском сиденье.

— Помнишь, ты говорила, что в город завезли какую-то «фарму»? — Тимофей пропустил вступление и перешёл сразу к делу.

Это было правдой… За последние три месяца у меня скопилось четыре заявления от девушек. И это только установленные факты, а сколько побоялось идти в полицию? Сколько жертв предпочло забыть о случившемся? Не все заявления по факту насилия, кого-то просто опаивали и обчищали в ноль. Но, тем не менее, четыре эпизода — это уже не звоночек, это колокол!

— Конечно, помню, — я переключила звонок на громкую и вырулила со двора. — А что, у тебя есть информация?

— Да… Ты знаешь что-нибудь о комбинате Майеров? — Тимофей зашептал, а мы с Ингой столкнулись взглядами.

— Тимофей, хватит играть в вопросы. Ну кто не знает Майеров? Градообразующее предприятие, да на нём каждый десятый, наверное, работает! — я повернулась к Инге, потому что её мама всю жизнь трудилась там в бухгалтерии.

— Мне тут шепнули, что эта дрянь оттуда. А ещё сказали, что сегодня у них открытие клуба «Вороны». Раньше они толкали «фарму» кустарно, а теперь все будет организованно. Инфа-сотка!

— Тим, твоя «инфа-сотка» — глупость несусветная! — вспылила я, вспоминая, сколько раз его наводки оказывались пустыми.

Да, статистика все равно на его стороне, и перебдеть куда лучше халатного игнорирования. Но тем не менее…

— С какой стати Майерам заниматься этой ерундой? — вмешалась Инга, быстро отрубив Тимофея от связи, чтобы он не услышал её голос. — Да все аптеки нашего города завалены их лекарствами. Они спонсоры детских домов, помогают брошенным старикам. Ива Майер в прошлом месяце презентовала фонд для тяжелобольных детей региона. И помощь эта не абстрактная, а адресная, её и проверить можно. Мама говорит, что они по благотворительности даже налоги не уменьшают!

Подруга вскинула на меня огромные глаза, в которых полыхало сомнение.

— Что-то он тебя дурит, Кира, — подытожила Инга и прищурилась, злобно смотря на мой телефон, из динамика которого до сих пор сыпалась сбивчивая речь Тимофея.

— А от кого инфа? — я снова включила микрофон и обратилась к своему горе-информатору.

— А знаешь Илью Донцова? — выплюнул он уже заготовленный ответ.

— Кто его не знает? — усмехнулась я. — Ведь именно в его клубах обычно девушки и встречаются с ублюдками.

— А как иначе, если почти все клубы города принадлежат ему? А теперь вот «Вороны» открываются. Говорят, уже провели три тестовых вечеринки, правда, на них приглашали поимённо. Да и вообще, клуб будет не открытым, а тематическим. Узкий круг, сомнительное веселье… Кир, когда олигархи региона опускаются до маргинальных заведений, то возникает вопрос — для чего?

Солодов так разошёлся, что стал аж захлёбываться словами. И именно эта его эмоциональность заставила меня согласиться с подругой. Когда тебе не просто приносят инфу, но ещё и ставят нужные вопросы, подталкивая к определенному выводу — вызывает большие сомнения.

— У меня есть встречный вопрос, Тимофей, — протянула я, быстро складывая факты воедино. — Когда монополист стучит на конкурента статусом выше – это ли не попытка убрать соперника чужими руками? Ты не думал, что твоему Донцову просто выгодно сорвать открытие клуба? Солодов, ты куда меня хочешь втянуть? В разборку?

— Кира, я просто передал то, что услышал. Да и Донцов был другом Майеров и Гордеевых…

— Гордеевы? — шикнула я и откинулась на подголовник. — Точно… Ива Майер же вышла замуж за нефтяного наследника!

— Ладно, всё понятно. Ты, Алфёрова, щемить только предпринимателей можешь! Да? — вдруг вспыхнул Тимофей. — А приструнить богатых мира сего — кишка тонка?

Солодов отключился, оставив в салоне вихрь своей истерики.

— Там не только Гордеев, — Инга уже клацала ноготками по экрану смартфона, очевидно ища информацию про клуб. — В учредителях довольно много известных фамилий. Гордеевы, Бариновы, Бесадзе и Ларсанов… Вот это концентрация силы и денег! Я бы на месте Донцова тоже переживала.

— А мне непонятно, — я свернула с проспекта, ныряя в тень аллеи, за которой пряталась служебная парковка. — Если Донцов дружил с этой компашкой, то какого черта лезет на рожон? Ведь даже ёжику ясно, что оставаясь другом, ты в безопасности.

— Донцов не ёжик, — рассмеялась Инга и выпорхнула из машины, тут же привлекая к себе внимание сотрудников, вышедших на перекур. — Он монополист… А это агония. Не хочет Илья терять деньги. Не хочет…

Как только мы с Имперовой прошли через проходную, заметили странное оживление в стенах Следственного комитета, где по понедельникам проходило регулярное межведомственное совещание.

— Карпин, что случилось? — я выхватила за локоть следователя и дернула на себя. — Куда несёмся?

— Тебя Морозов ждёт уже, — отмахнулся коллега и вырвался, на ходу навешивая кобуру.

Мы с Ингой приехали вовремя, с запасом, чтобы успеть выпить кофе и добраться до кабинета начальства. Но теперь, чувствуя всеобщее возбуждение, ускорились. Подруга не отставала, даже учитывая двенадцать сантиметров её шпилек.

В кабинет подполковника мы вбежали красные, взволнованные и, к нашему удивлению, уже все были в сборе. Старик Морозов накинул китель, махнул рукой, призывая рассесться по своим местам, а сам залпом осушил стакан воды, не пытаясь скрыть дрожь в пальцах.

— Итак, у нас в городе ЧП… Сегодня ночью было найдено тело Тихона Тимирязева, — грохнул подполковник Морозов и стрельнул в меня острым взглядом.

— Почему не сообщили? — сухо прошипела я, усаживаясь в кресло, хотя сейчас мне хотелось рвануть в отдел и выяснить подробности.

— Сообщали, — тихо процедил Морозов, переваливаясь через стол, чтобы никто не услышал то, что предназначалось только мне. — Но твой молодой человек ответил, что ты очень устала и спишь, поэтому никак не можешь приехать на вызов… Алфёрова, а с каких пор вызов – часть демократии?

Данилов, сука!

Глава 5

— А я тебя, Алфёрова, предупреждал, что личная жизнь конфликтует с неженской профессией, — Морозов не упустил возможности уколоть меня за отсутствие первичных половых признаков настоящего следака, а именно — хрена и яиц.

Сексист сраный… Уже седина сомкнулась вокруг «лебединого озера», а ни грамма мудрости. И ведь грубит, потому что знает: при посторонних я скандалить не стану.

Зачем мне это, во всяком случае, сейчас? Ещё уберет с дела Тимирязева. Я ему потом отомщу… Поэтому я растянула губы в фирменной улыбке и раскрыла ежедневник, готовясь фиксировать новую информацию.

Делала вид, что спокойна, а внутри все сжималось и вибрировало. Не верила я в совпадения… Не верила! Но сегодня меня упорно тыкали мордой в четыре фамилии. Перелистнула страницу и вывела: Бесадзе, Гордеев, Баринов, Ларсанов…

О наличии в нашем городе некоего клана «воронов» слухи ходят давным-давно. Но это все на уровне: «слышал», «сказали», «наверное», «брат жены намекнул»… Но живьём этих самых «воронов» никто не видел. У меня вообще были подозрения, что вышестоящее начальство знает куда больше, чем мы, обычные следаки. Не по рангу информация…

Поговаривали, что старик Тимирязев был у них вроде главы. Но, если честно, мне не было до этого дела, потому как за всё время службы меня ни разу не вывел на этот клан какой-либо преступный след.

Ну, играют дядьки в ролевые игры, пусть играют! Не стреляют, девок не насилуют, беспорядки не устраивают. Строят спортивные комплексы, ремонтируют школы, присылают подгоны ко Дню полиции. Что ещё нужно? А финансовыми махинациями пусть занимается другой отдел. Это не моя головная боль.

В руках «воронов» был не просто бизнес. В их руках сосредоточены источники пополнения регионального бюджета и рабочие места!

Банки Бесадзе стоят на каждом углу, газ город покупает по льготной цене у Огневых. Гордеевы не задирают цены на автозаправках. Бестужевы не просто застроили весь центр, они уже лет пять открывают общественные места, а в том году взялись за ремонт Театра драмы, на который у города то ли не хватило денег, то ли их успели растащить…

В том списке ещё много фамилий, но ни одна из них никогда не соотносилась с криминалом. Поэтому новость о насильственной смерти Тимирязева стала шоком даже для меня.

— Что у тебя на них есть? — Морозов ударил кулаком по столу и вновь впился в меня взглядом, требуя незамедлительного ответа.

Засранец… Он забыл, что тут сидит мой непосредственный начальник, и майору не подобает обходить руководство в части оперативной информации?

Очевидно, я затянула с паузой, до сих пор анализируя, стоит ли делиться тем, что напел Солодов. Уж очень много совпадений, и докладывать начальству сплетни – лить бензин в и без того полыхающий костёр. Но мои муки совести оборвали…

Николай Анучин, мой непосредственный начальник, поднялся, машинально оправил китель и начал свой доклад:

— По имеющейся оперативной информации Тимирязев ушёл в отставку из «воронов». Ушёл со скандалом и принудительно. Что-то они не поделили с Бариновым и Гордеевым…

В кабинете было душно, потому как хронически простуженный Морозов боялся сквозняков. Зато пиво холодненькое уважал. Изверг! Сам красный, по лицу капли пота бегут, того и гляди – в обморок рухнет, но все равно упрямился.

— Что-то не поделили – не похоже на факты, скорее на сплетни, — перебила Анучина Инга, лениво перекатывая телефон по лакированному глянцу стола.

Подруга зыркнула на Морозова, а затем сняла китель, бегло пробежала пальцами по вороту рубашки. По кабинету пронёсся коллективный вздох, а я едва сдержала ухмылку.

Животные, блин…

Инга вытащила из стакана карандаш, закрутила свои рыжие волосы в пучок и проткнула их импровизированной заколкой.

— А у вас, Инга Львовна, есть факты? — нервно хохотнул Анучин и дёрнул ворот, не сводя глаз с Имперовой.

— Есть. Факт в том, что Баринов недавно женился на старшей дочери Тимирязева. И старик Тихон был на этой свадьбе, между прочим. Посмотрите прессу, никаких разборок и недовольных морд лично я там не увидела. И что же они, по вашему мнению, не поделили, что старика пришлось убить?

Инга вскинула на меня подбадривающий взгляд и быстро улыбнулась, одобряя моё молчание. Зачем им знать о моём разговоре с Солодовым? Рано…

— Тем не менее, все торговые центры были спешно переписаны на Марьяну Тимирязеву, ныне Баринову.

— Тимирязеву было сильно за семьдесят, — я не выдержала и вмешалась в спор. — А Марьяна – его законная наследница. Ну, в чем тут преступление, я не понимаю?

— А спустя несколько месяцев Тимирязева убивают? — хмыкнул Анучин и начал расхаживать по кабинету. — Дорогие коллеги, вы и без меня знаете, что совпадения – это система. А система – это наша работа.

Я не выдержала и закатила глаза, отреагировав на очередную пафосную речь Анучина. В этом он, конечно, мастер!

— Ещё просочилась информация, что группа лиц, в частности: Бесадзе, Гордеев, Баринов и Ларсанов, открыли клуб «Вороны». И по моим данным там будут толкать «фарму» с комбината, принадлежавшего Майерам…

И вот тут моя челюсть отскочила. Я опустила глаза, пытаясь быстро сопоставить данные. Но, как сказал сам Анучин, совпадения – это система. А то, что эта информация просочилась одновременно и мне, и Анучину – это уже больше на заговор походило.

— Кстати, сегодня будет открытие, — Анучин оторвал засохший лист раскидистого фикуса и ликующе обернулся, словно мы должны были взорваться овациями на его помпезную речь.

— Группа лиц, информация про комбинат… Николай Николаевич, вы нас к чему подводите? — я стойко вынесла взгляд руководителя, а тот покраснел ещё сильнее, когда в его сторону обернулась и Имперова.

— А я согласна с Алфёровой. Это, Николай Николаевич, подтягивание фактов за уши, — Инга обречённо вздохнула, посмотрела на часы, всем видом демонстрируя незаинтересованность. — Дурной пример, Анучин, вы подаете. Если ваши следователи будут подобным образом вести дела, то статистику по возврату из прокуратуры вы никогда не поправите. Тяпляп, заключение в виновности, и гуляй, рванина. Нет, товарищ майор, так дела не делаются…

Инга сегодня была явно в ударе и поставила перед собой цель довести Анучина до инфаркта. И судя по его красной морде, она была близка к результату.

— Быть может, это прокуратура должна пересмотреть стиль работы? — тут же клюнул на провокацию Имперовой Анучин. — Вы порой забываете, что следователь – человек. И ему свойственны ошибки…

— Ну, по вашей логике, тогда и преступников мы не должны сажать? Они же люди, и тоже ошибаются? — Инга цедила слова, при этом улыбалась, как чистый и невинный ангелок, прекрасно понимая, как это всех бесит. — Нет, Николай Николаевич, ваша работа в соблюдении закона. Если у вас есть доказательства, и вина установлена по всем нормам, то добро пожаловать в суд. А если вы натягиваете сову на глобус, пользуясь сомнительными источниками, то

тогда вам в Битву экстрасенсов. Ну? Куда отправитесь? У меня есть контакт на федеральном канале… Хотите, могу замолвить за вас словечко?

По кабинету понеслись глухие смешки… И всем стало очевидно, что этот бой прокуратуры против СК выиграла рыжая императрица. Анучин затрясся, даже кулаки сжал, хоть и в карманах брюк, но всем было ясно. Лузер…

— А мы на этапе следствия в советах прокуратуры не нуждаемся. И без вас знаем, как работать, — рявкнул Анучин и вернулся в кресло.

— А что ж вы свои знания на практике стесняетесь применять? — добила его Имперова и сдула со лба выпавшую упругую кудряшку.

Раунд…

Между нашими ведомствами всегда были натянутые отношения, поэтому порой совещания превращались в цирк. А учитывая, что Имперова сегодня представляет всю прокуратуру и не оглядывается на начальство, то и представление вышло кровавым. С жертвами в виде уязвленного самолюбия майора Анучина. Вот это Павлик накрутил её с утра…

Весь кайф обломала трель телефона Морозова, старик аж побледнел, вчитываясь в имя абонента. Он вскочил, начал застёгивать китель, словно звонивший мог увидеть его растрепанный вид. А когда он рванул к окну и распахнул его, жадно глотая воздух, собравшиеся и вовсе притихли.

— Так, товарищи, прервёмся. А вообще, идите, работайте! И чтобы к вечеру у меня была информация! Губернатор уже пятый раз звонит, — отмахнулся полковник, вываливаясь из окна всем корпусом.

Чёрт, неужели так прессуют? Но с чего? Учитывая, сколько «вороны» делают для региона, странно, что названивает губернатор. Я могла бы подумать, что сами «вороны» жаждут отыскать убийцу, но тогда какого чёрта всё крутится вокруг их клуба? Ведь вся суть совещания свелась к подведению фактов под эту группу лиц…

Неужели губернатор поругался с олигархами?

Из кабинета Морозова мы высыпали дружной компанией, при этом Анучин был задумчив и даже чуть не затоптал Ингу у лестницы. То ли специально, то ли случайно… Но подруга не растерялась и успела оттолкнуть зануду, что уже второй год выслуживается ради нового звания. Засиделся он в майорах, оттого и на меня зубы скалит…

— Нельзя спать с коллегами, — зашипела Имперова, засыпая спину Анучина ворохом яростных искр. — Нельзя!

— Тебе, подруга, кажись, вообще спать ни с кем нельзя, — я тихо рассмеялась, приветствуя снующих по коридорам коллег. — Пашка твой не из нашей структуры, а все равно волосы на голове рвёт, пытаясь вернуть тебя в лоно семьи. Ты, Имперова, влюбляешь, а обратного действия это колдовство не имеет. Вот и Анучин скалится, потому что не впечатлил Императрицу в погонах.

— Семья – это я и мой сын. А Паша – недоразумение! Кир, дай свою машину! Мне нужно в суд сгонять, а вечером я тебя с работы заберу, — Инга хлопнула ресницами и протянула руку, зная, что не откажу. — А ты молодец, что не рассказала про звонок Солодова, пусть Анучин по шапке получает. Не нравится мне эта заварушка вокруг Тимирязева. Ой, не нравится…

— Ладно, пойду я работать, — передала подруге ключи от своей «ласточки», заметив напряженный взгляд Анучина, застывшего у своего кабинета.

— Пока…

Весь день мы носились как белки в колесе. Собирали информацию, ждали результаты вскрытия, улики с места происшествия, доклад оперативников. И к вечеру головы уже трещали, как трансформаторные будки. Но какой бы приказ мы не получили, ничего не указывало ни на одну из четырех фамилий, подчеркнутую на странице ежедневника.

А чуйка моя голосила, что роем мы совсем в другом направлении.

Пугало и то, что начальство тоже не сидело на месте. Сейчас они заперлись в кабинете у Морозова на какое-то закрытое совещание и явно что-то замышляли. А когда начальство проявляет активность – это к беде… К бабке не ходи!

А значит, нужно валить домой, пока не рвануло. На часах уже было восемь часов, а отдел стремительно пустел. И даже я уже начала собираться, но тут в кабинет ворвались Анучин и Морозов.

— Всё готово… Ты, Алфёрова, старшая группы, тебе и руководить рейдом, — торжествующе произнёс Анучин и бросил мне на стол папку.

— Руководить чем? — я открыла рот, молясь, чтобы это была очередная глупая шутка, но по лицам руководства стало понятно, что не в этот раз…

Вот права я! Права… Как день встретишь, так его и проведешь.

Гребаный Данилов!

— Кира, на нас давят из администрации губернатора. Все в курсе, что в городе произошёл передел власти, — Морозов был менее пафосным и присел в кресло напротив. — Ещё и убийство Тимирязева… Чёрт, как не вовремя.

— Что, он забыл согласовать с вами дату и способ смерти? — шикнула я, продолжая собирать вещи.

— Алфёрова, прикуси язык! — рявкнул Анучин, но зря… Я и Морозова-то не боялась, а этого засранца и подавно.

— Это все понятно, Иван Петрович. На вас давят, вы нервничаете… А нервничать в одиночку не хочется, поэтому вот пришли ко мне в конце рабочего дня. Но где основания для обыска? Факты где? Вы понимаете, что с нами будет, если мы сорвём открытие клуба? — я старалась быть спокойной и невозмутимой, чтобы не провоцировать Морозова, но его взгляд не сулил ничего хорошего.

Настропалённый старик сейчас был готов на все, лишь бы не разозлить губернатора и прочих шишек. Все знают, что кресло под ним давно шатается, да и на пенсию его провожают чуть ли не каждый год. И первый интересант – Анучин… Именно он спит и видит получить повышение! Возможно, потому и поддерживает старика в этом бреду.

— Несколько месяцев назад службу безопасности этой четвёрки возглавил некто Андрей Север, — зашептал Морозов, словно это был секрет государственной важности. — Уголовник! Между прочим, отсидел в тюрьме семнадцать лет!

— Дальше что? — я стиснула зубы, когда разложила про себя всю цепочку…

И ничего в мою пользу не играло! Морозов и Анучин отлетят, отплюются и отмашутся. А кого накажут за самоуправство?

— Я правильно понимаю, что я должна ворваться в клуб, потому что вам губернатор так сказал?

— Майор Алфёрова! — взорвался Морозов, его лицо вмиг стало красным, а глаза полыхнули яростью.

Началось…

— Вы – следователь СК! И ваша задача – оберегать город и ловить преступников! Мы и так с Николаем Николаевичем всю работу за вас сделали, — Морозов схватил принесенную папку и начал размахивать ею в воздухе. — Мы обнаружили опасного преступника! Мы согласовали действия с руководством региона! А чем занимались вы?

— А когда это следствие стало консультироваться с губернатором? Что за новые директивы? — я тоже нависла над столом, пытаясь хоть как-то повлиять на смертника. Сам на волоске держится, и меня решил утянуть?

— Вот тебе досье на этого Севера… — не унимался Морозов, стуча папкой по столу.

— Тёмное прошлое – это преступление? Я правильно понимаю, что это единственная зацепка?

— Он организовал охрану хлеще, чем у губернатора! Разрешение на оружие, бойцы, бронированные тачки. А от кого они скрываются? От кого прячутся? От правоохранительных органов? Или от народа? Закрылись своей армией и живут припеваючи… Быть может, хватит? Сколько лет мы их не трогали? Не пора ли пощекотать им вымечко?

С этими словами Морозов выскочил из кабинета. Доярка, блин, с погонами. Хочет вымя потрогать, пусть сам и едет на обыск!

Анучин тоже отпрянул к дверям, явно намереваясь последовать примеру начальника. Он покачнулся на пятках, бросил взгляд на часы и хитро улыбнулся.

— Кира, операция согласована со спецназом, спорить бессмысленно, — загадочно протянул Анучин и попытался улыбнуться. — И Морозов прав. Это твоя работа… Если все будет согласно букве закона, то и по шапке никому не прилетит. А вот для контроля правильности туда отправляешься ты, майор Алфёрова. Разве не за смелость и громкое расследование ты майорские погоны получила? Так давай, вперёд!

— Хорошо, — я вскочила и уперлась кулаками в стол, не сводя глаз с Анучина. — А мне вот интересно, вы нарочно тянули время, чтобы я не смогла согласовать обыск с судом, да? Кто мне, в восемь часов вечера, подпишет постановление? Морозов?

— Подпишет, — равнодушно пожал плечами Анучин и вышел в коридор.

Дерьмо… Дерьмо!

Если чему работа в правоохранительных структурах и учит, так лишь тому, что на каждый шаг должны быть подпись и бумажка. Есть постановление? Отлично… Нет постановления? Тогда собирай вещи и шуруй на вольные хлеба. Никто за тебя не вступится, каким бы ценным сотрудником ты ни являлась.

Я была так зла, что подскочило давление, а пульсация крови барабанной дробью отдавалась в ушах. И вдруг предложение Данилова перестало быть идиотским. Быть может, это я дура? Дом, бабки, обслуга… И никакого Анучина с Морозовым!

Через полчаса в кабинет вбежала Инга, а заметив моё замешательство, устало опустила руки:

— Что, Кира, крайнюю нашли всё-таки? — подруга рухнула на стул, а её взгляд заиграл тревогой.

— Да, назначили старшей группы. Буду обыск в «Воронах» проводить, — процедила я, напряженно следя за тем, как старенький принтер выплевывает постановление. — Доедешь на такси? Мне машина будет нужна…

— Так, на рожон не лезь, веди себя хорошо. И Егорке скажи, чтобы с ребятами своими беседу провёл. Они парни бравые, могут тебя случайно подставить, — Инга отдала ключи от моей машины, а после крепко обняла и поцеловала. — Если что, звони, я примчусь на помощь. Беги, пока Морозов не слинял.

Но, кажется, слова подруги стали пророческими, потому что со своим постановлением я бегала по комитету, как с белым флагом. И Морозов, и Анучин уже отчалили домой, забыв завизировать своё распоряжение.

— Николай Николаевич, — зашипела я в трубку, выбегая из здания. — Это что, спланированная акция, да? Вы же мне обещали подписать бумагу!

— Начнём с того, что не я, а Морозов, — Анучин был до ужаса спокоен, и это бесило до дрожи в коленках. — Ну и потом… Ты же давно в органах, и сама знаешь, что в случае, не терпящем отлагательств, и при риске уничтожения улик, обыск может быть проведен на основании постановления следователя, то есть тебя. Ты опытный следак, Алфёрова, потом уведомишь судью в положенный срок, и всё…

— Сука!!! — взвыла я и рванула в сторону клуба «Вороны», к которому уже подтягивался спецназ.

Предчувствие уже не просто зудело, оно вопило надвигающейся бедой!

А как красиво разыграли…

И организовали все сами, и время потянули, чтобы я не успела в суд стукнуться, потому что сами понимали, что фактов у нас никаких нет. На что они полагаются? На слухи? На больную логику и досье Севера?

И во всем этом дерьме буду виноватой я… Какая прелесть!

К моему прибытию все было готово. Последние гости уже скрылись за парадными воротами, а силовики закончили облачаться в амуницию, прячась за фургонами на другой стороне улицы.

— Привет, Ворона, — махнул Игорь Лапин, руководитель группы. — Что, опять ты нам работку подкинула? Гони постановление…

Игорёха был огромным, плечистым, как богатырь, но глаза у него были добрыми-добрыми, как у плюшевого медведя. Он закурил, задрав балаклаву на макушку, а когда я отобрала у него сигарету, звонко присвистнул.

— Да если бы работу подкинула я. Нет, Игорь… Сегодня мы пляшем под чужую дуду, — застонала, передавая Лапину копию постановления. — Морозов с Анучиным приказали, а сами в люлю отправились. Чую, Игорёша, сегодня меня ждут больши-и-ие неприятности.

— Да ладно тебе, Ворона, давай повеселимся? — Игорь толкнул меня плечом, а потом приобнял, пытаясь приободрить. — Алферова, и против заварушки? У тебя что, температура? Или сглазил кто?

— Лапин, ты прекрасно знаешь, что без железных доказательств я в горлышко бутылки не лезу! Я прошу тебя, давай без выстрелов и перебора! Просто доверься моей чуйке. Смотрим тщательно, а после улыбаемся, извиняемся и едем домой щи хлебать.

— Договорились…

Подбираться к зданию слишком близко было чревато, поэтому мы задержались у фургонов на дальней стороне парковки, дожидаясь отмашки связного, что уже был внутри клуба.

Охрана тут и правда была серьёзная. Закрытый периметр, камеры, досмотр и металлодетектор на входе. Стоило посмотреть на ряд дорогих тачек, припаркованных чуть вдали от центрального входа, так и вовсе дурно становилось. Если клуб закрытый, то какова вероятность, что там собрались все сливки города?

И тут я… Здрасьте, Настя!

— Пора, — кивнул Игорь и натянул балаклаву, а затем махнул и дал сигнал группе.

Бойцы, подобно тёмным паукам, начали обступать здание. Послышались крики, шум раций, глухие удары… Я шла за Лапиным следом. Дышала полной грудью, отталкивая от себя идиотское предчувствие.

Это просто моя работа… Это только в книжках следователи благородные и бесстрашные. В реальной жизни все немного иначе. У нас тоже есть начальство, и тоже есть дурные дни. И сегодня был именно такой…

Но я не могу контролировать всё в этом мире, не могу отвечать за их выбор. И в чём-то Анучин прав, всё, что я могу – проконтролировать, чтобы никто не психанул и не устроил перестрелку.

За мной шли оперативники, а к моменту, когда мы вошли в клуб, нас обдало привычной какофонией паники.

— Выходы перекрыты, работай, Кира! — крикнул мне Лапин и бросился в толпу, на помощь своим ребятам.

— Бар, кухня и служебные помещения, — я раздала команды, а чтобы осмотреть весь зал клуба, вскочила на барную стойку, пытаясь понять, что ещё я могла упустить.

Но проблема в том, что я сама до конца не понимала, что именно ищу. Оружие? Так Морозов был прав… У них на каждый ствол по сто бумажек. «Фарму»? Так судя по дорогому интерьеру, здесь таким вряд ли балуются…

— Чёрт подери, — выдохнула я, оглядываясь вокруг.

Шум, крики и суета отошли на второй план. Я крутила головой и таращилась, как стажерка зеленая! Здесь было так красиво, что дыхание спирало.

Атмосфера не просто завораживала, она сбивала с ног! Зал в виде амфитеатра. Каскад приватных лож, шикарная лестница, полыхающая подсветкой, зона ресторана, а под куполом творилось искрящееся безумие…

В паутине стробоскопов и лазеров, с застывшим укором в глазах-бусинах, на меня таращились чучела воронов. Эти пугающе натуральные фигуры, встревоженные нашим вторжением, путались в нитях камней перламутрового жемчуга и грозно покачивались над залом.

— Кто старший? — мужской вопль проник через муть моей задумчивости.

И это был не крик, нет… Так воют горы перед сходом лавины, так шумит море перед штормом. Это не чистый голос, это рвущаяся наружу стихия. Я, как идиотка заторможенная, опустила голову, сталкиваясь с ледяным взглядом полупрозрачных голубых глаз…

По коже пробежался мороз, каждый волосок приподнялся, а затылок заломило, словно в него прилетело чем-то тяжелым. Всего в шаге от меня застыл пышущий яростью здоровяк. Плечи подрагивали, на шее билась венка, а кулаки были сжаты до белых костяшек.

Какого он роста? Я стояла на барной стойке, но это не помогало мне ощутить превосходство. Да вскарабкайся я на Эверест, его способность доминировать снизу никуда бы не делась. От него пёрло такой силой, такой мощью духа, что в голове все спуталось, засуетилось, а горло пересохло.

Вот на то самое пересохшее горло я мысленно себе и наступила, напоминая, что нахожусь на службе! И это я должна допрашивать, а не он…

— Алфёрова Кира Вадимовна, — процедила я, чуть нависая над бугаем. — У меня постановление на обыск клуба! А вы кто?

— Север Андрей Витальевич, начальник службы безопасности, — в тон мне процедил мужчина. — Основания для обыска есть? Или ещё не придумали?

И тут новая волна то ли паники, то ли бешеных мурашей заскакали по спине. Я смотрела в эти полупрозрачные глаза, похожие на льдинки, и не могла оторваться. Его нельзя было назвать красивым, нет… Широкие скулы, грубая линия челюсти, нос с явными следами множественных переломов. От него несло суровостью… И взгляд, и рваное дыхание, и явная угроза, взмывающая искрами, которыми он пытался спалить меня.

А я продолжала пялиться, не понимая, что именно меня так притягивает.

Мощная шея? Дерзко выпирающий кадык? Разворот богатырских плеч?

Он был одет в тёмную водолазку, ткань покорно облепляла каждый напряжённый мускул, рукава чуть закатаны, обнажая красивые предплечья и край татуировки. Стильные узкие брюки, начищенные туфли… Идеальный засранец. Вроде ничего необычного, а впечатление, что он только что с совещания у президента вернулся.

А ещё в его взгляде не было ни намёка на страх и панику. Нет, если он и полыхал яростью, то лишь из-за срыва мероприятия, не более. А значит… Ничего мы тут не найдем!

— Товарищ следователь, это уже домогательство, или ещё постоять, пока вы всего меня не ощупаете глазами? — прохрипел мужчина. — Постановление где?

— Не хамите, Север Андрей Витальевич…

— А то что? — и вдруг он расхохотался, правда от этого всплеска его суровость не то что не угасла, она стала такой концентрированной, осязаемой.

Я было дёрнулась, чтобы вытащить постановление, но мужчина меня опередил. Его рваное движение больше походило на замах для удара. Он вскинул руки и схватил меня за талию, бесцеремонно сбрасывая с барной стойки. Как котёнка, честное слово…

Глава 6

Я не успела озадачиться грубостью мужчины, как оказалась прям под ним! Его тело рухнуло на меня бетонной плитой, лишая возможности дышать. Рёбра сжались, пульсируя глухой болью, а сердце почему-то задергалось. Носа коснулся тонкий восточный аромат парфюма с явными нотками табака и сладкого миндаля.

— А ну встал с меня! — заорала я и потянулась к кобуре.

Его огромные ладони были такими горячими, что жар этот проникал в кожу даже через задравшуюся футболку. Он сдул меня со стойки, как пылинку… Так легко, словно я ничего и не весила!

— А то что? — снова усмехнулся Север, продолжая придавливать меня к полу, а после так легко кивнул мне за спину.

Я инстинктивно закинула голову и ахнула… В точке, где я только что стояла, отскакивая от глянца барной стойки, прыгало чучело ворона, сорвавшееся с цепи. Пластмассовая бусина черного глаза коварно сверкнула, лишь усугубляя моё предчувствие.

Север быстро поднялся и, не спрашивая разрешения, соскрёб с пола и меня, заботливо ставя на ноги. Вокруг носился персонал, сотрудники, гости сбивались в группки, выжидающе вглядываясь в глаза Севера, словно он мог прекратить эту вакханалию.

— Постановление! Немедленно! — вдруг гаркнул верзила, нервно оборачиваясь куда-то за спину, после махнул рукой, подавая странный знак. — Кира Вадимовна, я требую предъявить постановление на обыск!

— Моё постановление будет смотреть лишь владелец клуба. Кстати, не знаете, где он… — я отряхнулась, отпнула весьма тяжелое чучело, а когда обернулась, то здоровяка и след простыл.

Но не совсем… В том направлении, куда он все поглядывал, едва качнулась бархатная занавеска, выдавая путь отхода.

Чёрт! Сбегает!!!

Что там говорил Морозов? Семнадцать лет тюрьмы? Значит, убил кого-то…

Я крутанулась, но никого из оперов или бойцов поблизости не оказалось. Ребята до сих пор проверяли документы, толпясь у центрального входа. Нет, сейчас никого нельзя выпустить, не зафиксировав в протоколе. Вдруг, и правда, чего найдём?

Но и упускать Севера нельзя. Если невиновен, то какого черта побежал?

— Идиотка, — шепнула я самой себе, надеясь, что эти слова остановят… Но нет. Ноги уже несли меня в толщу тяжёлого бархата.

Перепрыгнула через столик, стеклянное ограждение, забежала за занавес и упёрлась в служебную лестницу, ведущую наверх.

Вытащила пистолет и засеменила по ступенькам, прислушиваясь к звуку шагов. Но было тихо… Лишь через мгновение скрипнула дверь. И этот звук стал катализатором. Адреналин вспыхнул, в голове понеслись суетливые мысли. Когда Север на мне валялся, я не почувствовала оружия. Быть может, удастся задержать его самой?

А если нет?

Тогда выходит, Морозов был прав…

Перемахивая через ступени, пыталась вызвонить Игореху, но его телефон не отвечал. Не заметила двух пролётов, а когда уткнулась в покачивающую дверь, толкнула её без раздумий и вылетела на верхний этаж паркинга.

— Чёрт…

Бессильно пялилась вслед чёрному джипу, что со свистом колёс и с опасным креном нёсся в сторону выезда. За рулём определенно был мужчина, но в том, что это Север, я не была уверена.

На инстинкте вскинула руку, наводя пистолет на цель, но тут корпус внедорожника чуть сместился, и в распахнутой задней пассажирской двери я увидела странное…

На сиденье лежала девушка. Она тянула руки к водителю и кричала. Но крик этот был не от страха прицела, и не от того, что она могла вылететь из салона в любой момент. Она выла от жуткой боли… истошно, пронзительно, и звук этот бился эхом по сводам бетонных потолков. И тут мой взгляд сместился ниже, утыкаясь в пугающую выпуклость в районе живота.

— Нет!!! — резкий вскрик прокатился по стенам паркинга за мгновение до резкого удара.

Тяжелая обжигающая ладонь обхватила моё запястье, а через мгновение на мне вновь лежал бугай с прозрачными голубыми глазами.

Дежавю какое-то! Второй раз за десять минут?

И опять эти холодные глаза, походящие на толщи льдов Севера… Как же ему подходит фамилия.

Значит, не сбежал? Сам остался, а начальству дал уйти?

— Это Ива Давидовна Гордеева, тридцать девять недель беременности. И поверьте, она никакой угрозы не представляет! — зашипел Север, ловко шаря руками по моему телу. — Вот что вы за люди, а? Это профдеформация или нутро гнилое? Повсюду преступники мерещатся?

Я всё ждала, когда он коснётся моего ствола… Ждала повода уткнуть в него дуло и сбавить дерзость слов! Но нет… Дураком, очевидно, он не был. Север завёл мои руки над головой и зафиксировал, полностью лишив возможности двигаться. Держал крепко, но аккуратно, то и дело оборачиваясь, проверяя удаление джипа.

— Вы сорвали открытие клуба, ваше эпичное появление и бойцы, не знающие, как нужно обращаться с беременными женщинами, довели Гордееву до схваток! Молитесь, Кира Вадимовна Алфёрова, чтобы с ребёнком всё было хорошо! Молитесь!

Хорошо заливает, Север… Но это всего лишь слова. Из фактов пока лишь попытка побега и применение силы к сотруднику правоохранительных органов.

— Это что, угроза? — я подалась вперед и со всей дури вмазала лбом ему по переносице.

Однако Север лишь сморщился, несмотря на то, что я отчетливо слышала хруст, а из носа покатилась кровь. Но Андрей Витальевич ждал, когда шум колёс растворится в тишине паркинга, и лишь тогда ослабил хват.

— А я вас задержу, — выплюнула я и дернула головой, намереваясь увернуться от траектории падения капель крови. — Не этого ли вы добивались?

Упершись локтями в пол, я оттолкнулась, с удивлением обнаружив, что Север совершенно не сопротивляется. Он упал на спину, покорно вытерпел мой прыжок… И вот я изображаю наездницу, впиваясь коленями в его торс.

Не сводя прицела, прошлась ладонью по его каменному корпусу, пытаясь нащупать оружие. Но нет… Ни в кармане, ни за поясом брюк ничего не обнаружилось.

— Всегда к вашим услугам, Кира Вадимовна, — широко улыбнулся Север, чуть склоняя голову, чтобы задать направление сочащейся крови. — Но всё же я предпочитаю встречаться с женщинами в более приятных местах.

Чёрт, кажется, я переборщила… Нашла кого головой лупить!

Да у меня у самой в ушах звенит от этого удара. Ладно, хоть бьющий адреналин смазывает вспышку боли, а утром я непременно буду наказана за эту выходку мигренью! Пока я заканчивала обыск здоровяка, звон в голове рассеялся, и я уловила странную возню справа…

Всего один поворот головы и три удара сердца, как горло вспыхнуло от своего же яростного рыка!

В паре метров от нас, под очередным неизвестным мужиком дёргался никто иной, как Игорь Лапин — богатырь, машина для убийств с самыми добрыми глазами в мире. Он отчаянно пытался сбросить мужика с себя, но тот так ловко купировал каждый его приём, что со стороны это выглядело как игра… или тренировка по боевой подготовке.

— Встать! — заорала я и вскинула руку, прижимая ствол к виску задержанного.

— Да я бы с радостью, — ответил Север и слегка качнул бёдрами, напоминая, что я до сих пор сижу сверху.

Он в очередной раз продемонстрировал, что я почти ничего не вешу, и для его габаритов скинуть меня или помешать задержанию – раз плюнуть. Но он смиренно ждал, когда я закончу объезжать этого дикого жеребца.

Я спрыгнула, поднялась на ноги, напряженно следя за тем, как следом поднимается и Север. Он тут же вскинул вверх руки, держа их ладонями ко мне, словно прекрасно знал процедуру задержания. Ну, естественно, опыт… Он же уголовник, хотя если бы я не знала, то в жизни бы не подумала. Уж очень выглядит уверенно, да и повадки ничем не выдавали его.

— Так, теперь ты… Быстро убрал руки и встал! — я кивнула подельнику Севера, и тот тоже не стал сопротивляться, даже когда получил по морде от разъяренного Лапина.

Неизвестный не произнёс ни слова, превращаясь в законопослушного гражданина. А перед тем, как задрать руки вверх, успел оправить пиджак и некогда белую сорочку, что теперь была забрызгана кровью.

Но на этом шок не закончился… Когда створка двери хлопнула, открывая стену паркинга, там я заметила ещё партию бойцов в полной отключке.

Приплыли… Вот тебе и аккуратность, вот и предупреждения. Всего два здоровяка уложили целое звено.

— Какого, мать твою, чёрта! — заорала я и усилила давление ствола.

— Это я вас, Кира Вадимовна, должен спросить, — Север транслировал что угодно, кроме страха.

Что, даже ствол его не пугает? Пуганый? Или до дебилизма бесстрашный?

— За них не переживайте, скоро очухаются. Я вас русским языком попросил предъявить постановление на обыск. А вы отказались… И этот факт зафиксирован камерами наблюдения. Они, кстати, со звуком, а запись сохраняется на сервере, и стереть вы её не сможете, — с нескрываемой злостью процедил Север. — Я не любитель обещаний, следователь Алфёрова, но неприятности уже дышат вам в затылок.

Придурок… В Нострадамуса решил поиграть? Можно подумать, я сама не знаю!

Достала телефон и набрала оперативников, с которыми приехала на обыск. Подмога примчалась мгновенно, парней привели в чувства, а вот парочку Севера и второго неизвестного заковали в наручники, пару раз неловко уронив… В целях воспитания, очевидно. Ну, или от обиды, что два придурка разобрались с группой, контролирующей выход на парковку.

— Документы, — я подошла ко второму, а тот лишь улыбнулся, взглядом указывая на внутренний карман пиджака.

Я отдернула ткань, вытянула портмоне, где в полупрозрачном кармане лежали водительские права. Кравцов Олег… Чёрт, а разве не он устроил передел в городе? Мелкие ЧОПы перешли под его контроль, а крупных конкурентов он стал давить условиями, вынуждая если не присоединиться, то работать от его имени.

А ещё, кажется, именно Кравцов ранее занимал должность начальника службы безопасности у Бесадзе, Баринова и Гордеева. Значит, вместо себя он оставил уголовника? Очень странно.

Я невольно посмотрела на Севера, но тот никак не отреагировал, правда, взгляд мой почувствовал и ответил легким подрагиванием губ.

— В отделение полиции их, — устало протянула я, стараясь не смотреть в их лица.

На допросе насмотрюсь… Вот только о чем я их буду допрашивать, одному Богу известно. Превышение обороны? Так и моё постановление больше на письмо Деду Морозу смахивает. В целом, мы квиты…

Я не стала наблюдать, чем закончится противостояние бойцов и всего двух безоружных мужчин. Неслась вниз, сгорая от желания позвонить Морозову и сказать, как сильно он ошибался.

Зачем им оружие? Какая к черту армия, если всего два охранника справились с четверыми, прикрывая беременную женщину?

А вообще, Север прав… Если просто срыв открытия мне ещё простили бы, то экстренные роды больно аукнутся.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — шипела я, прикусывая кулак, чтобы никто не услышал.

Вернулась в зал и поразилась тишине… Сотрудники стояли в одном углу, гостей рассадили в зону ресторана. Никто не сопротивлялся, не спорил, а вот если кто и носился в панике, то это сотрудники полиции.

Одна секунда, и я поняла – бегают наши опера оттого, что до сих пор ничего не нашли! Оружие наверняка с разрешением, следов запрещёнки нет, а охранники не оказали сопротивления, повинуясь указаниям правоохранительных органов.

Исключением был Север… Но если судья узнает, что он героически спасал беременную женщину, в которую целилась следователь Алфёрова, то сделает его героем, а меня выставит чокнутой. Ну или уволят… К слову, оба варианта были ужасными.

За спиной послышался топот, бойцы вывели сначала Севера, потом и Кравцова. Их усадили на диван, выставив охрану. Правда, эта парочка совершенно не сопротивлялась. Они деловито осмотрели зал, перекинулись взглядами с подчиненными, и мне даже показалось, что синхронно кивнули тем, призывая к спокойствию.

— Кира Вадимовна, сейчас я проверю своих и лично отведу их в фургон, — отрапортовал Лапин и поспешил к ребятам, чтобы проверить обстановку.

— Хорошо…

— Кира! — крикнул опер Осипов, подбегая ко мне. Он буквально прижался, ограждая от посторонних, и с жаром зашептал: — Нет никаких следов… Что ещё будем искать?

— У нас наводка была на запрещенку и стволы левые, — прохрипела я, оглядываясь через плечо на Севера.

Вот есть каста мужиков, кого разбитая морда не то что не портит, она их красит. Вот и Север полыхал мужеством, а в глазах появилось спокойствие, резко контрастирующее с его дерзкой ухмылкой. Рассеялась агрессия, он был полон смирения и в упор… смотрел на меня.

Но вспышку эмоций я всё же уловила. Когда Андрей чуть привстал с дивана, на его запястьях клацнули наручники, и тогда его лицо исказилось в гримасе отвращения. Он сморщился и смотрел на металлические браслеты несколько секунд. Но и в себя пришёл он быстро, без посторонней помощи. Тряхнул головой, перекатил плечами, щелкнув позвонками шеи, а потом вновь поднял свои голубые глаза.

Было что-то в этом мужчине цепляющее. Подонок? Наверняка… Уголовник? Однозначно… Но та резвость, с которой он грудью закрыл беременную женщину, та чёткость движений без попытки причинить боль — выдавали нечто большее, чем умение крошить морды.

Не как охранник он действовал, нет. Это был чистой воды мужской порыв. Истинный вопль природы. Как, собственно, и его незапланированное спасение моей задницы. А ведь мог этого не делать? Лежала бы я сейчас с сотрясением мозга и звёздочки считала от нападения чучела. Вот смеху бы в СК было… А он спас, несмотря на наше вторжение.

Реакция у него, конечно, мгновенная. Тогда тем более странно, что когда я ему нос разбила, он не стал действовать, а просто стерпел. А значит, повалил он меня не с целью обезоружить, а чтобы укрыть Гордееву.

На миг по рёбрам пробежали мурашки, фантомное воспоминание жара его ладоней стало таким реальным, что я невольно дернулась.

И вот тут я совершила огромную ошибку… Опустила взгляд на его руки. Тусклые блики подсвечивали смуглую кожу, открывая в задравшемся рукаве странную вязь татуировки. То ли иероглифы, то ли руны… Линии рваные, путающиеся, а основной рисунок все равно был скрыт.

Меня тряхнуло от мимолётной мысли, что я позволяю себе куда больше, чем следовало бы, чем делаю обычно. Вскинула взгляд, едва касаясь льдинок его глаз, как на лице Севера растянулась гаденькая ухмылочка, а дальше он запел:

— Что ты зенки пялишь, мусор, на мои наколочки?

— В ридикюльчике моём пинцетик да заколочки, — присоединился к его хулиганской выходке Кравцов.

— Уведите этот ансамбль песни и пляски! — крикнула я Лапину, а сама двинулась к операм, чтобы решить, что делать дальше. — Кравцов, Север, вы задержаны за нападение на сотрудников правоохранительных органов!

— Есть, мой генерал! — Север поднялся, по-хамски подмигнул мне и резво шагнул за шипящим от ярости Лапиным, с насмешкой бряцая наручниками.

Чёрт подери, во что я вляпалась?

Глава 7

— Алфёрова! — прилетело мне в спину, стоило выскочить из машины.

Внутренний двор управления уже заполнился служебным транспортом. ОМОН дружно высыпал из автобусов, колыхаясь в адреналиновом смехе. Тишина утонула в гомоне голосов, а уют темноты разрезали мигалки.

— Орлов? — обернулась я на знакомый голос, рассматривая в кишащей толпе начальника УГРО, Артёма Орлова.

— Какого чёрта? — зашипел он мне на ухо, хотя на лице его была спокойная улыбка.

Тёма приветствовал сотрудников, бегло обменивался рукопожатиями, незаметно расправляя вывернутый ворот рубашки, словно одевался на бегу, прямо в машине.

— Ты почему мне не позвонила? — Орлов ткнул меня локтем в бок и оттолкнул с дороги, потому что во двор въехал минивэн с задержанными. — Отправилась на обыск, подняла на уши моих ребят, а мне ничего не сообщила?

— Тём, хоть ты не ковыряй меня! — Я вырвалась из его цепких лап и тоже помахала кинологам и криминалистам, понуро разбредающимся по своим местам.

В этот вечер, если кто и был бодр и весел, так это ОМОН… Они поставленную задачу выполнили: окружили, никого не упустили и даже улов в отдел доставили. А вот смежные структуры остались с носом.

НИЧЕГО… Пусто, мать твою!

— Я сама про обыск узнала за час до начала, — присела и потрепала старую овчарку Дину, нашего верного сыщика запрещенки.

И даже в её глазах читалось разочарование. Не одна я сегодня осталась без улова. Вот только Дина сейчас пойдёт есть и спать, а я буду отписываться до второго пришествия! И дай Бог, чтобы судья приняла мои писульки.

— Кто навёл? — Орлов снова толкнул меня, требуя, чтобы я в глаза ему смотрела.

— Морозов и Анучин примчались вечером и сообщили, что операция согласована, и нужно ехать, — я достала постановление и вручила Орлову. — И вообще, ты что, меня прессуешь? Что, не знаешь, как это работает? Один шепнул, а второй завёлся и решил выслужиться. Тём, отвали! Я и так злая!

Через мгновение по двору прокатился его свист, и я было подумала, что мой верный дружочек и напарник по задержаниям удивился моей подписи на постановлении, но как же сильно я ошибалась…

Из фургона показательно грубо вытащили Кравцова и Севера… Но лучше бы я этого не видела! Их лица были покрыты уже засохшими разводами крови. И на буром фоне улыбки реально походили на белоснежный оскал. А о взглядах и говорить не приходилось… Эта парочка с такой яростью посмотрела на меня, безмолвно назначив виновником этого веселья! Какая прелесть…

— Лапин!!!!! — заорала я и бросилась в толпу, расталкивая веселящихся бойцов.

Они довольно хмыкали, потому что картинка их полностью удовлетворяла… Отомстили, засранцы! Но за что? За то, что эта парочка оказалась сильнее целого звена?

— Ты что-то хотела сказать, Алфёрова? — цыкнул Игорь, провожая взглядом задержанных.

— Какого хера? — я толкнула здоровяка в грудь, но Орлов вовремя меня оттащил. — Я же просила тебя! Игорь, я тебя просила быть в рамках закона! Какого черта они все в крови?

— Расстроились, наверное, давление подскочило, — Игорь обиженно дернул плечами и стянул с себя балаклаву. — Вот кровь носом и побежала. Кир, ты чего нервничаешь?

— Лапин, твою мать, — рычал Орлов, оттесняя меня к крыльцу. — От тебя я такого не ожидал.

— Будут знать! — рявкнул Лапин, а после дал отмашку, и бойцы вновь направились к автобусу.

— Тише, Кира, — Артём втолкнул меня в здание и закрыл дверь, пока я не подралась со всем ОМОНом. — А теперь давай быстро рассказывай, какого черта тут у вас происходит. Сука… Единственный выходной! И вы именно в этот день решили разгромить клуб «воронов»?

Я быстро взяла себя в руки. Рефлексировать и биться в конвульсиях было поздно. Нужно успокоиться и просто сделать свою работу. У меня есть три часа, не больше…

— Одного в допросную, второго в мой кабинет, — я махнула дежурному, отдавая распоряжение, а сама свернула к кофейному аппарату, утягивая за собой и Орлова. — Слушай…

Пока картонный стаканчик наполнялся суррогатом, я быстро рассказала Артёму все события вчерашнего дня. И про убийство Тимирязева, и про совещание в кабинете у Морозова, и про звонки губернатора, и про финт с подписью… При пересказе ощущение подставы лишь усиливалось, а здравый смысл беспрестанно закатывал глаза и цедил насмешливое: «Дура».

Но проблема в том, что как бы ты не был уверен в дурости распоряжения, ты обязан его выполнить! Ты – винтик системы. А приказы не оспариваются ни при каких обстоятельствах. Да и к тому же, в моих силах было провести обыск так, чтобы никому не попало… А теперь на углях ада будем вертеться все без исключения. И это тоже не оспаривалось, судя по последнему взгляду Кравцова.

Чую, ответим мы за каждую каплю пролитой крови.

Я в последний раз обернулась к входной группе, где за стеклом разбредались бойцы, на лицах которых не было ни единого следа от стычки.

— Ну, Лапин, — процедил Артём и сморщился, сделав глоток бурды. — Чёрт, Кира… Это подстава.

— Ещё какая! В клубе было стерильно! И если бы я сама не узнала о задержании за час, то решила бы, что нас ждали. Но нет… Нас там точно не ждали. Тём, дружочек, напряги своих парней, а? Пусть узнают, что там с Гордеевой? — взмолилась я. — Дай Бог, что наше светопредставление никак не отразилось на родах… Не отмоемся же.

— Узнаю, — кивнул Артём и по-дружески потрепал меня по плечу. — А ты давай, буди Морозова и Анучина, не хрен спать!

— Да звонила я, — отмахнулась и зашагала к своему кабинету. — Телефоны вне действия сети…

— Давай тогда так, я возьму на себя Кравцова, — Артём допил кофе, смял стаканчик и выбросил в урну. — Его я знаю лично… Олег частенько обращался ко мне за помощью.

— В каком смысле? — я обернулась и замерла в центре коридора, всматриваясь в лицо друга.

— В прямом. Так, по мелочи… В том году прошёл слух, что Иву Майер похитили, вот Олежа аккуратно наводил справки. Заявлений не было, но нас Петренко все равно отправил на территорию заповедника, но там не было никакого криминала. Да и Майер на следующий день видели… Нормальный мужик Кравцов.

— Договаривай, — процедила я, требуя, чтобы Орлов закончил свою пылкую речь.

— Три года назад матери диагностировали камень в почке. Месторасположение неудачное, да и наши врачи долго диагноз поставить не могли. Там и аномалия сосудов, и возраст, и плохая реакция на наркоз. Мать загибалась, но ожидание операции было два месяца!

— Дальше?

Артём нервно прошёлся пятерней по темным, чуть вьющимся волосам, а его лицо стало серым, когда он заметил мой тяжелый, полный тревоги взгляд.

— Нет, я не ходил на поклон к «воронам», и взяток Кравцов мне никогда не предлагал! — цыкнул Орлов. — Мы с матерью сидели в коридоре платной клиники, куда нас отправили на консультацию с чудо-диагностом. Вот там я и встретил Олега… А уже через час маму забрали и определили в отдельную палату! А через несколько дней провели операцию, и теперь она козочкой прыгает по огороду и не корчится от боли!

— Разве это не взятка? — я поджала губы, игнорируя заслуженную ярость Орлова.

Я вспомнила те события… Артём тогда в панике искал любого, кто сможет помочь, поэтому обратился к моему отцу. Ему нужен был толковый врач, способный взяться за операцию, вопреки всем сложностям. И, признаться, я была уверена, что именно папа и помог Орлову!

— Возможно, — он пожал плечами и дернул головой, щелкая позвонками. — Вот только я оплатил пребывание матери в больнице, на саму операцию мне сделали большую скидку, а ещё Кравцов выбил рассрочку, чтобы не разорить обычного опера, чья мать билась в бреду от боли. Вот и думай, Кира, взятка это была или нет?

— И что, за три года Кравцов никак не нашёл повода стукнуться к тебе? Сам же говорил, справки, инфа…

— Да у меня родственники и то чаще просят! Пробить то того, то другого, то с правами помочь! А Кравцов если и спрашивал, то совета. Так, по мелочи… И когда он возглавил все ЧОПы города, я даже вздохнул от облегчения. Этот старый вояка нормальный мужик.

— А сейчас тебя кто выдернул из дома? Уж не Кравцов ли?

— Нет! — Орлов достал телефон и открыл их совместный чат, пестрящий фотографиями из клуба. Опера завалили переписку фотографиями шикарных интерьеров. — Я проснулся от водопада сообщений, а когда понял, куда вы вляпались, тут же примчался. Ну, так что? Я могу поговорить с Кравцовым, попытаюсь смягчить эффект.

— А что ты знаешь про Севера? — я закусила губу и махнула рукой дежурному, у которого ещё до выезда на обыск запросила оперативную информацию о Севере, и вот теперь Вареников несся по коридору с нужной папкой.

— Второй, говорят, тоже из вояк. Слышал, что срок приличный отсидел. В городе появился в январе, а службу безопасности троицы возглавил в начале марта.

— Белые и пушистые, значит, да? — я забрала документы и начала читать досье сначала на Кравцова, потом дошла и до Севера. — Ладно, бери своего Кравцова, а я займусь Севером.

— Кир, у нас пара часов до прибытия адвокатов…

— Как наивно, Орлов, — я посмотрела на часы. — Они тут будут с минуты на минуту.

— Тогда погнали… Что нужно узнать?

Я быстро ввела Артёма в суть дела, и мы разошлись. Он направился к моему кабинету, а меня ждал в допросной мужчина, чьим взглядом можно заморозить целое море…

— Кира! — снова окрикнул меня Орлов и, развернувшись, бросился ко мне, продолжая таращиться в телефон. — Парни только что прислали… Они отсматривали видео с камер за вчерашний вечер около места, где было обнаружено тело Тимирязева. Так вот… На них попал чёрный джип. Марка полностью совпадает с тачкой, числящейся на Севере.

Чёрт, я думала, что хуже и быть не может уже, но нет… Может!

— А номера? — я стиснула зубы, чтобы не заорать.

— Без номеров, — Артём пожал плечами и вновь зашагал к моему кабинету.

Дьявол! Дьявол…

Перед тем, как войти, я глубоко вздохнула, попыталась успокоиться и только потом толкнула створку, вваливаясь в ярко освещенное помещение.

Север сидел прямо, плечи расправлены, тело расслаблено. Он даже не вздрогнул, когда дверь слишком громко шандарахнула о стену. Чёрт… Опять сломали доводчик!

Игнорируя его ледяной взгляд, я встала на цыпочки и попыталась дотянуться до механизма доводчика, но едва касалась его кончиками пальцев.

— Я бы непременно помог даме, но боюсь, что это будет трактовано как сопротивление или попытка нападения, — Север не скрывал насмешки в голосе, а его монотонное бряцанье наручниками стало напоминать какой-то смутно знакомый такт старой песни. — Кира Вадимовна, не разочаровывайте. Когда у полиции заканчиваются аргументы, в игру вступают старые добрые провокации?

— Сама справлюсь, — я подпрыгнула и все же ухватилась за крючок, возвращая его на законное место. — Итак… Начнём сначала? Алфёрова Кира Вадимовна, следователь СК.

— Север Андрей Витальевич, — равнодушно ответил здоровяк.

Я села напротив, разложила документы, шустро соображая, с чего бы начать допрос. Главное – фактор неожиданности. А чего Север ещё не мог знать? Пра-а-авильно… Информация о результате проверки камер получена только что.

Выдох… Полное спокойствие, знакомая сосредоточенность. Это моя работа… И мои правила!

Пока я настраивалась, по позвоночнику струилось знакомое тепло. Север не терял времени и изучал не столько меня, сколько считывал реакцию, искал слабое место и ожидал ошибку или толику страха.

Вскинула голову, и солнечное сплетение заныло. Его взгляд был сильнее удара, и если бы я не собралась, определенно бы прокололась.

Чёрт подери… И с чего я взяла, что он некрасив? И всё же красив, чертяка… Лицо будто выточено из гранита, взгляд, как порыв ветра на Северном полюсе, мягкость движений, контрастирующая с мощью ауры, и полное умиротворение. Это комбо казалось несовместимым! Но этот мужчина как-то умудрился их помирить и поселить в своем образе.

— Андрей Витальевич… Вчера ночью был убит Тихон Тимирязев. Так вот, городские камеры зафиксировали вашу машину недалеко от места убийства, — начала было я, но мои слова утонули за вспышкой смеха. — Есть что сказать по этому поводу?

Этот звук был похож на взрыв бомбы! Резко, мощно, неожиданно.

Север закинул голову и заржал так, что казалось, подо мной дрогнул стул! А ещё через мгновение дверь распахнулась, и в допросную ввалились перепуганные конвойные.

— Спокойно, — я отмахнулась, дав парням команду выйти.

Но Север не смутился и не прекратил свой перфоманс. Он смеялся, будто год этого не делал… Из глаз даже выкатились слезы и побежали по кровавым разводам на его лице, путаясь в густой щетине.

И тут я поймала себя на мысли, что уже и забыла, как ощущается отросшая небритость на подушечках пальцев. Данилов вечно брился под ноль, до гладкости кожи, до лоснящегося блеска. А эта его тяга к идеальности иногда очень бесила…

— Чёрт, это невозможно, — хрипел Север, раскачивался вперед-назад.

В какой-то момент он поднял руки и стер слезы, совершенно не смущаясь ни своей реакции, ни моего удивления.

— Это что за дежавю такое? Я проклят, что ли?

Пока он колыхался, я снова опустила глаза к досье на Севера, а когда нашла нужную строчку, по языку прокатился стон, но его я сдержала.

Срок заключения – 25 лет по совокупности тяжести преступлений. Участие и в преступной группировке, и убийство госслужащего. Собранная информация была какая-то куцая, обрезанная, но меня привлек перечень доказательств: запись видеокамеры, на которую попала машина Севера. И правда… дежавю.

— Ладно, — выдохнул Север и вновь стёр тыльной стороной ладони слезы и испарину от яростного смеха. — Спасибо вам, Кира Вадимовна. Уже и не помню, когда так смеялся…

Боже, аж рёбра ломит. И парням своим спасибо передайте. Давненько меня так не прессовали. А теперь к делу…

И вдруг голос его изменился. От тепла и веселости не осталось ничего. Север дернул плечами, и будто его мощь раскрылась парашютом, заполняя каждый уголок небольшого помещения. Воздух испарился, он просто выгорел, как на полуденном солнцепёке.

— Простите, Кира Вадимовна, но я устал слушать этот бред. Ваше постановление выписано по факту анонимного сообщения о распространении запрещенных средств в нашем клубе, — со злостью процедил он, чуть наклоняясь над столом. — Ремарка: в ещё не открывшемся клубе. Ваши бойцы не дали гостям даже шампанского халявного хлебнуть. О какой запрещенке идёт речь?

Я открыла рот, потому что соль его доводов прожигала изнутри. Вот он смотрит, а я чувствую, как он рассекает мой профессионализм. А главное – признаться, что я вынуждена обтекать не за своё решение, а за приказ старшего по званию…

— А теперь вы тычете мне в нос липовыми доказательствами моего участия в убийстве Тимирязева?

— Север, не нужно со мной так разговаривать, — я инстинктивно тоже подалась вперед. — Не мне вам рассказывать о тяжести погон.

И вот уже над столом, прожигая друг друга яростными взглядами, нависали два коршуна, готовые вцепиться друг другу в глотки. Я ловила кислый запах крови, но эти нотки перебивались ароматом ванили, пряностью мяты и ещё чего-то сладкого-сладкого.

Смотрела в его голубые глаза и тонула… Они были холодными, как прорубь, но чистыми, как спокойное море, лижущее песчаный берег. Север почти не моргал, ждал, когда же я там утону и сдохну, желая закончить этот сюр.

Но признания в абсурде этого допроса он от меня не дождётся. Хотя бы из вредности!

— Вы, Андрей Витальевич, не скальтесь. Со мной это не работает… Знаете, сколько я видела подобных реакций? Думаете, испугаюсь? Или отсутствие яиц автоматически делает из меня плохого следователя?

— Да что-то мне подсказывает, что с яйцами у вас все в порядке, — выдохнул Север и снова подался вперед.

Он склонял голову то вправо, то влево, бесстыже рассматривал меня, как картину в галерее. И его взгляд стал буквально физически осязаем… Как холодное остриё ножа, скребущее по коже. А я почему-то не сопротивлялась.

— Вы освободились по УДО, Андрей Витальевич, и прекрасно знаете, какими проблемами обернётся факт вашего задержания, — прошептала я, держа ноту накала, хотя внутри вопила от злости на саму себя…

Нарочно наступила на его мозоль. Подло вонзила пальцы в рану, ожидая боли и реакции. Но нет… Север был спокоен и невозмутим. Если на его лице и появилась эмоция, то скорее… разочарования?

Серьёзно?

— А вы, Кира Вадимовна, не беспокойтесь о моих проблемах, с ними я сам разберусь. И позвольте вернуть вам колкость… Ваше постановление – липа. Вы вторглись в клуб, сорвали открытие, но вам никто не препятствовал, в дань уважения к закону. Вам предоставили все помещения, охрана предъявила разрешение на оружие… Единственное, что вы можете нам предъявить, так это нападение на сотрудников ОМОНа. Но поверьте, завтра после обследования на ваш стол ляжет справка о несущественных повреждениях ваших хлопцев. Мы не сломали ни одного ребра и терпеливо вынесли ответное наказание за дерзость… Ну, побыли хлопцы пару минут в отключке, так считайте, отдохнули, мозг перезагрузился. А вот я…

Север вскинул подбородок, подставляя под голубоватый луч света свой отечный нос, вокруг которого уже разливалась гематома.

Чёрт… Ну, Лапин! Ну, засранец… Спасибо я ему точно передам.

— Андрей Витальевич, прошу прощения, но криминалистика строится на фактах. А у меня в руках ваше досье… Вы отбывали срок за подобное преступление, — я постучала ноготком по столу, а Север скривился от моего жеста.

— Задолженность моя перед обществом погашена, — не нужно быть менталистом, чтобы считать крайнюю степень раздражения в его взгляде. Север криво усмехнулся, губы изогнулись, будто я ему под нос кусок дерьма подсунула. — А вот в органах у нас всё по-старому. Методы не меняются, да? А я вот задумался, Кира Вадимовна… Я отсидел в исправительной колонии, и по логике должен был исправиться? Но раз вы до сих пор отталкиваетесь от того срока, то колонии никого не исправляют. Так получается?

— Нет, не получается! Люди вообще не склонны к перевоспитанию, и не мне вам рассказывать, что в колонии сидят сплошь невиновные, — я попыталась улыбнуться, но вышло криво.

Зато Север понимающе закивал и рассмеялся.

— Это точно. Но, тем не менее… Кира Вадимовна, мой срок погашен и не имеет никакого отношения к факту задержания. Поэтому потрудитесь задавать вопросы в рамках вашего постановления. Давайте я вам помогу? В результате проверки оперативными сотрудниками, криминалистами и кинологами в клубе не было обнаружено ни запрещенных веществ, ни незаконного оружия.

— Откуда вы это знаете? — я усмехнулась и вновь начала листать документы. — Тот, кто ищет, всегда находит…

— О! Эту вашу способность я прекрасно знаю, — ощерился Север, словно его слова давно были проверены на собственной шкуре. — Методы вашей структуры я знаю назубок! Но я уверен в том, что вы ничего не нашли, потому что там этого дерьма нет, не было и никогда не будет!

— Предположим…

— Нечего тут предполагать. Там чисто, — отрубил Север и отвернулся, словно потерял интерес.

— Бывший военный, — я проигнорировала его намёк и стукнула пальцем по интересующим пунктам досье. — Уже в двадцать четыре было присвоено звание майора. Темные пятна в виде командировки в горячие точки, не указано даже подразделение. Скорее всего, спецназ… Вашу подготовку мне посчастливилось увидеть лично.

— Приму за комплимент…

— И тем не менее. Как человек с такими регалиями оказался в тюрьме? Двадцать пять лет не дают порой даже законченным отморозкам! А тут герой с медалями…

— Вам должно быть известно, что все мои медали, звания и почести аннулированы. Но вы правы, тут есть о чем подумать, — хмыкнул Север. — Не так ли, Кира Вадимовна? Сегодня вы майор, следователь СК, а завтра сидите в тюрьме, потому что один подонок предал свою страну, и ничего ему за это не было. И поверьте, я говорю с вами исключительно по доброй воле, наступая на глотку своей неприязни к следователям.

— И чем же вам насолили следователи? — я оттолкнула документы ровно в тот момент, когда Север дернул затекшими запястьями, скованными браслетами.

Наши руки столкнулись… Всего миг, а по телу пробежало странное тепло. Я засмотрелась на его длинные пальцы, аккуратные ногти без свойственной мужчинам округлости, на тыльную сторону ладоней, покрытую мелкими точками ожогов… Он словно некогда сунул руку под ворох искр, навсегда отпечатавшихся на его коже.

— Вы – собаки служивые, — голос Севера завибрировал хрипом, а потом и вовсе скатился в шепот, словно он не хотел, чтобы кто-либо услышал его слова. — Вам приказывают, а вы исполняете. Но я вас понимаю… Семья, дети. А у вас есть дети?

— Это не ваше дело!

— Да? А моя судимость – это ваше дело, Кира Вадимовна? — Север быстро стер с лица то, что мне не полагалось увидеть, и снова улыбнулся, но на этот раз широко, спокойно и даже как-то мило, что ли.

— Какого чёрта!!! — с этим криком в допросную влетели сначала Морозов, а следом зашел высокий брюнет, в котором я не сразу узнала Сергея Баринова.

Баринов тяжело выдохнул, а затем звонко засвистел, рассматривая разукрашенную морду Севера.

— Какова красота… — протянул мужчина, едва поджимая губы, чтобы не выронить улыбки. Вот только глаза его искрились весельем. А Север ему подыгрывал. — Надеюсь, то просто неудачное освещение, а не следы пыток и побоев?

— Алфёрова, мать твою, это что такое?

Морозов глотал воздух, как рыба, выброшенная на берег, хватался за сердце, готовый отключиться в любой момент. Китель болтался, ворот был расстегнут, а галстук покачивался, сверкая изнанкой. Старик был на грани приступа… Но я тут при чем?

Это итог его деятельности, а может, и настояния губернатора.

— Алфёрова, потрудитесь объяснить, какого чёрта тут происходит? Почему Север и Кравцов избиты?

И вот тут внутри что-то щёлкнуло, глухо хрустнуло… Просто сломалось с оглушающим треском. Я поднялась, собрала документы и обернулась к полковнику Морозову.

— Как что? Выполняю ваш непосредственный приказ, товарищ полковник. Обыск в клубе «Вороны» был произведён, по факту сопротивления были задержаны Кравцов и Север. Провожу допрос, — я посмотрела на наручные часы, игнорируя ярость Морозова. — Ещё какие-то вопросы?

— Отпустить… — зашипел Морозов, подходя ко мне так близко, что было непозволительно. От него разило пустырником и коньяком – древняя и гремучая смесь успокоительного. — Немедленно отпустить!

— Что? Я не расслышала? Отпустить? — прищурилась и чуть наклонилась, чтобы красный коротышка сказал мне это на ухо. — Вы же сами настаивали на проверке Севера, указывая на его проблемы с законом.

Морозов застыл, не в силах выдавить ни звука. Вот и отлично! Пришла моя очередь смеяться. Придурок… Это же надо так не уважать свою профессию, чтобы потакать чинушам и карьеристам вроде Анучина!

— Конвойный, снять наручники! — крикнула я и обернулась к Северу. — Андрей Витальевич, оставьте свой контактный номер, чтобы я могла связаться с вами, если у меня возникнут вопросы. А они возникнут, будьте уверены.

— Так женщины со мной ещё не знакомились, — рассмеялся Север и растер красные запястья, как только с него сняли наручники. — Оригинально… Но мне это даже нравится, Кира Вадимовна. Люблю неординарных женщин. С ними никогда не бывает скучно.

Он наклонился, без спроса схватил ручку и прямо поверх своего досье нацарапал номер телефона и… хулигански вывел немного кривое сердечко со смайликом.

— Прошу прощения, оставил бы визитку, но меня задержали, не позволив взять личные вещи, — он дернул плечами и шагнул в мою сторону.

И вот если Морозов, ведомый инстинктом самосохранения, а возможно, и трусостью, отскочил к стене, то я продолжала стоять, гордо вскинув голову вверх. Но была ли это гордость? Быть может, это глупое бесстрашие? Север был на полторы головы выше, моя макушка маячила где-то на уровне его шеи! Но все равно не страшно… Любопытно? Да. Но не более…

— Красивая вы, Кира Вадимовна, — вдруг зашептал Север, преступно близко склоняясь к моему лицу.

Воздух пришёл в движение, принося и облако его сладкого запаха, и горячую ауру, в которой было слишком много тестостерона. А уж женщина, целиком состоящая из гормонов, реагировала на это особо чутко.

— Очень красивая… Давненько меня так не торкало от баб. И поэтому я вам помогу. Вчера я никак не мог быть на месте убийства Тимирязева, потому что сопровождал Марьяну Тимофеевну Баринову в Москву. Рейс номер 1735. Вылетели после обеда и вернулись лишь сегодня вечером. Машина моя всё это время стояла на парковке аэропорта, по возвращении я завёз Марьяну Тимофеевну домой, а сам отправился в клуб, чтобы проверить подготовку к открытию.

— Весьма подробно, — прошептала я, чуть отклоняясь, чтобы ненароком не коснуться губами его подбородка. — Хочешь соврать – скажи часть правды. Так?

— Так, но моё алиби вы и сами проверите. Или вы только в прошлом рыться умеете? Нет, Кира Вадимовна, вашу работу я делать не собираюсь. Да и рассыпаться в объяснениях больше не намерен! В прошлый раз не получилось, а в этот раз я ошибки не совершу. Есть основания для допроса – добро пожаловать. Нет? Тогда отстаньте, я ненавижу ваши ментовские уловки!

Север то полыхал яростью, то вновь успокаивался… Он был похож на печь, из очага которой вырвалось обжигающее пламя. Я то согревалась, то замерзала. А этот засранец нарочно усиливал своё влияние, наслаждаясь эффектом.

— Кстати, — подал голос Баринов, и мы дружно обернулись. — Уважаемые сотрудники правоохранительных органов, а мне кто-нибудь объяснит, какого черта о смерти тестя я должен узнавать случайно?

Шах и мат… Моя челюсть упала на пол, а Морозов покачнулся, опираясь спиной о стену. И он уже был не красным, нет, его лицо стало мертвецки белым, бескровным. В планировании своего наступления на «воронов», в желании потрепать их вымечко они не подумали, что нужно сообщить его дочери? Серьёзно?

— Чтобы узнать о смерти тестя, мне нужно было пережить обыск в клубе и допрос моих людей? — Баринов дернулся и шагнул в нашу сторону.

— Это недоразумение какое-то, — заблеял Морозов. — Мы разберёмся. Сообщить вам должны были оперативники. Я разберусь, Сергей Аркадьевич. Непременно разберусь!

— А пока вы разбираетесь, я, пожалуй, отвезу мужиков в травмпункт, сниму побои, потом возьму справку об экстренных родах Гордеевой Ивы Давидовны… А завтра у вас начнётся веселая жизнь! Вы с кем секс ментальный предпочитаете? С прокуратурой? Или мне сразу наверх стукнуться?

Меня поразило, что Баринов говорил все это не мне… Нет, его взгляд был приклеен к Морозову. Слова чеканными монетами рассыпались по помещению, обращаясь в эхо.

— Но мы пойдём вам навстречу, — раздалось за спиной, а следом горячие ладони вновь опустились мне на спину… Ожог растекся по коже, и даже футболка не могла спасти меня от этих прикосновений.

Контакт был быстрым, Север просто отодвинул меня и прошёл к выходу, становясь плечом к плечу с Бариновым.

— Какое? — заикаясь, выдавил Морозов.

— Вы сдаете мне стукача, а мы не пишем заявление в прокуратуру, — Север прищурился и бросил в меня взгляд. — У вас на раздумье есть… — он задрал рукав водолазки, чтобы взглянуть на часы, но тем самым открыл край татуировки… И уже с более близкого расстояния я могла распознать красивый иероглиф, путающийся в какой-то восточной вязи. И так хотелось подойти, задрать рукав и оценить рисунок полностью!

Север явно диктовал свои условия Морозову, но всё равно смотрел на меня, в очередной раз отметив моё любопытство его нательным рисунком.

— У вас, полковник Морозов, десять часов. Я освобожусь после обеда, и с нетерпением буду ждать ваших извинений вкупе с фамилией тайного информатора. И не тратьте времени на глупые убеждения. Открытие клуба было сорвано по наводке. И я знаю имя этого человека… А от вас нужно всего лишь подтверждение.

— Чтобы что? — я присела на угол стола, сложила руки на груди, лишь бы спрятать нервно бьющееся сердце. — Чтобы поквитаться с ним? Андрей Витальевич, обыск был проведён на законных основаниях. Есть постановление… А то, что вы оказали сопротивление, так это ваши проблемы.

— А я хотел по-хорошему, — он пожал плечами, а после толкнул Баринова, выводя его в коридор, откуда вдруг послышался знакомый голос…

— О! Вот и прокуратура подоспела, — смешливо протянул Баринов из-за двери.

Я выскочила следом и тут же напоролась на сцену из какого-нибудь сверхэмоционального турецкого сериала. В центре стояла моя рыжая Императрица. Она полыхала от ярости, китель на её груди то расправлялся, открывая незастёгнутую блузку. А напротив неё возвышался Кравцов, так бесстыже пялясь в соблазнительное декольте.

— Уходим! — рявкнул Баринов, разрывая бурю страсти, готовую разнести управление по частицам.

— Всего доброго, — бросил Кравцов, догоняя своих.

Баринов закинул руки на плечи Севера и Кравцова, и по коридору разразилось дружное:

— Гоп-стоп, мы подошли из-за угла. Гоп-стоп…

— Ты много на себя взяла, — пробасил Север, резко обернувшись через плечо.

И что-то подсказывало, что посыл песни был выбран неслучайно, да и предназначалось это мне….

— Это что за брутальная самодеятельность? — задыхаясь, прохрипела Инга, подходя ко мне ближе. — Они что… поют?

— Поют, Имперова, опять поют…

Глава 8

— Вы собирались пососаться или убить друг друга? — я ткнула подругу локтем и потянула её в свой кабинет, игнорируя вой Морозова. — На чем именно мы вас прервали, а, прокурор Имперова?

— Ворона, не пытайся сменить тему. Ты мне ничего не хочешь сказать? Почему мой босс будит меня среди ночи и орёт, что ты устроила в клубе дебош? — подруга лишь делала вид, что злится, но вот глаза её искрились любопытством. — Я же тебя предупреждала, чтобы вы были максимально осторожными. Не пивнушку с дальнобоями поехали тревожить.

Инга сразу подошла к кофейному столику и начала готовить напиток, а я засела за документы. Нужно составить протокол и написать отчёт, пока Морозова в дурку не увезли, а то и эти документы он подписать не сможет.

— Кто стуканул? Его величество, «ворон» Баринов? — я уже разложила документы, мельком прислушиваясь к истерике за дверью.

Морозов лютовал, а огребать за всё остались Орлов и, судя по голосу, подоспевший Лапин. В любой другой ситуации я бы непременно вмешалась и развела их по углам, но не сегодня. Может, астропрогноз слушать по утрам? А вдруг сегодня была какая-нибудь Венера под Скорпионом…

Я улыбнулась своим мыслям, почти мгновенно вспомнив, как хорошо ощущается тяжесть мужского тела. Ну? Вот и Венера, и смертоносный Скорпион в деле. И неважно, что это астрологическое предупреждение я придумала сама, зато всё сошлось.

— Нет, не Баринов… Кира, — Инга перешла на шёпот, поставила чашку, а прежде, чем продолжить, щелкнула замком и села напротив меня. — Ты даже не представляешь, кто был на открытии клуба! Мой шеф в ужасе от залпа звонков возмущенных зрителей. А то, как вывели из клуба Кравцова и Севера, стало вишенкой на торте. Я, кстати, сначала пыталась уговорить босса повлиять на скорость распространения видео в сети… А потом передумала.

— Ну и правильно, что передумала, — я быстро клацала по клавиатуре, лишь бы закончить с документами и уже поехать домой. Возможно, хоть этой ночью удастся выспаться на любимом ортопедическом матрасе. — Пусть Анучин с Морозовым отбиваются. Мне и разговора с Севером хватило…

— Кира, ты покраснела? Стоп… — Инга отставила чашку и вывалила свою грудь прямо на стол. — Моя Кира умеет краснеть?

— Это от вида твоих сисек, Имперова! Завидно до чёртиков… Кстати, Кравцов в них глаза свои сложил, когда домой вернёшься, не забудь вытряхнуть перед сном, — я хохотнула, вспомнив пылающий мужской взгляд. — Всё, не мешай. Пока меня не уволили, нужно закрыть все бумаги. А ты давай, езжай домой…

— Да я уже не усну, пока не дождусь подробностей. Давай, Кира, начинай…

Такие разговоры у нас были нормой, поэтому я, не отвлекаясь от работы, начала рассказывать, периодически цитируя свой же протокол. Инга не задавала вопросов, не сбивала меня, терпеливо ожидая. И когда я отправила документ на печать, подруга словно ожила.

— Чёрт подери! Они вдвоём сломали Лапина? — взвыла Инга и прикусила свой кулачок белыми зубками, пряча обманчиво-милые ямочки на щечках. Боже, сколько мужей пало под этим очарованием?

— Нет. Они вдвоём вырубили всё звено Лапина, контролирующее служебный переход в паркинг. А самого Игорёху помял тот, кто слюной капал на носы твоих туфелек. В одиночку, кстати. Я успела лишь на финал бойни. Ну, собственно, за это морды-то Северу и Кравцову и подрихтовали. Глупо!

— Ещё как глупо. Если ты, Кира, отплюёшься, то Лапину Север отомстит за всё.

— Вот… Хочешь узнать суть мужика, заставь его ощутить беспомощность. Лапин Кравцову не простил, что тот его как щенка держал прижатым к полу, оттого и превратился из добряка в настоящего засранца. Но это не наши дела, пусть мужчины сами закрывают свои вопросы. Всё, идём, — я поднялась, собрала бумаги и двинулась к выходу. — Ты с машиной вопрос решила?

— Да, Артурчик уже все починил. Эх, Паша… Я просто не успеваю зарабатывать, чтобы оплачивать каверзы своего бывшего мужа!

— Ну, давай Орлова привлечём? — я заметила Артёма, бегущего по лестнице в нашу сторону.

— Ты думаешь, я не привлекала? Кира, у мужиков, в отличие от женщин, есть братство… Правда, в одном — они считают, что преследование, сталкинг и угрозы – всего лишь прелюдии перед бурным примирением. Ну, побесится баба, да одумается и примет блядуна с куцым букетом гвоздичек и справкой об отсутствии ЗППП. Ты же помнишь, демографический кризис, моральные устои, традиционные ценности, охраняющие лишь спокойствие сильного пола, — Инга бросила лютый взгляд в сторону Орлова и начала оправлять китель, чтобы тот не вздумал кидаться с дружескими объятиями. — А что мужику надо? Поблядовал и вернулся домой. К тарелке супа, тёплой груди и мирно спящему мальцу. Да, не все такие… Но мне просто не повезло.

— Инга-а-а-а, — протянула я и попыталась сжать руку подруги, но она вырвалась, не желая проявлять эмоции в стенах управления.

— Ты же следак, Кира, сама знаешь… А когда в каком-нибудь лесу находят тело бедной женщины, наши мужи пожимают плечами, забыв, что когда-то у них просили помощи. Вообще, это парадоксально, они много веков доказывают, что сильнее женщин. Правда, ощущать это приходится на своей шкуре. А вот способность защищать проверить на деле не удаётся, — Инга подала знак и выбежала из управления, явно не желая говорить с Орловым.

Я смотрела вслед подруге, ловя злость, скрипящую на зубах. Что говорить об обычных женщинах, если даже второе лицо прокуратуры вынуждена признавать слабость перед патриархальной системой? Домострой, бля… Ладно, сама с Павликом разберусь!

— Кир, тебя шеф ждёт, — Артём явно удивился поведению Инги и нервно почесал затылок, пытаясь понять, где провинился перед прокурором.

— Обойдётся, — я бросила документы дежурному и велела отнести Морозову. — Я спать. Орлов, значит, так… Пусть твои хлопцы утром сделают запрос по авиакомпаниям, — я процитировала всё, что мне лично в порядке доброй воли сообщил Север. — Запроси видео с камер. Мне нужны парковка, регистрация, зал ожидания, выход на посадку. А также запроси видео с камер прилёта… Вернулись они вчера вечером, прямо перед открытием клуба.

— Хорошо, — Артём кивнул и вновь бросил смущенный взгляд на крыльцо, где стояла Инга. — А чего с Имперовой? Я думал, она мне в глотку вцепится.

— Она просила тебя о помощи? — я достала из рюкзака ключи, набросила на плечи куртку, при этом внимательно следя за реакцией Артёма, потому что от этого зависело очень много.

— С муженьком, что ли? Да… Кира, вот только ты не начинай, а? Сказать, сколько заявлений на мужей мы принимаем? А сколько потом их забирают? Ты хочешь, чтобы я морду Пашке начистил? А потом стал чуваком, избившим любимого мужа прокурора? Имперова через год займёт место Кроликова, и тогда мне, старшему оперуполномоченному, полная кабзда! Поругались, помирились… Я тут при чём? Это их дела!

— Да пошёл ты, — отмахнулась я и двинула к подруге. — Про запрос не забудь, блюститель семейных ценностей! И запомни, если ты свою жену хоть пальцем тронешь, я лично приду тебе морду бить! Сильный пол, мать твою.

Как ни странно, но меня встретил прохладный ветер, разогнавший духоту. Инга хоть и казалась стойкой и сильной женщиной, но я-то видела её состояние и ту дрожь, бьющую изнутри. Её не закрыть успокоительным, её не спрятать под тёплым пледом, не вылечить… Чувство незащищённости — самый большой страх женщины. Но самое гадкое, что именно этот страх и толкает женщин на отчаянные поступки.

— А хочешь пончиков? — шепнула я и приобняла подругу.

— Не хочу. Давай лучше в выходные куда-нибудь сходим и оторвёмся?

— Давай… Но чур не в «Вороны».

Добравшись до дома, я еле дотащилась до кровати и вырубилась, даже не раздеваясь. Сны были серые, туманные. Все время мелькали какие-то лица, слышались голоса, крики… И во всём этом хаосе то и дело пролетали вороны. Такие чёрные, мрачные, а глаза-бусины с красными кровавыми точками. Но иногда эти бордовые точки становились голубыми-голубыми, почти прозрачными, как первый лёд.

Из сна меня выдернул даже не стук в дверь, а трель стационарного телефона. Я уже и забыла о его существовании, оплачивала по привычке, чтобы иметь резервную связь. Но этот «дзи-и-и-инь» сейчас слышался не хуже залпа барабанов.

Перекатилась, свесилась и вытянула запылившийся аппарат из-под кровати.

— Алло…

— Быстро в управление! — орал Анучин, как всегда пропустив и пожелание доброго утра, и извинения за испорченный сон.

Я приоткрыла глаза, часы показывали девять часов утра, а значит, я проспала не больше четырёх часов. Мало… Катастрофически мало. Последний месяц почти не баловал выходными, и сейчас я чувствовала тяжесть свинца, разлившегося по мускулам.

Болело всё… И я не сразу вспомнила, что стало причиной. А потом картинки посыпались, как из водопада: вот я лечу с барной стойки и бьюсь спиной о каменный пол, вот я несусь по лестнице, а вот я бью Севера в нос и провожу контрзахват.

— Николай Николаевич, я домой вернулась в четыре утра. Я могу поспать?

— Нет, не можешь! Морозов уже отправил к тебе наряд, поэтому собирайся и двигай сюда!

— Есть двигать…

Вот тебе и парадокс. Я ненавижу Анучина, и он это знает… Но тем не менее, я должна подчиниться и выполнить приказ. Смертники…

Спасти меня от тяжелых мыслей мог лишь контрастный душ. Высушила волосы, переоделась, а когда кофе в турке закипел и запенился, в дверь тактично постучали.

Примчались, хлопцы…

Я перелила кофе в картонный стакан, потому что, сколько бы термокружек мне не дарили, я их вечно теряла. Закинула на плечо рюкзак, прыгнула в ботинки, а когда открыла дверь, увидела Орлова, уже занёсшего кулак для повторного стука.

— Кофе? Кира, ты моя спасительница! — задыхаясь, прошептал он.

— Обойдёшься! Ты записи достал?

— Ждём ответа на запрос, — Артём все же вырвал стакан и сделал пару глотков, но тут же начал плеваться молотым зерном. — Ты что… В турке варишь?

— Конечно! Так, а чего ты своих людей не подключил? Пока обрабатывается запрос, мы могли бы уже сто раз проверить алиби Севера, — забросив в машину вещи, включила кондей, чтобы охладить раскалённый салон.

— Да я ещё не успел, — зашептал Орлов и махнул своим пацанам, что доедет до управления со мной. — К нам прислали следователя из Москвы… Все на ушах стоят теперь! Какой-то поц по особо важным делам.

— Ого? И по чью душу? — я припала к двери, подставила лицо ласковому солнцу и пила кофе, желая лишь одного — чтобы этот день был хоть на капельку лучше, чем вчерашний.

— На дело Тимирязева. Морозов говорил, что он тебе будет помогать. Но мы с тобой понимаем, что столичный следак скорее удавится, чем согласится с такой формулировкой. Так что, следователь Алфёрова, теперь тебе будут дышать в спину.

— А мне какая разница? Кажется, меня ещё на дело не назначили, я вчера помогала парням, но назначения не видела. Пусть вообще его забирает… У меня после вчерашнего стойкая непереносимость «воронов».

— Нет, Кира… Странный этот Горохов, — Артём посмотрел на часы и маякнул, что уже пора двигаться. — Он у всех про тебя выспрашивает. Слушай, а может, его на смотрины отправили? Заберут тебя, Алфёрова, в златоглавую…

— Кто он, кстати? — я проигнорировала плохо прикрытую зависть и открыла окна, впуская ветерок с ароматом расплавленной тополиной смолы.

— Горохов Эдуард Юрьевич.

— Эдички только мне и не хватало, — я пристегнулась, и тут телефон брякнул входящим сообщением.

«У вас осталось три часа… С уважением, Север А.В.»

О как… С уважением! А хорошо его Лапин приложил, видимо.

Глава 9

Выезжая из своего двора, я почему-то глупо улыбалась, пряча хитрые глаза за солнцезащитными очками. Да и Орлов с меня взгляда не сводил, будто ждал комментария.

— Алфёрова? А ты чего лыбишься?

— К дождю, Орлов. К дождю…

Управление вновь встретило нас суетой. Дежурный сообщил, что меня ждут в кабинете Морозова, но я все равно направилась к себе. Сбросила вещи, заперла дверь, а после достала телефон.

— Лёнечка, голубчик мой, — засюсюкала я в трубку. — Ну как ты? Не буянил больше? Не нужно тебя отмазывать от дебоша в клубе?

— Кира Вадимовна, это было один раз, а вы мне уже третий год припоминаете, — звонко икнул в трубку Аничкин. — Что случилось?

— Давай, дружочек, выручай. Через пять минут я начну злиться, а ты можешь помочь. Мне нужны записи с камер…

Я быстро обрисовала ситуацию, назвала дату, время, номер рейса, надеясь, что и в этот раз Лёнька не подведёт. Странно, что Орлов к нему не стукнулся. Аничкин работал в транспортной полиции и всегда нас выручал, когда дело было срочным. Да и мы его никогда не подводили, следом отправляя официальные запросы, чтобы не подставлять парня.

Вот и сейчас малыш меня выручил без лишних оправданий. К моменту, когда я стукнула в кабинет Морозова, телефон ожил. Открыла сообщение и пролистала вереницу прикреплённых файлов. Ай да умница!

— Тук-тук… Разрешите войти, товарищ полковник? — вооружившись дежурной улыбкой, вошла, когда старик невнятно промычал в ответ.

За длинным столом собралась чисто мужская, но весьма занятная компания. Морозов, Анучин и незнакомец… Последний тут же вскочил, застегнул пиджак и рванул ко мне, заранее протягивая руку.

Я бегло осмотрела его, сразу сделав выводы… Не сработаемся. Узколицый, словно морду его лифтом зажало, глаза как у поросёнка, нос больше на клюв стервятника похож. И тонкие, крепко поджатые губы.

Не, точно не сработаемся… И дело не во внешности, а в ауре. Эта его прыткость, идиотское дружелюбие к совершенно незнакомому ему человеку. Для чего?

— Кира Вадимовна, добрый день. Наслышан о вас… Наслышан. Дело о банде с трассы было громким, о нём даже в столице шептались. Надо же, женщина-следователь, и такой прорыв! И, скажу вам по секрету, к вам присматриваются… Танцуйте!

— Танцую я обычно под грустную музыку и после второй бутылки шампанского, — сухо ответила я, мазнув взглядом по портпледу, свисающему со спинки стула, на котором сидел Горохов. Отметила погоны на кителе. Майор… А значит, можно не церемониться. — А танцевать перед повышением не привыкла. Да и не все мечтают переехать в столицу. Мне и дома хорошо. У нас, во всяком случае, принято представляться перед тем, как выплёскивать сплетни коридорные.

— Кира Вадимовна, прошу прощения, — Горохов опешил, казалось, он даже дрогнул, явно не ожидая такого приветствия. — Виноват. Ночной перелёт, переутомление… Горохов Эдуард Юрьевич, следователь по особо важным делам.

— Майор Алфёрова, — я ответила на рукопожатие, а после завела ладони за спину, незаметно стирая липкую влагу, в которой он меня измазал. Надо же… Такая должность, а ладошки потеют.

— Мне когда сообщили о командировке в Сибирь, я был готов к холоду… Но у вас, очевидно, и зимы холодные, и лето жаркое. Да? Регион крайностей, а также сильных и красивых женщин?

Слушая льстивую речь столичного ревизора, я успела его внимательно рассмотреть. Худой, невысокого роста, но жилистый. Гладко выбрит, кожа блестит от лосьона, рубашка идеально выглажена, весь такой вышколенный чистоплюй. Жалкое зрелище…

— А я вполне серьёзно говорю про столицу, — Горохов снова попытался отполировать меня комплиментом. — И методы оригинальные, и скорость раскрытия поразительная, и чистота задержания… Ни одного раненого или сбежавшего! Мы ваше дело подробно разбирали…

— Спасибо, я в курсе, — кивнула и прошла к свободному креслу, даже не пытаясь занять своё место рядом Морозовым.

Старик уже не походил на помидор, но вот взгляд был странным… Бегающим, будто ему было неловко или стыдно. Но поздно…

— Итак, начнём? — Анучин ударил по столу ладонями и встал, готовясь к очередной эпичной проходке вдоль окон.

— Нет, не начнём, — сразу перебила я его и выложила на стол телефон, досматривая присланные ролики, чтобы сначала убедиться самой.

Но там было всё чисто… Север не соврал. Он в компании Марьяны и ещё одного охранника прибыл в аэропорт, оставил машину в первом ряду платной парковки и отправился в задание. Лёнька даже распечатку их брони прислал для убедительности.

И, судя по хронометражу, самолёт вылетел до момента убийства. Криминалисты уже переслали заключение. К этому моменту Север уже приземлился в столице.

Аничкин расстарался на славу… Приложил к набору роликов и кадр выхода нашей компании из самолёта по прилёту. Борт поставили на бесконтактную стоянку, да и кадр был удачным, совершенно четко демонстрирующий морду Севера, тем самым целиком и полностью подтверждая его алиби на момент убийства.

— Мой рапорт и протокол вы прочитали? — я посмотрела на Морозова, а тот уткнулся взглядом в документы. — В клубе чисто, ничего обнаружено не было… Собственно, как я и говорила.

— Погрешность информаторов, — тут же вмешался Анучин, пытаясь оправдаться.

— А вот алиби Севера, — я толкнула телефон в руки полковника, проигнорировав своего непосредственного руководителя, и в спину ударил недовольный хрип Анучина. — На момент убийства Север вместе с Тимирязевой, ныне Бариновой, был в столице. Не знаю, кто вас настропалил, но теперь никто из этой компашки с нами добровольно сотрудничать не станет… Думаете, Баринов и его жена забудут, каким образом узнали о смерти Тимирязева? Забудут об обыске? Нет…

Морозов протяжно застонал, когда досмотрел все видео, а после вцепился в остатки своих волос и начал их дёргать.

— Да они не то что следака залётного вызовут… При всём моём уважении, — я кивнула опешившему Горохову. — Они в генпрокуратуру весточку отобьют…

— Уже… отбили, — крякнул Морозов и уронил голову на раскрытые ладони. — Произошло какое-то недопонимание… Губернатор всю ночь мне названивал, требуя объяснений незаконному обыску. Весь город на ушах стоит… Газеты сошли с ума, о самоуправстве СК трубит каждый писака. Кира, спасай!

— Это вам в МЧС, товарищ подполковник. Я человек маленький… Могу ночами клубы шерстить, допросы вести, не спать толком, а просыпаться по команде «смирно». Но вот спасать вас не в моей компетенции, — я поднялась, задвинула стул, даже не желая слушать, что старик от меня хочет. — Разрешите идти?

— Смирно! — гаркнул Морозов, и я остановилась, но не повернулась… — Север вчера сказал, что если ты извинишься, то ничего не будет.

— Он говорил не про меня, Фёдор Лукич. А про вас, — бросила я через плечо.

Казалось, если обернусь, то точно взорвусь от злости. На языке уже разлилась горечь обиды... Вот оно — мужское братство. Готовы прикрыться, когда удобно, но прикрыть не готовы. Один на пенсию идти не хочет, второй кресло его стережет, третий и вовсе… ревизор столичный.

— Кира, не злись, — примирительным тоном заговорил Морозов. — Да, ты была права, и не стоило верить информатору Николая Николаевича! Но и губернатор от меня требовал действий!

— Во-первых, мы много раз это проходили. Всё это давление сверху всегда заканчивается либо скандалом, либо срывом погон. Вам свои жалко, поэтому вы меня и подставили, Фёдор Лукич. И, надо признать, мне это очень не понравилось… А во-вторых, вы позвоните информатору майора Анучина и взыщите компенсацию, — усмехнулась я, уже чувствуя, как перегибаю палку, но ничего с собой поделать не могла.

— Он не мой информатор, а Киры! — рыкнул Анучин. — Мне он позвонил, лишь когда понял, что Кира реагировать не собирается!

Анучин распыхтелся так, что не успел заткнуться вовремя. Злость и желание оправдаться сыграло злую шутку… А вот этого представления я никак не могла пропустить. Крутанулась, припала к стене, наблюдая, как Морозов вскочил с кресла.

— Что значит, это не твой информатор? — заорал Фёдор Лукич, сдергивая тугой галстук. — А ты не подумал, почему майор Алфёрова отказалась реагировать на наводку? Или ты, Коля, решил, что она прикрывает преступников?

— Ничего я не решил…

— А вот и видно, что ничего ты не решил!

Ей богу, два петушка… Хоть бы гостя столичного постеснялись и не позорились.

— Молись, Анучин, чтобы Север и Кравцов приняли извинения Киры! — не унимался Морозов.

— Никуда я не поеду, — прошептала я, гордо вскинув подбородок. — Я выполнила ваш приказ, несмотря на то, что этот вброс был явно купленным. И итог? Гордееву увезли в больницу с экстренными родами, Севера и Кравцова избили, а Баринов о смерти тестя узнал в допросной. Вот это работа… Вот это показательная демонстрация работы СК. И вы считаете, что и приносить извинения должна я за всю структуру? В храм, может, ещё зайти? Свечку поставить? А что? Я могу…

— Кира, проверка из прокуратуры нам сейчас не нужна, — Морозов проглотил мою язвительность, хоть и далось это ему с большим трудом.

— Фёдор Лукич прав, Кира, — Горохов, очевидно, заскучал и решил присоединиться к битве. Он захлопнул ежедневник, в котором всё это время что-то строчил.

— А я забыла, Эдуард Юрьевич, мы когда на ты перешли? — цыкнула я и отвернулась. — Они — моё непосредственное руководство. Если меня и подставляют под обстрел, так они свои в доску. А вот вас я, товарищ следователь, вижу в первый раз в жизни.

— Кира, — Морозов двинулся ко мне. — Позвони Северу и просто извинись. Им тоже эта шумиха не нужна… Хватило и того, что весь интернет гудит позорными видеороликами. Начальник службы безопасности спасает майора СК от удара «ворона»!

Морозов сунул мне под нос телефон и запустил то самое видео, где я в один миг стою на барной стойке, а через секунду уже лежу под Севером, наблюдая, как скачет по стойке чучело.

— Чем отплатил СК за спасение следователя? Задержанием и побоями… — снова прочитал заголовок Морозов и махнул пальцем по экрану, но я отвернулась. — Кира, скоро эта новость уйдёт в федеральные СМИ!

— Хорошо, товарищ полковник. Но у меня есть условие…

— Ты, майор, не сильно забываешься? — шепнул Фёдор Лукич и незаметно ткнул меня пальцем в рёбра, но я была готова и даже виду не подала.

— Нет, не сильно. Снимите меня с дела Тимирязева. Вы сами показали мне видео, считайте, что я уже скомпрометирована перед прессой. Журналисты увидят, что к делу подключили столичного ревизора, и угомонятся, — я вскинула бровь и широко улыбнулась, заметив облегчение во взгляде Морозова. — А через пару недель все забудут о провале обыска.

Старик явно ожидал от меня требования или отпуска, или повышения зарплаты… Поэтому моё условие его приятно удивило. В СК никогда не бывает мало работы, какая ему разница, кто будет официально назначен на дело Тимирязева, при условии, что из Москвы прислали главного?

— Договорились, — крякнул Морозов.

Не утаилась от меня и озадаченность на лице Горохова, и ликование Анучина, ведь это такой удачный случай проявить свой профессионализм перед столичным гостем. Вот и пусть старается…. А моя чуйка вопит, что от «воронов» мне нужно держаться подальше.

Ну извинюсь разок… И всё! Как говорит дед, один поклон не сломает хребет.

Покинула кабинет с чистой совестью и прямо на ходу начала дозваниваться по номеру, с которого пришло СМС. Но Север упорно сбрасывал… А через мгновение пришло новое сообщение:

«*В 14:15… Извинения я предпочитаю принимать лично*», — вкупе с сообщением прилагался адрес.

И улицу я эту знала, и дом… Зеркальный небоскрёб прямо напротив областной администрации. Прелестно… Ну, хоть не в лесу в обнимку с лопатой.

— Засранец…

До встречи было ещё далеко, и я взялась за текущие дела. А ровно за два часа до назначенного времени вышла из кабинета. По пути заскочила в суд, чтобы вымолить прощения и завизировать своё постановление на обыск, выслушала нотацию и предупреждение:

«Кира, ты умная девочка… Но это мужской мир с их правилами. Они и дальше будут бросать тебя на амбразуру, потому что красивой женщине простят куда больше, чем престарелому полковнику, которому уже давно пора внукам яблочко на тёрке измельчать, — сухо цедила судья, Третьякова Марина Семёновна, самая старшая и, очевидно, повидавшая не одну дуру вроде меня. — Ты должна делать выводы. Они подставляют, а ты требуй с них подпись. А без неё не смей падать грудью под пули! Ясно?»

К высотке я подъехала вовремя. Припарковалась на гостевой стоянке и двинула к центральному входу. В сравнении с моей двухэтажкой, построенной ещё, по слухам, пленными немцами, это здание давило роскошью…

Воздух пах чистотой и свежестью, на стойке стоял букет шикарных пионов, а довольные и до бесячества вежливые девушки сообщили, что Андрей Витальевич предупредил о гостье.

Мне любезно предоставили сопровождающего, от которого я хотела было отказаться, но опоздала. Так залюбовалась интерьером, что невольно двинулась следом. И хорошо, что забылась, потому что сложный переход из одного крыла в другое, а затем смену лифта, с предварительным звонком Северу, я бы не запомнила.

Лифт замер на двадцатом этаже. На площадке было всего две квартиры в разных концах длинного коридора. Портье услужливо указал мне направление, а стоило мне сделать шаг, как обе двери одновременно распахнулись, и в холл синхронно вышли два самца. Немного побитые, с проявившимися гематомами. У Кравцова на носу и вовсе было что-то вроде бандажа.

— Добрый день, — выдохнула я и стиснула кулаки, понимая, что нужно просто раз перетерпеть и снова забыть обо всем этом дерьме.

Кравцов сдержанно кивнул, бросил на Севера странный взгляд и захлопнул дверь, дав понять, что если он кого и ждёт, то явно не меня. А вот Север улыбался… Широко так, лучисто, а глаза холодные-холодные.

— Андрей Витальевич, от лица всего…

— Ну не унижайте себя, Кира Вадимовна, прошу, — Андрей отошёл и махнул рукой, тем самым приглашая войти. — Следователю СК не подобает приносить извинения в коридоре…

Глава 10

Да нет, Андрей Витальевич… Следователю СК как раз плевать на унижение, он и перед чёртом лысым извинится, лишь бы избежать выматывающих проверок и свиданий с сотрудниками собственной безопасности. А вот Кире Алфёровой извиняться перед мужиком больнее, чем наступить на гвоздь.

— Ну не упрямьтесь, Кира Вадимовна, — Север не говорил, он буквально мурчал, как мартовский котяра, хитростью заманивающий приглянувшуюся кошечку в свои сети. — Всё равно уже пришли.

Я выдохнула, нацепила дежурную улыбку и зашагала к распахнутым дверям. На меня тут же пахнуло ароматом жареной картошки. Я удивленно присвистнула, обернувшись к Северу.

Он запер дверь и довольно усмехнулся, медленно ощупав меня внимательным взглядом. И как это у него так получается? Расстояние — пара метров, а чувство, словно меня обыскивают.

Сегодня он был одет просто, даже по-домашнему, что ли. Спортивные серые штаны, белая футболка, из-под ворота которой торчал узелок нитки, а через ткань проступало очертание крестика. Да и вид у него был сонный…

Хм… Дура! Мчалась, думая, что он занят! А он харю давил и извинений ждал…

— Картошка? — я едва проглотила слюну, вспомнив, что в последний раз ела в обед, но ровно сутки назад. Я стянула ботинки и решительно двинула по широкому коридору, застыв на развилке, откуда расходились разные комнаты.

— Устрицы, лягушачьи лапки и шампанское были на завтрак, — низкий смех Севера рассыпался по квартире бархатными бусинами. Такой уютный, густой, обволакивающий. — Но если вы задержитесь… скажем, на ночь, шикарный завтрак я тебе гарантирую.

— М-м-м-м… Какое предложение. Майор Алфёрова продалась за тарелку еды, — я поспешила восстановить дистанцию между нами, но в затылок тут же прилетел громкий смешок.

— Картошка? — когда я обернулась, Андрей поигрывал бровью, разглядывая мои носки с рисунком мультяшных картофелин. — Ну вот, сам бог велел. Прошу, Кира Вадимовна, составьте мне компанию за обедом.

Квартира Севера была белой, чистой и просторной. Никакого золота и прочей чепухи. Однако и на аскетичную мужскую берлогу пространство тоже не походило. Чисто, если не сказать стерильно, светло и довольно уютно. Но я не успела рассмотреть интерьер, потому что всё моё внимание привлекло огромное панорамное окно, в котором не было ничего лишнего… Только голубое небо без единого облачка.

Концентрация света была зашкаливающей, даже глаза резануло, но при наличии карнизов я не обнаружила ни тюля, ни портьер. Очевидно, хозяин за семнадцать лет истосковался по солнцу.

Я прилипла к окну, рассматривая раскинувшийся суетливый город. Центральная улица кишела прохожими, проспект традиционно переливался длинной лентой машин. Вид был бесподобным, до мурашек! Стояла с открытым ртом, не обращая внимания на грохот, доносившийся из кухни.

Очнулась, лишь заметив движение по правую руку от меня. Андрей локтем оттолкнул створку и вышел на открытую террасу.

— Красиво, — понимающе кивнул Север, уверенно накрывая на стол. — Умиротворяет… Прошу, Кира Вадимовна.

Андрей куда-то нажал, и над головой зажужжал расправляющийся тент, чтобы обезопасить нас от солнечного удара. Я опередила чисто джентельменское движение и сама отодвинула для себя кресло.

— Приятного аппетита.

— Андрей Витальевичи, а что происходит? — я осмотрела стол, накрытый чисто в мужском стиле. Но в этом было какое-то своё очарование. Для того, чтобы накормить себя горячим обедом, Северу не нужны прачки и поварихи. Ему достаточно картошки, хлеба, грубо покрошенных овощей.

— Как жаль, что этот вопрос вы не задали вчера, — Андрей прищурился и начал ловко расправляться с обедом.

Он прямо руками забрасывал в рот огурцы, отламывал хлеб и не требовал под него отдельную тарелку, как часто делал Данилов, доводя меня до исступления.

— С чего вы так решили? — я все же взяла вилку и последовала его примеру. — И всё же… Приношу извинения от лица СК и от всех смежных структур. Но вы сами знаете, что приказы не обсуждаются.

— Знаю, — Андрей дернул плечами, и ткань обычной белой футболки натянулась, очерчивая мощную линию груди.

Но взгляд мой неумолимо скользил по рукам, пока я с жадностью не запнулась за длинную татуировку, начинающуюся чуть выше запястья и убегающую под короткий рукав футболки. Ну, точно, иероглифы. Но такие необычные, не для красоты картинки в соцсетях, не для стиля или в дань моде. Нет, в этой надписи однозначно крылось нечто важное лично для него.

Хотя… Весь этот мужчина был соткан из противоречий и тайн под грифом «секретно».

— Надеюсь, инцидент исчерпан, и вы не заставите меня извиняться за действия других мужчин? — я все же оторвала взгляд от созерцания его татуировки, отметив, что все это время Север будто нарочно держал руку неподвижно, чтобы не мешать.

— Что вы, там, где женщина извиняется за мужика, заканчивается и сам мужик, — Андрей оттолкнул опустевшую тарелку и, подхватив кофейник, начал разливать ароматный напиток по чашкам. — Кстати, ваш Лапин опередил вас, извинившись ссамого утра.

Я зависла и даже подергала головой, не веря услышанному. Лапин… Извинился?

— Боже, Север, кто вы такие? — я рассмеялась, тоже отодвинула тарелку, ощущая приятную сытость. — Мало того, что я никогда не видела, чтобы Лапин вот так срывался, так я ещё и не видела, чтобы он приносил извинения!

— Кира… — Андрей чуть помедлил, сделал паузу, будто обдумывая последующие слова. — Кира Вадимовна, сожаление не оскорбляет мужчину. И я ничего не делал, чтобы надавить на вашего Лапина… Он сам понял, что был неправ. Он выполнял свою работу, а я выполнял свою. Мы оказались задержаны, а Ива Давидовна была вовремя доставлена в роддом. Винвин…

— Можно просто Кира, — бросила я, уловив причину его замешательства.

— Спасибо, — Север протянул мне чашку, а когда я подняла руку, наши пальцы на миг столкнулись. Знакомое тепло пробежало по коже, будоража невесть откуда взявшиеся мурашки.

Чёрт… И что в нём такого?

— А вы не хотите извиниться? — я откинулась на спинку и почему-то перешла в наступление, хотя по идее эта встреча должна нести мирный посыл.

Но что-то пошло не так…

То ли голову напекло, то ли адреналин снова загулял по сытому телу, но слова уже сорвались с кончика языка:

— Ваше поведение на допросе было, мягко говоря, непозволительным.

— С каких пор правда стала непозволительна? — Андрей закурил и тоже откинулся на спинку, с готовностью принимая правила игры в гляделки.

— При допросе сложно отличить правду от попытки давления.

— То есть вас не устроили обстоятельства? Тогда повторю… Кира, ты красивая женщина, — он прищурился, но взгляда не отвёл. Да и тон его был ровный, спокойный, словно он и правда не имел цели рассыпаться в комплиментах, а просто констатировал факт.

— Это подкат, Андрей Витальевич? — я потянулась к его пачке, а когда попыталась взять зажигалку, то Север галантно откинул крышку и поднёс огонёк.

Можно подумать, между нами сейчас мало огня… Пара секунд, и сигарета могла вспыхнуть самостоятельно.

— Я не умею подкатывать, — Андрей звякнул золотой зажигалкой и улыбнулся. — Вы же помните, что время практики по соблазнению женских сердец я провёл в ИК? А там скудный выбор женщин… Одна психологиня сомнительного уровня квалификации.

— Боже, Север, — я рассмеялась и чуть нависла над столом. — Вы что, совратили штатного психолога? Бедная женщина… Не жалко? Она там, наверное, слёзы льёт? А вы занятный… Вообще, ложь я нутром чую. Но вы не врёте… — я прищурилась и склонила голову, внимательно рассматривая мужчину.

— Ложь стоит в три раза дороже, чем правда. Её говорить легко, иногда даже приятно, но безумно дорого… — Андрей подставил лицо легкому ветерку, который и стер с его лица улыбку. — Ложь уничтожает тебя изнутри, отравляет по миллиметру, очерняет душу и лишает красок жизни. Ты дёргаешься, рвёшь себя изнутри, но остановиться уже не можешь. А раз правда дешевле, то почему бы не пользоваться скидкой?

— Ну, начнём с того, что в нынешних условиях курс переменчив, и порой хитрые брокеры сильно завышают стоимость правды. И вот тогда проще соврать… Но за комплимент спасибо, — я кивнула, и губы сами растянулись в улыбке.

Взгляд Севера выносить было непросто… Меня преследовало ощущение сканирующих лучей. Его внимание и вовсе походило на чисто мужское объятие: тяжелое, душное, подавляющее. Его не волновали нормы этикета, он не тяготился стыдом и смущением, довольно смело рассматривая меня буквально по миллиметру. Но при этом его интерес не был пошлым… Север источал любопытство, но не похоть.

— Вы свободны? — Андрей снова подался вперед, стремительно сокращая дистанцию, как тогда, на допросе. — И я не о времени… То, что вы не замужем, я понял. А что насчёт мужчины?

Сказать, что его вопрос застал меня врасплох — ничего не сказать.

Правду он выплёскивал как из пулемета, совершенно не подбирая момента. Просто хотел и просто говорил, потому что на своей шкуре понял… Нужного и более подходящего момента может уже и не случиться.

— Андрей, а вот что будет дальше? — я затушила сигарету, к которой так и не прикоснулась, и начала собираться, давая понять, что раз извинения приняты, то встреча подошла к концу. — За волосы и в ЗАГС? Андрей, вам не кажется, что вы форсируете события?

— Форсирую? Не думаю… — Север вдруг накрыл мою руку своей горячей ладонью и аккуратно сжал пальцы, заставляя посмотреть ему в глаза. — С замужеством будут проблемы, Кира, но я готов наступить на горло своему эго и довольствоваться гражданским браком.

— И какие же проблемы? — зачем-то спросила я, вместо того чтобы рассмеяться над этим до нелепости серьезным обсуждением нашей семейной жизни.

Какого черта?

— Ты следователь, Кира. И сомневаюсь, что ваша система закроет глаза на новый пункт в твоей анкете…

— Ты… Ты о своей судимости? Север, скажи, что это просто плохое чувство юмора! — я не выдержала и расхохоталась, медленно вытягивая руку из захвата. — Андрей Витальевич, наверное, мы слишком рано перешли на ты… Но давайте я отплачу правдой на правду?

— Будьте так добры…

Андрей выдвинулся на кресле так, чтобы закрывать проход, а значит, с террасы мне без боя не выбраться. Но и возвращаться в кресло я не спешила. Припала к стене, внимательно рассматривая красивого и уж больно ретивого мужика.

— Вы правы, за одно преступление дважды не судят. И я заранее прошу прощения, но… Знаете сколько раз я слышала душещипательные истории про незаконный срок? — стянула со стола чашку, допила кофе, следя за реакцией Андрея на свои весьма резкие слова. — Подставили, оболгали, оговорили… Но я ни разу не слышала, чтобы бывший заключенный признался в том, что посадили его справедливо и за дело. Андрей Витальевич, вы правы, в мою жизнь вы не вписываетесь ни по одному параметру.

— Не в вашем вкусе? — он вскинул бровь, и это было странно… Колкость про срок он пропустил, словно это его не волновало, а вот намёк, что не привлекает меня как мужчина, сработал мгновенно. — Или, быть может, я слишком стар?

Я с трудом протолкнула скопившуюся во рту слюну и удержала ещё одну порцию правды, что уже сыграет не в мою пользу. Сколько ему? Чуть за сорок? Да я и не помню, когда и тридцатилетних такой крепости встречала. И дело не только в физике, нет… Его способность держать ментальный удар, иммунитет на провокации, способность к анализу и пытливый взгляд, подмечающий каждую мелочь.

Это весьма и весьма… возбуждающе.

— Нет, Кира, это не правда, а туфта, — вдруг заговорил Север и поднялся, а от этого движения все контраргументы из головы испарились. — Хочешь настоящей правды?

— Нет, — выдала я, и Андрей рассмеялся и сделал шаг навстречу, разрушая остатки дистанции.

— Ложь. Хочешь… Ты сильная, умная, образованная. Скорее всего, из полной семьи. Довольно рано поняла, что сильнее многих мужчин, и они потеряли для тебя интерес. Потому ты и выбрала профессию, где, казалось бы, должен зашкаливать тестостерон, — Андрей запнулся, прищурился и снова добавил: — Либо это наследственное. Кто твой отец?

— Кардиолог, — процедила я, лишь бы он не останавливался. Уж очень интересно было, куда доведут его наблюдательность и умение играть с логикой.

— Тоже неплохо, но слишком скучно для такой женщины, как ты. Не прокуратура, не судейство… Следственный комитет. Ты самодостаточная, не нуждаешься в оценках извне, не боишься вступать в открытые конфликты с руководством, но при этом не ломаешь суть системы, оттого и явилась на обыск с куцым постановлением…

Север будто вошёл в раж, глаза быстро скользили по моему лицу, отслеживая микромимику, а я старалась держать каждый мускул под контролем, чтобы не облегчать ему работу.

— Женщина ты красивая, пылкая… А значит, мужичок есть, — Андрей быстро кивнул, будто подтвердил свои же догадки, а после закурил.

Он снова прошёлся глазами снизу вверх, застыв на миг на груди. И его взгляд превратился в кардиомонитор, способный считать частоту ударов, давление, температуру…

На всё ему нужно было не более секунды, и он снова двинул в путешествие по моему телу, поднявшись к лицу, правда, стремительно вернулся к вороту моей футболки. Бровь вопросительно приподнялась, заметив нечто интересное, но я машинально оправила ворот, скрывая своё несовершенство.

— Ну, так что там с мужиком? — я нарочно подлила масла в огонь, лишь бы вернуть его внимание в безопасное русло.

— Мужик… — Андрей шумно затянулся, выплюнул облако дыма в сторону и застучал по столу. — На тебе нет кольца, а значит, он либо импотент, либо приспособленец. Если бы любил, то уже поломал бы… Кому нужна женщина, способная забыть дорогу домой и срывающаяся среди ночи на вызов, потому что трупы куда интереснее его бестолковых ласк и попыток играть в брутала…

Горло вспыхнуло от подавленного смешка. Я вспомнила лицо Данилова, которого я чуть ли не сбросила с себя за мгновение до кульминации, когда получила очень важный звонок.

— Ну, либо ему от тебя что-то нужно, — Андрей пожал плечами, словно даже не хотел на этом останавливаться, он заведомо поставил крест на Данилове, даже не будучи с ним знакомым. — Так что с ним я разберусь на раз-два… Ты привыкла всё контролировать. Прикурила, но сигарету к губам не поднесла, зато пепел стряхивала, когда мысленно досчитывала до какой-то отсечки, я не успел вычислить. Сорок? А значит, это способ медитации, а не дурная привычка. Нет, Кира… У такой женщины, как ты, нет изъянов. Она идеальная, вот только к этой образцовой идеальности подобраться удается не всем.

— А вас, Андрей Витальевич, тянет на идеальность, да? — я улыбнулась и опустила глаза, вдруг осознав, что невольно проиграла этот бой. — Но тогда ответьте на вопрос: если женщина с такой работой нормальному мужику не нужна, то, выходит, вы ненормальный мужчина?

— Нормальность в современном мире вообще условность. Да и мои изъяны все отображены в досье. Убеждать вас в своей невиновности не стану, не потому что вы высмеяли это, а потому что это моё прошлое, и его уже не изменить, даже если я вас заставлю в это поверить, — он склонил голову, и я поняла, что именно меня смущает…

Как только дело доходит до разговора о его сроке, на лице Севера пропадают какие-либо эмоции. Чистый лист… Он не стыдится убийства, связей с ОПГ, не сожалеет о погубленной карьере военного. И лишь взгляд потухает, его озорные искры становятся матовыми, тоскливыми, наполненными заржавевшей болью.

И тут я вспомнила то коротенькое досье, больше похожее на оперативную справку. Всего десять строк, словно кто-то вымарал подробную информацию, оставив скудные факты, за которыми либо много правды, либо слишком много лжи…

Андрей явно чувствовал мои сомнения и озадаченность, но при этом не пытался давить или убеждать. Нет, он был спокоен и уверен. Но в чём? В своей невиновности? Или в том, что я не найду на него большей информации?

«А ты собираешься искать?»

«Кира, очнись! Он – преступник! Да если Анучин заподозрит, то не подпустит тебя ни к одному громкому делу! Будешь до пенсии бомжей опознавать!»

— Андрей Витальевич, спасибо за обед и увлекательную беседу, — я мило улыбнулась и все же просочилась мимо него, а Север не остановил и покорно двинул следом, чтобы проводить. — Но вы правда неинтересны…

И тут запястье ошпарило… Горячие крепкие пальцы пробежали по нежной коже, смыкаясь в кольцо, и меня сдернуло с места. Одно быстрое движение, и я оказалась в плену его рук. Андрей склонился, чтобы уравнять рост, но не более…

— Кира-Кира, — прохрипел он, пуская ладонь мне на шею, а подушечки пальцев уже безошибочно нашли вену, индикатор моего внутреннего хаоса. — Человек врёт… А вот тело его не умеет. Пульс, румянец, нервное покусывание губ, — Андрей ткнулся носом мне в щеку, тепло его дыхания согревало, запуская странные и бесконтрольные процессы.

А я всё таращилась на его красивую щетину, с редкой проседью, и хотела ощутить его… И он дал мне это! Прижался щекой, зарываясь носом в волосах.

Моя кожа вспыхнула! Каждый укол, каждая царапина лишь усиливали то, что он перечислил!

Сердце будто сорвалось с цепи, пульс шкалил, а во рту пересохло. И когда Север попытался откинуть голову, чтобы посмотреть в глаза, я снова пошла в наступление, потому что нельзя… чтобы он увидел хаос, поднимающийся изнутри.

Я же не могла контролировать ни себя, ни своё сердце, ни эту дикую реакцию на совершенно незнакомого человека. И это не просто «хочучка», не просто возбуждение, не физика, где все понятно… Это совокупность каких-то идиотских мелочей: запах, смех, касание…

Я ненавидела себя в этот момент. За слабость, за робость, за то, что вытравила много лет назад.

И тут я махнула ногой, чётко попадая под сгиб его колена, дернула корпусом, выбираясь из захвата, а затем толчок… Моя ладонь с силой опустилась между его лопаток. То ли от неожиданности, то ли он решил поддаться, но я таки припечатала его к стене.

С каким-то животным наслаждением прижалась грудью к его спине, ощущая, как и его сердце беспокойно лупит. Чёрт… Как жаль, что он выше… Но Андрей опять прочитал мои мысли, чуть спускаясь. И вот тогда я увидела его довольную улыбку, больше походящую на оскал сытого, но опасного пса.

— Андрей Витальевичи, даже если правда стоит дешево, а вы поразительно наблюдательный, то у всего есть границы… Не надо делать из меня перевозбужденную студентку, готовую клюнуть на смазливое лицо и пылкую речь, выданную бархатным голосом, — зашептала я, чуть приставая на цыпочки, чтобы втянуть его сладкий аромат…

Такой лёгкий, как свежий кексик с шоколадной поливкой и тонким переливом мяты.

— Не клюну, Север. И куда же делась ваша предвзятость к следователям? Как же наши грязные методы?

— А у меня смазливое лицо? — расхохотался Север, коварно обернувшись через плечо. И мне бы уловить его замысел, но нет… Я слишком рано расслабилась и возомнила, что эта партия за мной.

Я не поняла, как он успел сгруппироваться и оттолкнуться от стены. Всё случилось в одну секунду! И вот я уже пришпилена к противоположной стене и вишу, не касаясь ногами пола! Как ягодка в центре вековой паутины… А рядом он – паук, прекрасно считывающий реакции тела.

Но мне было мало! Я согнула колено, намереваясь ударить в пах, однако Север опередил и перехватил мою ногу. И вот уже его пальцы с победным маршем движутся по внутренней стороне бедра.

Наши грудные клетки бились друг о друга, словно отчаялись, что в этой битве можно победить словом, и торопились растерзать плоть, сломать рёбра и добраться друг до друга. Дыхание сплеталось, аромат сладости становился все насыщеннее.

— Ладно, Север… Ты выиграл, — выдохнула я, едва касаясь подбородком его губ. И снова укол… Пульс подскочил, а этот засранец вновь считал реакцию и усилил скольжение щетины. — Извинения мои вы приняли?

— Ага… — довольно мотнул он головой, с усилием оторвав взгляд от моих губ.

— Тогда я подумаю над датой и временем, когда буду готова принять извинения от вас…

— Зачем ждать? Готов извиниться прямо сейчас, — голос его сломался, рухнул до шёпота, и опять этот табун мурашек… Но Андрей вдруг резко, но мягко раздавил их, ладонь размазала этих предателей, а по коридору рассыпался его хриплый смех.

Надо бежать! Срочно!

— Не люблю поспешных извинений. А теперь, Андрей Витальевич, мне пора.

— Убегаешь? — Север опустил меня на пол и двинулся в прихожую следом. — Чего ты хочешь?

— Ты о чем? — я нагнулась и начала быстро зашнуровывать ботинки.

— Кино? Вино? Ресторан?

— Спасибо, но не стоит…

— Хорошо, — как-то слишком быстро согласился он, стягивая с комода ключи, а после прыгнул в кроссовки и вышел за мной следом, явно намереваясь проводить. — Сам решу, как порадовать тебя.

— Север, а теперь ты слишком много на себя берёшь. Меня есть кому радовать.

— Очень сомневаюсь, — сверкнул он взглядом последний раз, и вдруг его глаза снова стали затягиваться льдом. — Такую женщину берут не баблом…

— А чем? — я делала всё, чтобы не смотреть ему в глаза. Дура… Тупица!

Возомнила себя амазонкой, забыла, как может быть опасен мужчина!

Север всё больше успокаивался, выдерживая дистанцию в лифте. И стало ясно… Настоящим он может себе позволить быть только дома. От мужчины, рассыпающего комплименты и колкости, не осталось и следа, передо мной вновь стоял офицер с образцовой выправкой.

Но если с ним всё понятно, то что делать с самой собой? Откуда этот неведомый голод? Откуда эта внутренняя дрожь? Почему мне приходится держаться за поручни, лишь бы не нарушить дистанцию и снова не окунуться в обжигающее тепло мужской ауры?

Андрей проводил меня к выходу, но не тем маршрутом, которым меня вёл портье, а более коротким, видимо, хозяйским. Я вышла из подъезда, подставляя лицо душному мареву от плавящегося асфальта, и тут меня снова схватили за локоть. Твёрдо, но аккуратно…

— На клуб навёл Донцов? — Север был резок, очевидно, намереваясь застать меня врасплох.

Глупышка ты, Кира… Думала, он забудет про своё условие? Нет… Такие люди ничего не забывают. И вся его степенность и смирение с прошлым — не более чем прикрытие.

— Скажем так, Андрей Витальевич, — я вытянула свою руку из его бережного хвата, буквально физически ощущая его слабое сопротивление. — Лично Донцов мне не звонил…

— Значит, посредники. Ясно, — Андрей кивнул и отошёл. — У меня к вам будет взаимовыгодное предложение, но чтобы озвучить его, мне нужно посоветоваться с начальством. А им, как вы понимаете, сейчас некогда… Бесадзе и Гордеев в роддоме, Бариновы занимаются похоронами.

— Хорошо, — я безразлично пожала плечами и начала рыться в рюкзаке в поисках ключей от машины. — Но знайте, Андрей Витальевич… Ещё ни на одно предложение от мужчин я не ответила согласием.

— Чем сложнее задача, тем приятнее её достижение. Спасибо, что предупредили, я подойду основательнее.

Я кивнула, не сумев выдать ничего внятного, и отправилась к своей машине. И вдруг показалось, что затылок прожигает чей-то взгляд. Но Север стоял чуть левее, а ощущения толкали обернуться меня в противоположную сторону.

Я дернулась, заметив, как от обочины отъезжает чёрный джип… Чуть подпрыгнула, чтобы рассмотреть номер тачки, но он был нечитаем. Странно, уже неделю нет дождей, а он где-то грязь нашёл!

Глава 11

— Ну, наконец-то! — мамин визг был громче, чем скрип ворот гаража.

Я не успела вышагнуть из салона, как на шею опустились по-матерински властные руки. Мама прижалась ко мне, зарылась носом в волосы и сделала резкий вдох.

И тяжелый рабочий день стал размываться под напором её тепла. Вмиг забылось столкновение с Морозовым, отповедь от судьи и извинение перед Севером. Я снова шагнула в детство, где от плохой отметки и ссоры с лучшей подругой спасала лишь родительская любовь.

— Ну, вот почему у меня дочь такая бесстыжая? А, Кира? Почему? — мама отклонилась и часто заморгала, пытаясь скрыть от меня накатывающие слёзы.

— Ну, какая есть, мамуль, — я обняла её в ответ, ощущая родное, успокаивающее тепло. — У меня правда было очень много работы. Ты прости меня…

— Эх… — мама наконец-то разжала руки и начала крутить меня, изучая со всей своей педагогической внимательностью. — А я была уверена, что рано или поздно ты бросишь свою затею стать следователем.

Мама была крошечной, едва дотягивала мне до плеча. Худенькая, такая изящная, и платиновые волосы, как всегда, уложены в аккуратный учительский пучок. Мамуля у меня работала преподавателем иностранных языков, а ещё у неё был настоящий талант объяснять просто, доступно и с улыбкой. Где бы мама не работала, она всегда становилась любимым учителем. К праздникам наш дом ломился от бывших выпускников, а все тары заполнялись цветами. Не замолкал в эти дни и телефон, потому что отмечались те, кто не мог поздравить лично.

— Мам, уже поздно для нотаций. Что выросло, то выросло, — я вытянула из машины пакет с подарками и потянула маму к переходу из гаража в дом. — Это моя работа, и я её люблю.

— Кира, мало просто любить работу! У тебя два языка, великолепное образование… — в голосе маме полыхнула учительская нотка, поменялся даже взгляд, но она быстро взяла себя в руки, решив, что не стоит тратить время на бестолковые попытки вразумить дочь.

— Мам, вот твои кровопийцы треплют тебе нервы? Треплют… Но, тем не менее, ты каждый день встаёшь и делаешь свою работу. Ну чем школа отличается от СК?

— Тем, что в моём классе сидят, пусть и хулиганы, но не уголовники! — завела старую песню мама.

— Открою тебе один секрет, мамуль, — я толкнула дверь и вошла в холл дома. — Все мои уголовники раньше тоже были вот такими учениками… А некоторые и вовсе были любимцами сердобольных учителей.

— Боже, откуда столько цинизма, Кира Вадимовна? — рассмеялась мама, да нарочно громко, привлекая внимание. И её смех сработал, как маячок, и дом задрожал от суетливых шагов.

Тишина вмиг рассыпалась от голосов, приветствий, детского писка, а меня, как куклу, передавали из одних объятий в другие, пока я наконец-то не оказалась в руках деда, Макара Ильича.

— А ну брысь! Дайте на внучку посмотреть, эгоисты! У вас вся жизнь впереди, а мне осталось-то от силы пару месяцев, — затянул дедуля свою старую песню, благодаря которой вечно получал то, что хотел.

— Низко, дедуль… Очень низко. От твоей манипуляции несёт нафталином, может, пора придумать что-то новенькое? — я обняла своего сухонького великана, в которого и пошла ростом, отчего с детства носила прозвище «каланча».

Я виновато махнула отцу, недовольно покачивающему головой, моему дядьке, его жене и трём мальцам, не сводящим глаз с моей наплечной кобуры, которую я не успела оставить в машине.

— Нет у меня времени думать. Да и нет ничего надёжнее, чем старые добрые методы, — ворчал дед, вытягивая меня из круга семьи.

— Так, у вас на секретики несколько минут, — строго выдал отец и грозно махнул пальцем. — Шашлык уже на углях, и не смейте саботировать семейный вечер! Мы и так собираемся раз в сезон…

— Да твой шашлык прожевать невозможно, — огрызнулся дед. — А ещё раз качнёшь своим пальцем, я тебе его сломаю… Может, мне жить и осталось пару месяцев, но силёнки ещё есть! Скальпель держать не сможешь, мясник!

— Ой, дед… Наша песня хороша – начинай сначала, — отец закатил глаза, а после снова обнял меня, игнорируя возмущение старика. — Как дела? Жалоб нет?

— Всё хорошо, — я лишь успела подмигнуть отцу, потому как дед уже тащил меня в свой душный, пыльный и тёмный кабинет.

Родители пять лет назад продали квартиру и уехали в пригород, поближе к посёлку, куда в закрытый лицей устроилась мама. Классы небольшие, никаких хулиганов, да и деду свежий воздух был на пользу.

— Ну? Как дела? — издалека начал дедушка, усаживаясь в широкое кожаное кресло за дубовым столом с потёртым зелёным сукном. Эту громадину дедуля отказался оставлять в своей квартире и потащил с собой на место новой дислокации.

— Что нового в вашем королевстве?

Я заметила, как он скинул в ящик планшет, на экране которого завис знакомый мне ролик. Чертяка… На тот свет собирается, а современными гаджетами пользуется ловчее, чем мама.

— Плохой заход, дедуль…

Я улыбнулась и плюхнулась на край стола, осматривая до боли родной кабинет, заботливо перенесенный в новый дом в первозданном виде. Высокие стеллажи, кожаные корешки книг, стопки архивных научных работ. Здесь даже запах был тот же…

— Ты же в курсе уже, так чего прямо не спросишь? — я отвлеклась на телефон, заметив незнакомый номер на экране. — Алло?

— Кира Вадимовна? Добрый вечер, это курьерская служба «Экспресс». Для вас срочная доставка, подскажите, где бы мы могли встретиться? — в динамике разлился вежливый мужской голос.

— Это невозможно, уже поздно, да и я в пригороде, — задумчиво протянула я.

— У нас срочный заказ, Кира Вадимовна. Просто скажите адрес…

— Для начала сообщите, от кого доставка, а дальше решим, — я спрыгнула со стола и подошла к окну, быстро осматривая территорию.

— Да, секундочку, — курьер зашелестел документами. — Север Андрей Витальевич.

Хм… Что, так просто? И даже никаких секретов? Всё честно, открыто и в лоб?

Любопытство победило, и я назвала адрес. Глупо? Возможно… Но с этим я разберусь потом. Стоило отбить вызов, как телефон вновь дрогнул входящим сообщением:

С.А..: «Кира Вадимовна, как будет удобно, наберите меня».

К.А.: «Вы сформулировали своё предложение?»

С.А.: «На завершающей стадии… Ну так что?»

К.А.: «Сегодняшний вечер я проведу с семьёй, Андрей Витальевич, а завтра наберу вас».

Я решительно убрала телефон в карман и тут же наткнулась на пристальный взгляд деда.

— А что за глупая улыбка, Кира? — он нахмурился и постучал пальцами по сукну стола. — Хахель? Или как там у вас, у молодёжи, теперь говорят, ёбарь?

— Де-е-е-ед, фу, как некрасиво, — я расхохоталась и подбежала к нему, присаживаясь на подлокотник кресла.

— Жизнь скоротечна, внучка. И чем сильнее ты отстаёшь от современности, тем быстрее приближаешься к смертному одру. А я ещё сопротивляюсь, поэтому и изучаю современное бескультурье: тюбики, смурфики, хайпы, рилсы… зашквары, — дедуля гладил меня по голове своими сухими пальцами и улыбался. — В моё время были только шкварки. Помнишь, бабка какие вареники со шкварками и картошкой стряпала? Ум отъешь! А с вашими зашкварами вареников не сварить.

— Помню, дедуль, помню, — я обняла своего любимого старика. Так мы и сидели в полной тишине, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

— Ну, так расскажешь, какого черта у вас там произошло? — заскрипел дед. — Почему мою внучку во всех газетах печатают?

Было у моего старика хобби… Нос совать в мои дела. Стоило ему чуть-чуть выдать фактов, как он расцветал, румянился, начинал генерировать версии, идеи… Оживал, одним словом. А я на все была готова, лишь мой дедушка не сдавался и хватался за жизнь до последнего.

Я рассказала ему и про информатора, и про то совещание, ну и про обыск тоже… Утаила я лишь подробности про Севера, потому как мой интеллигент с богатым «мидовским» прошлым не понял бы моего интереса. А он был… Чего греха таить?

— Твой Морозов – идиот! — рявкнул дедуля. — Так за место держится, что скоро уборщиц слушаться начнёт. Тоже мне — подполковник! Да в мои времена его бы… Да к стенке!

— Дед, то, что ты родился в день смерти Сталина, не делает тебя участником той эпохи, — расхохоталась я.

— А ты молодец, что отказалась от дела Тимирязева. Дерьма много выплывет, вот пусть столичный ревизор и вязнет в нём! Он же, небось, за повышением примчался в нашу глушь?

— Согласна… Но чёрт его знает, что он там нароет. С другой стороны, кто-то его должен контролировать? — задумчиво протянула я. — А так, получается, я ему своими руками карт-бланш дала.

— А тебе какое дело до этих «воронов»? — дед заскреб пальцами бороду, и его взгляд превратился в рентгеновские лучи. — Уж не положила ли ты глаз на одного из них?

— Нет, — с чистой совестью выдала я. — А что ты знаешь про «воронов»?

— Да так… По верхам. Старика Бесадзе знал лично, — дед закивал и вскочил, открывая створки своих шкафов. — Хороший мужик был, одним из первых взялся регион поднимать, пока остальные бабло за бугор выкачивали. Одному-то сложно… Вот он и провернул аферу века. Всех кровью, союзами и браками повязал, но отток капитала остановил. Вот и приватизация у нас прошла среди своих, рвачей столичных не пустили, да и пройдохам европейским ничего не отдали. И металл, и ресурсы – все в области осталось. Поговаривали, что методы его были сомнительные… Кого-то силой останавливал, кого-то — хитростью и шантажом. Но итог-то известен.

Дедушка вынул старую, уже пожелтевшую папку с газетными вырезками тех годов.

— «Вороны» — клан закрытый. Но ничто человеческое им не чуждо, поэтому много слухов ходило в те годы. Бесадзе со своими сподвижниками провели гениальную рекламную акцию, как бы сказали сейчас, сотворили картинку, создали ритуалы, обычаи, правила и свой устав, подкрепленный словом и честью. А ещё он обставился бывшими военными, потому что на него лично было три покушения. Мешал он сильно… Но их семья всё вынесла, пусть и с жертвами. И вот уже больше пятидесяти лет в регионе творится вполне управляемый мир, — дед быстро пролистал вырезки и передал эту папку мне. — Потом посмотришь, может, что интересное для себя найдёшь. А сейчас идём, пока Вадим не вытащил нас отсюда силой.

— Идём, — я забрала папку и бросила её в свой рюкзак, куда хотела было отправить и кобуру с телефоном, но гаджет вновь дрогнул. — Алло…

— Кира Вадимовна, это курьер. Я подъехал…

— Как шустро, — прохрипел дедушка. — Кому-то очень нужно было тебя либо порадовать, либо удивить. А не тот ли это здоровяк с видео из клуба?

— Дедуля, тебе не в МИДе надо было работать, а в СК, — я впрыгнула в сланцы и рванула к калитке, за которой меня уже ждал курьер, но я даже лица его не заметила из-за огромного букета.

Парень едва удерживал ворох пионовидных роз. Цветы казались белым, почти серебристым облаком, контрастирующим на фоне серых сумерек. Пробежалась подушечками по лепесткам, затаив дыхание… Откуда он узнал?

Сердце дёрнулось, ударилось о рёбра, но быстро присмирело. К букету прилагался большой конверт из плотного картона, заботливо перетянутый лентой, чтобы сразу выявить малейший след вскрытия. Конспиратор, блин… Что у них, в «воронах», нет сургуча и печати?

«Кира Вадимовна, по просьбе Баринова, передаю вам пригласительные билеты на благотворительный вечер, который состоится завтра. Уверен, это ответит на все ваши вопросы… С уважением, Север А.В.»

По пути к дому я перечитала сухое письмо от Севера, достала два пригласительных, на которых чёрными, максимально мрачными буквами было выбито: «Город без наркотиков».

Смешок вырвался из горла… Как иронично! Они, значит, о безопасной среде беспокоятся, молодежь охраняют, денег на это, судя по всему, не жалеют. А к ним в клуб обыск отправляют? Да я в жизни не поверю, что Баринов и компания проглотят эту оплеуху. Нет… Не поверю я и в то, что этот благотворительный вечер был организован впопыхах, чтобы отвести подозрения.

Прав дед, тут игра какая-то намечается… И я оказалась в центре её воронки.

А вот это уже плохо!

Дед караулил меня у дверей и с подозрением осмотрел букет, правда, не произнёс ни слова. Родные уже шумели на открытой террасе возле мангальной зоны, куда мы с дедом и отправились.

Чёрт, все же нужно чаще выбивать себе выходные. Всё же оказаться в кругу семьи – чистый кайф. Всё просто и понятно. Мама с желанием всех накормить, дядя Вова с бесконечным запасом баек, его шумные дети и ворчание деда – все это и было моим тылом. Моей крепостью, за которой можно было отмыться и отогреться.

— Налетай! — приказал отец, выставив в центр стола блюдо с шашлыком.

Но тут по двору пронёсся залп собачьего лая. Наши верные охранники рванули к воротам, и звук стал ещё громче.

— Я открою, сидите, — вскочила, потому что была ближе всего к двери.

Пробежав по дому, я ткнула в дисплей видеодомофона и остолбенела… Экран был маленький, четкость размывалась в ряби, но я и так уже поняла, кого принесла нелёгкая.

Бежала к калитке, разрываясь от злости. Вопросы клубились, множились, а обида нарастала. Казалось, меня лишили укрытия, рассекретили мое тайное место силы, мою гавань, где можно быть не майором Алфёровой, а просто Кирой.

Толкнула дверь, и из горла все же вырвался рык ярости:

— Какого чёрта, Рома? Какого, мать твою, чёрта?! — я шагнула под фонари, тянущиеся над кирпичным забором.

Ступала босиком по гравию, не чувствовала боли, оттесняя Данилова к его машине. Рома опешил, из его рук чуть не вывалился букет, который явно проигрывал по сравнению с тем, что отправил Север. Во-первых, я ненавидела лилии! Их запах был таким ядреным, что меня накрывало приступом чиха. А во-вторых, я ещё была в рассудке, чтобы забыть о приглашении к семейному ужину. Да и адрес я ему не давала. Это точно…

«Ну, либо ему от тебя что-то нужно…»— вспыхнули в голове слова Севера.

Если тогда они показались абсурдными, то теперь, глядя в его тёмные глаза, я никак не могла понять, что он задумал.

— Кир, ты чего? — Рома хлопнул ресницами и улыбнулся.

Он замер, перестав пятиться к машине. Его удивление и шок были весьма натуральными, не наигранными, словно я пригласила его на праздник, а сама забыла. Казалось, он в шаге от обиды за столь холодный приём.

— Данилов, тебе не кажется, что театр затянулся? Сначала ты остаешься у меня дома, самовольничаешь, посылая моего босса, когда меня вызывают на происшествие, а теперь… — я цедила слова, всматриваясь в его глаза, чтобы не пропустить лжи. — Ты адрес откуда узнал?

— А почему ты не берешь трубку? — Рома навис надо мной, явно перейдя в атаку. — Приехал к тебе домой, чтобы попросить прощения, а тебя нет.

— Данилов, ты головой ударился, что ли? Как можно в попытке извиниться разрушить остатки личных границ? — я встрепенулась, желая проснуться от странного сна. Все это казалось сюром… — Адрес где взял?

— Кира, да что случилось-то? Ну, сюрприз… Или ты шпион, и тебе нельзя выдавать личные данные? А адрес дала соседка, твоя любимая Любовь Григорьевна. Она оказалась на редкость душевной старушкой. Увидела меня с букетом и сказала, что ты, наверное, в Михайловку к родителям уехала, — без запинки выдал Рома, а через миг он скрутил меня и буквально силой вырвал поцелуй, которого не заслужил.

— Как дети малые, ей Богу… — раздалось за спиной. — Мать, ставь ещё стул, к нам гости!

— Добрый вечер, — тут же отреагировал Данилов, буквально вырвав инициативу, чтобы я не успела выкрутиться и отправить его домой.

Он в три шага преодолел парковку, волоча меня за собой. Я прошкрябала пятками по гравию, а когда выскочила на асфальт, Рома уже вовсю здоровался с отцом.

— Роман, — Данилов с пугающей ловкостью обнял меня, успев вложить букет в руки.

Ну а когда на крыльце показались и мама, и дед, то отпираться было уже бессмысленно, потому что это вызовет ещё больше подозрений. Попытка взять себя в руки и не потянуться к откупоренной бутылке шампанского далась непросто… Мне потребовались все силы, чтобы натянуть на лицо улыбку, за которой я прятала досаду от испорченного вечера в кругу семьи.

Я опередила Данилова и сама представила его родным, сообщив, что это мой хороший знакомый. Когда родные отвернулись, я не удержалась и зарядила Данилову букетом по макушке. Если он уж так рвался познакомиться с семьёй, то разве это прилично — приходить с одним букетом? Где джентльменский набор? Где комплименты для дам?

Нет… Это был явный экспромт. Торопливый, грубый и лживый.

— С каких пор знакомые стали без приглашения являться в дом? — проскрипел дедушка, даже не пытаясь скрыть своего раздражения. Он и руку Роме не подал, и за стол не сел, опустившись в свою любимую качалку.

— Мне не рады? — шёпотом спросил Данилов, когда родители засуетились в поисках ещё одного кресла.

— Нет, Данилов. Нет… — я подарила ему самую честную, открытую и лучезарную улыбку. — И я, кстати тоже. И не думай, что я начну лебезить, лишь бы не тронуть твою тонкую натуру. Испортил ужин? Получай мою недовольную мину. Заслужил!

Вечер прошёл странно… Семья у меня была обычная: мама — учитель, отец — кардиолог, дядька работал шофёром, а его жена вела бухгалтерию на заводе. И ни от кого не укрылись признаки благосостояния Данилова. Дядька пялился на тяжелый золотой браслет часов, мама с отцом не без осуждения посматривали на кричащие брендами шмотки. Дедуля фыркал каждый раз, когда Рома пытался рассыпать запоздалые комплименты… Но фурор произвели

мои племянники, они так звонко ржали, когда Данилов пилил ножом куски шашлыка, а после отщипывал от горячего лаваша кусочки и закидывал их в рот.

Мы все были в напряжении, не понимая, о чем говорить. И вскоре вывели самый оптимальный способ заткнуть тишину – начали заваливать вопросами Данилова. И о параллельном импорте автомобилей, и о тяжести ведения бизнеса, и о контрафактных запчастях, которых стало слишком много. Говорили даже о политике…

Он улыбался, грелся в лучах внимания, не понимая, что его не приняли… Семья сжалась, как встревоженный ёжик, оградившийся иголками, чтобы не впустить чужака в обычную среду.

— Это что за мачо? — дед ткнул меня в бок, когда я вызвалась помочь маме убрать со стола. — Хахель? Или…

— Дед, — перебила я его, махнув на ребятню, устроившуюся у телевизора.

— Кира, а че он напомаженный-то такой? — дед закурил, отмахнувшись от строгого взгляда мамы. — Весь в цацках, в фирмах… А на лбу чего татуировку не набил? «Дрочер и габанна», например?

— Папа! — мама закатила глаза, но я-то видела, как она давится хохотом, а значит, по сути предъявленных обвинений была полностью согласна.

— А сейчас куда ни плюнь – барбершопы и реклама гелей для мужской укладки, — прыснула смехом я. — Вырождаются нормальные мужики.

— А чего это он пьет, раз за рулём приехал? — снова хмыкнул дедушка, указывая на окно в кухне, откуда просматривался желтый спорткар Данилова.

— Ну, ничего страшного, — заохала мама. — Я предложила остаться с ночевкой, Роман согласился. Ну не ехать же в город среди ночи?

Мама делала сто лишних движений, дергалась, глупо улыбалась, словно уже и сама жалела о предложении, на которое даже желанные гости обычно отвечают вежливым отказом. А уж непрошенные и подавно. Но Данилов, сука, согласился!

— Ну и постели ему у Джека в будке, у того тоже бренд набит. Правда, это клеймо заводчика, но хоть что-то общее, элитное, — крякнул дед и сплюнул, даже не смутившись, когда Рома бросил на нас быстрый взгляд. — Ладно, я к себе пойду. Чёрт знает… Вдруг его эта напомаженность заразная?

Дедушка зашаркал к своему кабинету, а я привалилась к двери на террасу и как-то иначе посмотрела на Данилова. Нет, я его ни в коем случае не сравнивала с Севером или ещё с кем… Но в его появлении было нечто пугающее и лживое.

Сидит такой спокойный, важный… А ведь не может не видеть, что это внезапное знакомство пришлось некстати. И неловкость не может не чувствовать, и напряжение.

— Кира, это твой мужчина? — мама с определениями была более тактична, чем дед, но сути этого не меняло. — Ну что ты так на него смотришь? Подавится же…

— А как он тебе, мам? — я нарочно отошла в сторону, чтобы не мешать ей рассматривать Данилова. — Годный мужик?

— Ну, смотря что считать годностью, дочь…

Говорить мама могла что угодно, но на все мои вопросы ответила её реакция. Ей потребовалась пара секунд, чтобы смерить его быстрым взглядом и вернуться к грязным тарелкам. И вывод был очевидным…

— Состоятельный, это видно невооруженным взглядом. Но если я правильно воспитала свою дочь, и если я хоть немного тебя знаю, то деньги никогда не являлись аргументом для тебя, — тихо зашептала мама.

— Что ещё? — не унималась я, буквально прожигая затылок Данилова.

— Но всерьез настроенный мужчина никогда не поставит свою женщину в неловкое положение, — выдохнула мама и начала полировать бокалы белым полотенцем. — А то, что ты была ему не рада, увидели даже мальчишки. Кира, а что происходит?

— Самой интересно, — прошептала я и достала из заднего кармана телефон. — Мам, подыграй мне. Данилов, ты едешь? Меня в отдел вызывают.

— Кира! Это некрасиво! — зашипела мама, покрываясь красными пятнами стыда. Что-что, а врать мама никогда не умела, в отличие от меня.

— Некрасиво портить мне единственный выходной за месяц. А ещё некрасиво лгать… И кто дал ему мой адрес?

— Так это не ты? — с мамы слетел стыд, испарились и пятна, да и взгляд её стал подозрительным.

— Нет, мамуль… Сама знаешь, я никогда вас с проходными мужиками не знакомила. А этот сам припёрся… Ещё и вонючки эти притащил.

— Да выкинула я их уже…

Я придушила свою злость, чтобы не тревожить родных, и начала собираться. Забежала к деду, поцеловала седого упрямца, отказавшегося провожать меня. Носилась по дому, не смотря в глаза Данилову. Казалось, если посмотрю — сломаю ему нос прямо тут!

— Какой красивый букет, — Рома перехватил меня за запястье, тормозя у небольшого буфета, на котором теперь красовались подаренные не им цветы. — У мамы какой-то праздник?

— Ага, — кивнула я, твёрдо глядя ему в глаза. — День пьяных гостей.

— Кир, а что происходит? — Рома склонил голову и прищурился, а мне на миг показалось, что не так уж он и пьян, как хочет казаться. — У тебя кто-то появился?

— Да… — кивнула я и вырвала свою руку из его цепких пальцев, в которых не оказалось ни капли аккуратности. Он словно нарочно делал больно, но я стерпела. — У меня, кажется, появился сталкер…

Я вышла из укрытия и продолжила свой бег по дому. Забрала приготовленный контейнер с клубничкой, чтобы порадовать сына Инги, забросила на спину свой рюкзак и зашла в гараж.

— Кира, в пятницу я тебя жду на приём, — ласково потрепал меня папа и поцеловал в макушку. — И только попробуй не явиться.

— Доставлю в лучшем виде! — пьяно хохотнул Данилов, и на этот выпад сморщился даже до зубного скрежета тактичный отец.

— Сначала я тебя доставлю в лучшем виде, — толкнула Рому на пассажирское сиденье своей машины, но, прежде чем закрыть дверь, зашипела: — Звони своим парням, и чтобы через час твоей тачки у дома не было. Ясно?

— Аккуратно, дочь! — крикнула напоследок мама. — Как приедешь – напиши!

Мы распрощались с семьёй, и я, заведя двигатель, выехала из гаража, мысленно прощаясь и с вишнёвой настоечкой, до которой так и не дошло дело, и с ночным разговором с мамой на ступеньках террасы.

Я сходу рванула к трассе. Не включала радио, лишь открыла окно, надеясь, что поток ещё жаркого воздуха хоть немного выветрит мою дурь. Но нет, не помогало. Волосы хлестали по лицу, ветер свистел в ушах, глаза слезились, но злость не проходила.

Молчал и Данилов. Он был на удивление спокоен. Сидел, вальяжно откинувшись на спинку кресла, монотонно курил одну за другой, и лишь иногда я чувствовала его взгляд на своём виске.

До таунхаусов в самом центре мы добрались довольно быстро. Я остановилась у центральных ворот и даже не заглушила двигатель:

— Доставлен, — голос прозвучал сухо, жестко, а сама я отвернулась, лишь бы не видеть его реакции.

— Кира, я что-то не то сделал? — обиженно протянул Рома, но до его обиды мне теперь не было никакого дела. — Поехали, я тебе дом покажу. В джакузи поваляемся…

— Ты с чего решил, что имеешь право руководить моей жизнью, Данилов? — усмехнулась я. — Два секса в неделю не даёт тебе статуса мужа, очнись! Но ты решил иначе… Сначала возомнил, что можешь отвечать на звонки моего телефона, а когда я промолчала, ты счёл это за согласие с предложенными тобой обстоятельствами? Нет, Рома… Я ненавижу насилие. А то, что ты делаешь, очень на это похоже.

— Кир, ты утрируешь, — рассмеялся он и попытался протянуть руку, но я перехватила её.

Сама мысль о его прикосновении вдруг стала противной… А дальше я отдалась инстинктам. Дернула Данилова вперед, завела руку за спину, с контролируемой силой выкрутив сустав, чтобы не смог шевелиться, а после наклонилась прямо к лицу.

Данилов зашипел от боли, но продолжил глупо улыбаться. То ли нарочно выводя меня из себя, то ли пытаясь скрыть физическое бессилие. Но ни то, ни другое не красило его.

— Слушай, Ромик… — зашептала я, всматриваясь в его глаза.

Чёрные, пьяные… А может, это игра?

— Тебе что от меня нужно? А?

— А я привык добиваться всего, чего хочу… А сейчас я хочу тебя. И если мне нужно будет силой тебя привязать к себе, поверь, Кира, я это сделаю! — зашипел он, когда я выкрутила его кисть, чтобы усилить впечатление.

— Вот как? — я рассмеялась, надеясь на ответную реакцию, но Данилов был серьёзен.

— Ты, Алфёрова, станешь моей женой, даже если сейчас не готова смириться с этим! Эти твои свобода, бесстрашие и отвага – не женское дело. Я всё гадал, что же это за семья такая, воспитавшая Киру?

— И что? Посмотрел? — проскрипела я, желая, чтобы он выронил хоть одно неверное слово, чтобы сломать ему нос.

— Ага… Нормальная семья. И дом уютный, и мама великолепно готовит, — Рома собрал силы в кулак и попытался вырваться из захвата, но я не позволила. — Значит, и ты так сможешь.

— Смогу, конечно, — я рассмеялась и резко разжала руку, а тот по инерции отлетел к дверце. — Смогу, Ром, честное слово! Но не с тобой… А теперь выходи и больше не тревожь меня ни звонками, ни визитами. И помни, Данилов, я – не вещь… Меня нельзя захотеть, как новую бибику, и просто вывалить кучу бабла.

— Хорошо, — Данилов со стоном вытянул руку, начал растирать посиневшее запястье, затем потянулся к ручке, но остановился: — Тогда, пожалуй, я поговорю с твоими родителями. Может, хоть они смогут на тебя повлиять? Мама у тебя, кажется, в колледже преподает? А отец трудится в областной больнице?

— Это что, угроза? Тебе сорокет, а ты мне угрожаешь, что родителям пожалуешься? — я подавила смешок. Смотрела на него и глазам своим не верила… — Или, может, ты меня шантажируешь? Либо с тобой, либо мои родители потеряют работу?

— А я способен на всё, чтобы получить то, чего хочу! — и вот тут он сломался… Его пьяное спокойствие было разбито о холодную ярость, которую он не смог сдержать. Не контролировал он больше и свои глаза, в которых вспыхнуло злое, опасное пламя.

— Боже, вот это любовь, Данилов. Как жаль, что я мужские сопли на дух не переваривaю, — я игриво подмигнула, не выдав этому подонку ни единой эмоции. — Давай, топай… Спать пора. Только в джакузи не утони.

Данилов стиснул зубы и выскочил из машины, не забыв истерично бахнуть на прощание дверью.

Чёрт подери, Алфёрова, я тебя поздравляю… Кажется, ты совершенно не разбираешься в мужиках.

Глава 12

— Кира, я уже и забыла, когда видела тебя в платье в последний раз! — пищала Инга, всматриваясь в экран планшета. — Эх, жаль, что меня отправили в командировку. До чёртиков интересно, что это за раут такой, на который тебе прислали приглашение?

— Имперова, я тебя умоляю, — мой шепот был еле слышным, казалось, если сейчас чуть повышу голос, то разлечусь на миллион осколков.

А ведь всё началось так невинно. Ну, сошёл с ума Морозов, ну, надавил губернатор… Так это старый танец. То один другого нагибает, устраивая выволочку, то местами меняются. А в центре всегда мы — рядовые сотрудники, так… муравьи под ногами. Сидеть, стоять, сторожить… Фас!

Я правда думала, что на этот раз пронесло. И ведь я даже извинилась! Лично примчалась отмаливать грехи нашего ведомства… А итог?

А в итоге утром, на парковке у управления, меня перехватил Морозов с портпледом наперевес и весело сообщил, что сегодня именно он будет сопровождать меня на вечер, устраиваемый «воронами».

Я так и стояла с открытым ртом, пока мой начальник, с сияющей пуще начищенного самовара мордой, докладывал, что знает о переданных мне пригласительных, и что уже отменил вечернее совещание, чтобы обернуться кавалером для сопровождения майора Алфёровой. Нет, я, конечно, заметила и суетливость движений, и шальной блеск в глазах, за которым прятались то ли стыд, то ли паника, но сочла это за дурную шутку, не более. Спокойно выслушала бредни старика и отправилась работать.

День был тяжелый, рутины было так много, что я почти не выходила из кабинета, пока меня не вызвали в отдел по борьбе с наркотиками, где я и встретила Орлова.

— С Морозова погоны срывают, — не скрывая ужаса, прошептал Тёма.

Произнося это, он не шевелил губами, старался не смотреть в глаза, а внутреннее напряжение выдавали крупная дрожь и красные пятна, утекающие под рубашку. Он нетерпеливо стучал по кофейному аппарату и тяжело дышал.

— Вся управа на ушах стоит! Говорят, Баринов лютует… Хотя такой реакции все ожидали от Бесадзе или Гордеева.

— Орлов, хватит трепаться! Сколько раз с него погоны срывали? — я закатила глаза, быстро вспомнив все залёты нашего отдела. — И чем все заканчивалось?

— Кир, да все управы на ушах стоят. Никто не ожидал от спокойного Баринова этой жажды крови и жертв! Ну ладно, Бесадзе или резкий Гордеев… Но Баринов! — Тёма чуть не захлебнулся удивлением и, чтобы не брякнуть ничего лишнего, щелкнул зубами, останавливая исповедь.

Я на миг припомнила плечистого брюнета с коротким ёжиком волос, вспомнила и его тяжелый взгляд, и чуть сведенные брови на переносице. Интересно… Это он за срыв открытия так беспокоится или за подозрения по поводу Тимирязева так негодует?

— Кира, не сопи… Всё очень серьёзно. Анучин с Лапиным с самого утра отправились в отдел собственной безопасности и до сих пор не возвращались, — добил меня Орлов, и в его голосе я снова не уловила ни намёка на шутку.

— Чего? — я ахнула, картонный стаканчик дрогнул, чуть не выплеснув ванильный суррогат мне на руку. — Ты уверен? Я утром видела Морозова, он улыбался и костюмом размахивал. Стоп… А я? Меня почему никто не дергает?

Меня прошибло сначала жаром, потом ощущения сменились на смертельный холод, пронизывающий до костей. Да так резко, что аж волосы приподнялись, пропуская явное дыхание… Севера.

— А к тебе, судя по слухам, претензий нет, — Орлов хитро прищурился, царапнул меня пристальным взглядом прожжённого мента и хмыкнул. — Пронесло, Алфёрова. Ну, или кто словечко замолвил… Говорят, ты на поклон домой к Северу ездила?

— Орлов, у меня есть теория, — я припала спиной к стене, чтобы Тёма отчетливо видел моё лицо. — Мужики хуже баб! Сплетники, трепачи и прачки грязного белья. Если я и ездила извиняться, то жертвой унижения стала моя гордость, а не твоя или причастных к этому идиотскому обыску. И отмазывала я не только себя, но и весь комитет!

— Да всё, Кира, всё… Я пошутил, — Орлов продолжал гаденько улыбаться и отводить глаза.

— Обожаю ментовской юмор, — звонко расхохоталась я, не обращая внимания на любопытные взгляды проходящих мимо. — Интересно, как быстро наша кладовщица разнесет по коридорам мой любимый анекдот про то, как один опер сотрудницу архива…

— Замолчи! — шикнул Орлов, и тут от его веселья не осталось и следа. Он, бедняжка, аж побледнел от ужаса.

— Это ты, Орлов, замолчи, — я подхватила его ворот, сжала, перетянув горло. — Я тебе не малолетка из архива, на мне колкости отрабатывать бессмысленно. Ясно? Ты что мне в упрёк ставишь? Мои извинения? Мои попытки замять провал начальства?

— Чокнулась, что ли? — Тёма отпрянул, но руку мою не сбросил, чтобы не привлекать внимания. — Да понял я, понял!

Я вылетела из отделения и рванула в комитет, чтобы узнать у Морозова подробности. Столкнулись мы со стариком на крыльце, где мною и был получен приказ отчаливать домой и готовиться к вечеру в честь ежегодного приёма фонда «Город без наркотиков».

И вот теперь я стою среди гор шмотья, с некоторых экземпляров которого не были сорваны даже бирки! Чёрт, а ведь я даже не помню, как эта радужная пестрота появилась в моём гардеробе? Хотя… Кому я вру? На пике овуляции меня частенько заносило в магазины, где я непременно покупала нечто красивое и женственное, а когда буйство гормонов стихало, это нечто пряталось на дне комода и благополучно забывалось.

— Может, ты вернёшься? — я упала на пол, лениво перебирая платья. — Ты же знаешь, как я всё это ненавижу!

— Стоп-кран поезда дёрнуть? — расхохоталась разрумянившаяся Инга и повернула экран к окну купе, за которым стремительно мелькала тайга. — Нет, Алфёрова. А ты знаешь, я даже рада! Пусть посмотрят, что и в СК трудятся шикарные женщины. Ты же баба русская, настоящая… И про коня, и про избу, и про мужика в рогалик. Вот твой Данилов уже битый час тебе названивает, а ты не подходишь. Что случилось?

— Угрозы, шантаж и принуждение, — выдавила я нехотя.

За поиском годного варианта вечернего обмундирования я рассказала подруге и про сорванный семейный вечер, и про наш разговор в машине. А когда я закончила, Инга замерла с открытым ртом.

— Вот тебе и тихушник-толстосум, — Имперова ахнула и начала нервно тарабанить по столику, что аж металлический подстаканник злостно зазвенел. — Вон то, черное… Помнишь, мы с тобой это платье в Турции купили? Закрытое, строгое, да и достоинства все подчеркнёт.

— Да, и правда, — я вытянула коктейльное платье, которое отвечало всем требованиям. Длина ниже колена, закрытые руки, вот только декольте, кажется, у него совсем нескромное.

— Кира, — аккуратно начала Инга. — А что твоему Данилову может быть от тебя нужно? Вспомни… Он просил тебя разобраться с какими-то делами? Или помочь другу, брату, свату?

— Нет, — я мотнула головой и начала раздеваться, чтобы примерить наряд, мысленно молясь, чтобы он не подошёл. — Ты же знаешь, что я в эти игры не играю. Мы встречались два раза в неделю и с вполне конкретной целью. Никаких ресторанов, вылазок с друзьями,

романтических просмотров фильмов и душевной болтовни, как в романах. Меня устраивало, что в мою жизнь не лезут, и отвечала взаимностью. Инга, мы три года спим вместе…

— Тогда что изменилось сейчас? — протянула Инга. — Так не бывает… Ну, из хорошего дядьки в плохиша не превращаются за один день! Кира, ты должна подумать!

— Знаю, — выдохнула я и крутанулась у зеркала.

Искала хотя бы малейший изъян в своём отражении, но как бы мне не хотелось придраться, платье село как влитое! Длинные рукава, точеная линия талии и чуть зауженная юбка, чтобы подчеркнуть красоту натренированных бёдер. И даже широкий квадратный вырез не выглядел пошло или неуместно.

— Никаких украшений, — приказала Инга. — Чистую красоту не нужно портить, Кира! И волосы не смей закалывать! Твоя платина так круто контрастирует с насыщенным черным. Поздравляю, майор Алфёрова, вы готовы… Ты только про туфли не забудь, а то по привычке впрыгнешь в свои берцы!

— Точно, — я закатила глаза и бросилась в кладовку.

Отыскать туфли среди многообразия удобных ботинок и кроссовок было настоящим квестом. Но я справилась… Классические лодочки, кстати, единственная пара, в которой я способна была на только стоять, но и вполне изящно передвигаться, нашлись на верхней полке. Благо не рассохлись и выглядели даже более чем прилично.

— Следи, чтобы Морозов в сиськи тебе носом не утыкался, — снова захихикала подруга. — Полковник у нас немолод, да и сердечко больное. Он хоть и болван, но дядька добрый… Ты же поэтому к Северу отправилась? Пожалела старикашку?

— Ты из своих-то сисек зенки Кравцова не забыла вынуть? Или отправилась с ними в командировку? — вернула я Инге подкол, а та вмиг присмирела.

Если не сказать больше!

Несмотря на то, что моя подруга была рыженькой, её обошёл свойственный этому цветотипу румянец. Она никогда не смущалась, а когда злилась, то скорее бледнела, отчего её зеленые глаза становились ярче ведьминского амулета.

Но сейчас… Имперова зарделась, как красная звезда на пилотке солдата.

— Инга, ты что, запала? — охнула я и присела в кресло. — Нет-нет! Только не это! Знаю я этот шальной блеск и нервное покусывание губ! Имперова, ты что, клюнула на Кравцова?

Но ответить подруга не успела, так как в дверь требовательно позвонили. Трель неслась без перерыва, да так нагло, что я опешила…

Бросила планшет, по которому мы трепались с подругой, на комод в прихожей и открыла дверь. Мне в лицо тут же прилетел огромный букет белых роз, а следом что-то грохнуло. Данилов пал на колени и стал вползать в квартиру, оттесняя меня к стенке.

— Данилов, ты что устроил опять? — заорала я.

От возмущения во мне что-то рвануло… Я схватила Рому за руку и встряхнула, ставя на ноги, а пока он не собрался, вытолкнула на лестничную площадку, за порог.

— Кира, ну прости меня! — Данилов начал мягко, но по мере того, как его взгляд с жадностью голодного питбуля скользил и по открытому декольте, и по ногам в лодочках, голос его становился всё ниже и ниже, приобретая шероховатость возбуждения.

— Прощают, Рома, в школе… За испорченный ранец и обрезанную косичку, — я уперлась бедром в дверной косяк, явно дав понять, что дальше он не пройдёт. — А ты, Данилов, просто вывалил на меня своё дерьмо. А сейчас примчался в надежде, что я уже переварила, остыла и сжалилась…

— Не сжалилась? — процедил он и сделал шаг навстречу.

Рома уже тянул ко мне свои руки, но я тут же ударила по ним цветочным веником, причем вывернула так, чтобы царапнуть шипами, а не пахучими бутонами.

— Я, кажется, сказала, что наше с тобой общение завершено? — отвлеклась, когда дверь подъезда хлопнула. Вскоре на площадке показалась моя соседка, милейшая старушка в традиционной шляпке.

— Кира, давай не будем устраивать цирк? — зашипел Рома и снова попытался втолкнуть меня в квартиру, но я уперлась.

— Любовь Григорьевна, добрый вечер, — заулыбалась я. — Подскажите, а вы что-нибудь слышали о законе о персональных данных?

— Привет, Кирочка, — женщина поставила корзинку с овощами со своего огорода, устало стерла тыльной стороной ладони испарину со лба и обернулась, внимательно осматривая нашу пару. — Нет, а что такое?

— Не говорила она твой адрес… Не говорила, — зашипел Данилов мне на ухо и снова попытался ворваться в квартиру. Его затрясло, движения стали быстрые, напористые, лишь бы я прекратила допрос соседки. — Сам узнал адрес родителей!

— В управлении поручили проработать с соседями опасную обстановку, — я заговорила рвано, даже немного сухо, чтобы старушка усвоила. — Во-первых, сотрудники правоохранительных органов не связываются с гражданами по телефону. ФСБ не просит поучаствовать в спецоперациях. И посторонним коды из сообщений передавать запрещено! И даже если вам позвонит сам президент и попросит спасти нашу Родину, нужно положить трубку и мчаться сразу ко мне. Ясно?

— Ясно, — старушка нахмурилась, но от её растерянности не осталось и следа, когда она вскользь прошлась по моему совсем нетипичному прикиду. — Боже, Кирочка, ты шикарно выглядишь!

— Спасибо, Любовь Григорьевна. И ещё одно уточнение… — я уже ухватилась за дверную ручку, вцепилась в неё до побелевших костяшек, уговаривая не размозжить башку Данилову. — Напоминаю, что передавать адреса и телефоны посторонним людям тоже запрещено! Как бы мил и дружелюбен не был интересующийся, мотивы ублюдков неведомы нормальным людям. Мы поняли друг друга?

— Ну что ты со мной как с маразматичкой? — обиделась соседка и отвернулась, бряцая ключами. — Весь дом знает, что в случае беды нужно бежать к Алфёровой.

— Спасибо, Любовь Григорьевна, за гражданскую позицию и ответственный подход! Родина будет вами гордиться, — рявкнула я уже в спину соседке, а затем перевела взгляд на взбешенного Данилова.

Рома-Рома… Что тебе нужно?

Я склонила голову к одному плечу, потом к другому. Но под каким бы углом я не посмотрела на этого засранца, очевидным было одно – злость его душит, вот только вида он старательно не подает.

— А теперь слушай меня, Данилов… Мне все равно, где ты взял адрес. Мне уже все равно, для чего ты устроил это представление. И меня не трогает вид мужика на коленях. У меня к тебе больше нет вопросов, но есть просьба… Свали с моего горизонта, а? Найди себе бабу нормальную, пусть она уже расслабится в твоём джакузи, а мне это неинтересно!

— Значит, мужик появился, — сухо протянул Рома и снова прошелся по мне своим темным взглядом. — Да? Попользовалась и в отставку, как отслужившего генерала?

— Попользовалась? — я усмехнулась и вытащила из шкафа приготовленный пакет, где лежали все его подарки, которые я даже не распаковала. — Вот, тут все твои подарки. Не знаю, что там, возможно что-то испортилось… Я не смотрела. Ты, сука, родителей моих тронул! И не думай, что твои липкие намёки я пропустила мимо ушей. Нет… А теперь забирай и уходи.

Я захлопнула дверь прямо перед его носом. Хватит с меня этих игр! Припала спиной к полотну, восстановила дыхание, выталкивая напряжение, сковавшее внутри.

Ну, глупость какая-то… Что ему от меня может быть нужно? Он – богатый ферзь, я – следователь. Никаких схем, просьб или обещаний нас не связывает. В любви никто никому не клялся, уговоров о встрече в ЗАГСе не было.

— Тогда что? — выдохнула я зудящий угольком вопрос.

Я — не трофей… Есть женщины, которых добиваются во имя чего-то! Статуса, престижа, выгоды – неважно. Ради них развязывают войны, совершают подвиги, добиваются успеха.

А я? Про меня скорее можно сказать – «женщина вопреки»… И жить со мной сможет тот, кто и полюбит за недостатки, потому что их куда больше, чем достоинств. И о таких чокнутых не мечтают, и уж тем более не добиваются с упрямством барана.

Я и стабильность – вещи противоположные. За последние три года я ни разу не была в отпуске, питаюсь подножным кормом, часто не ночую дома, да в работу свою влюблена больше, чем следует.

Единственное, что во мне закрепилось от матери – потребность в чистоте. Я чистюля до зубовного скрежета, и порой это выглядит как одержимость, ставшая ещё одним недостатком. Ну, кому нужна жена, готовая убить за грязную тарелку в раковине или разбросанные носки?

Красота? Возможно, но не до срыва башни и кровавого марева ревности в глазах. Я – обычная женщина с совершенно неженской профессией. Так что, если Данилов решил отыграть передо мной одуряющую влюбленность и страх расставания, то я не верю.

Нет, Данилов… Тут что-то другое. Меня ты не обманешь. И было бы куда лучше, скажи ты мне правду сам. А теперь, добро пожаловать на охоту…

— Кира, не нравится мне его рвение, — протянула подруга, ставшая невольным слушателем этой радиопостановки.

— И мне… Ладно, Гусик, я побегу собираться, пока Морозов не организовал мне конвой к месту проведения раута, — я подняла планшет и помахала подруге, не желая развивать эту тему.

Если опоздаю, то снова поцапаюсь с Морозовым, и уж тогда он точно с меня глаз не спустит. А у меня план простой… Прийти, засветиться и тихо улизнуть до того, как ноги покроются мозолями от туфель.

— Ты завтра к бабушке забеги, ладно? Санечка мой вечно нервы треплет по утрам, лишь бы в садик не идти. А бабуле уже сложно с ним справляться, — вздохнула подруга. — И построже с ним, хорошо? Ты знаешь, я сопель не развожу…

— Воспитала солдата, — рассмеялась я и, выдав клятвенное обещание доставить её сыночка в детский сад, отключилась.

Собралась я быстро, а когда вышла из дома, то обнаружила на капоте своей машины хилый и уже завядший на жаре букет многострадальных роз. А подойдя ближе, заметила тот самый пакет с подарками, правда, часть из них уже была вскрыта, то ли Данилов решил убедиться, что я и правда ничего не взяла, то ли детвора успела полюбопытствовать.

— Лёнька! — крикнула я дворовому хулигану, который старался обходить меня стороной. Шумная компания пряталась за кустами сирени возле старого футбольного поля. — Иди сюда…

— Тётя Кира, — охнула он и понуро побрел в мою сторону, пробираясь через заросли, нервно дергая футбольный мяч. — Мы ничего не делали… И каморку дворника вскрыли не мы!

— Этим пусть участковый занимается, — отмахнулась я и собрала с капота растрепанный веник. — Вот этот букет и пакет отнеси Любови Григорьевне, моей соседке.

— Но дядька сказал, что это ваше, — Лёнька нахмурился и дернул ногой, очерчивая на песке дугу.

— У этого дядьки плохо с головой. Контуженный он… Чужое своим считает, а своё – чужим. Давай, Лёнька, тащи… Но если я узнаю, что вы опять дворнику пакостите – выпорю!

— А разве сотрудникам можно применять силу? — расхохотался пацан, когда уже отошел от меня на безопасное состояние.

— А я постановление выпишу, — тихо прошептала я, усаживаясь в машину. — И подпишу его сама. Одним залётом больше, одним меньше…

Благотворительный вечер проходил в одном из центральных отелей. Движение у здания было черепашьим, стоянки переполнены.

— Кира Вадимовна! — махнул жезлом сотрудник ДПС и указал на переулок, где уже нервно расхаживал Морозов. — Можете оставить машину там, мы присмотрим, всё равно до ночи тут будем патрулировать.

Я не стала спорить, сделала вид, что не заметила запрещающего знака, и припарковалась возле седана Морозова. Фёдор Лукич то и дело теребил галстук, то расслабляя узел, то затягивая его удавкой, а увидев меня, выдохнул с облегчением.

Сдал полкан… Сдал. А ведь раньше его боялись, а теперь держится на старом уважении. Но, думается мне, и этот ресурс не бездонный. Всему приходит конец…

— Кира, слава богу! — возликовал старик и бросился ко мне. — Вот это да… А я боялся, что ты в лучшем случае в форме явишься.

— Был такой соблазн… — я вытянула клатч, забросила туда телефон, помаду и документы, а затем закрыла машину. — Но нам же нужно, чтобы о вашем косяке все забыли?

— Кира, я был неправ! — зашипел Морозов, догоняя меня. — Я уже покаялся, но спешу напомнить о соблюдении субординации, майор Алфёрова. Рассыпаться в извинениях, знаешь ли, утомляет… Дорастешь до полковника, тогда и показывай свой характер!

— Не дорасту… Да нет, вы все правильно сделали. Мне давно нужно было напомнить, что не все распоряжения можно принимать за истину. Но и вы запомните, что в следующий раз без вашей подписи я задницы с кресла не оторву!

Холл отеля встретил нас прохладой и густым цветочным ароматом. Нас проводили в уже переполненный конференцзал. Пространство было светлым, красивым. Повсюду сновали официанты с шампанским, гости вальяжно расхаживали вдоль стендов, топтались у фуршетных столов и хрустальных горок с алкоголем. Воздух гудел от тихих голосов и заунывного писка живой музыки. Скрипка так старалась, что хотелось поморщиться и заткнуть уши.

В центре зала была установлена сцена, фоном которой служили чёрно-белые фото подростков. Сердце мгновенно сжалось от ужаса и боли… Молодые пацаны, девчонки с уже потухшими обозленными взглядами. В них не осталось ни капли детства, ни капли надежды на светлое будущее, потому что вся их жизнь теперь принадлежала наркотикам.

Глупые… Боже! Какие они глупые…

Мне порой хотелось стать волшебницей и вычистить планету от этих дряни! Чтобы этот мнимый кайф не губил молодое поколение! Здоровые, молодые, сильные… А через полгода серые, больные и сломленные. Слишком высокая плата за то, чтобы казаться крутым в поганой компании.

— Дамы и господа… Рад приветствовать вас на очередном вечере фонда «Город без наркотиков»!

Я так погрузилась в фотографии, что не сразу заметила оживление на сцене. В центре стоял красивый статный блондин, длинные волосы были туго стянуты на затылке, а в выбритых висках просматривался тонкий узор татуировки.

Я развернулась, с интересом рассматривая красавчика. Вид у него был довольно брутальный, если не сказать, дерзкий. Оттого и костюм на нём смотрелся так необычно.

Ларсанов Глеб Александрович… Я читала про него в вырезках, которые передал мне дед. Он был племянником старика Бесадзе. Ларсанов был каким-то бедовым для наследника

«Воронов». Если другие были хирургами, банкирами и игроками на рынке ценных бумаг, то Ларсанов был известен дебошами, за что и поплатился… В одной из драк чуть не убил человека. После освобождения надолго исчез с радаров, а появился в городе лишь в прошлом году.

Я слушала пылкую речь, а сама вновь рассматривала фотографии детей, ставших жертвами дурной игры. Ларсанов объявил об открытии ещё двух центров помощи подросткам, призвал к обоюдной ответственности за подрастающее поколении… Речь его была короткой, без лишней «воды» и просьб раскошелиться.

Я осмотрелась, заметив, что Морозов перестал меня «пасти» и уже присоседился к кучке пузанов, в центре которой красовался наш новый губернатор.

Вот и прелестно! Я тут же прижалась к стенке, намереваясь тихонько улизнуть, но не успела сделать и пары шагов, как затылок вспыхнул…

Это ощущение было знакомо… Чей-то пристальный взгляд буквально прожигал во мне дыру. Въедливый, резкий, проникающий в самое нутро… Обернулась, пытаясь определить источник опасности, но толпа кишела, и сделать это было не так-то просто. После официальной части гости перестали говорить шёпотом, все активнее налегали на шампанское, и я была готова поспорить, что через полчаса все уже забудут, по какому поводу их тут собрали. Благотворители, блин…

— Кира Вадимовна, — горячий выдох коснулся затылка, и я крутанулась на каблуках, едва не потеряв равновесие.

Север… Я буквально разбилась о холод его хищного взгляда. Его мягкая улыбка лишь усугубляла весь его резкий, даже грубый образ. Меня обдало прохладой с примесью уже знакомого аромата. Закрыла глаза всего на миг… Мята, горечь шоколада, табак… Купаж был таким терпким, насыщенным, дурманящим.

И я снова покачнулась, но Андрей галантно поддержал меня за локоток. Касание было недолгим… в рамках допустимого, и ни секундой дольше.

— Вы обворожительны, — Север едва склонил голову, словно отвешивая мне поклон, при этом он не разорвал зрительного контакта.

Смотрел прямо, открыто… И, чёрт подери, говорил он чистую правду!

В его глазах полыхало все, что угодно… Там были и интерес, и удивление, и восторг… Но не было там попытки ослепить пылью лжи и пустых комплиментов.

— А вы опять говорите правду, — я неожиданно рассмеялась, да так легко, свободно, будто мы с ним знакомы не один десяток лет.

— Да, Кира Вадимовна. Я всегда говорю правду, — Андрей чуть подался назад, при этом вновь сжал моё запястье, утягивая меня за собой.

И я поддалась…

Вот ругала себя, костерила, даже стыдила! Но все равно не сопротивлялась, потому что этот мужчина мог транслировать все что угодно, кроме угрозы. Но и на пушистого кролика он совершенно не походил. Уж очень хитрый у него взгляд. Да и движения четкие, уверенные и спокойные.

Север оттянул меня в довольно укромную нишу, откуда прекрасно просматривался весь зал, но нас из-за раскидистых деревьев видно не было. Мы замерли у широких мраморных колонн, прямо напротив друг друга. Расстояние вытянутой руки – это все, что разделяло нас. Достаточно, чтобы ощутить тепло и вихри мощной ауры, но недостаточно, чтобы коснуться.

Север кивнул на пробегающего мимо официанта, без слов предлагая мне бокал шампанского, но я отмахнулась.

— Ну и? Андрей Витальевич, вы сформулировали своё предложение?

— Всю ночь ворочался, Кира Вадимовна. Кстати, вам не стыдно? Лишили меня сна, — Андрей подал какой-то знак, и через мгновение к нам снова подбежал официант, вот только

на подносе его стояли две чашки кофе. — Впрочем, это врожденная функция женщин – становиться для мужчины навязчивым видением.

Пока он забирал с подноса чашки, я успела рассмотреть его лицо. Следы драки до сих пор были видны, но отек с носа уже спал, возвращая резкость черт.

— Как жаль, что женщины не научились сводить с ума, — я рассмеялась и сделала глоток кофе. — Хотя какого мужчину ни возьми, каждый хоть раз да был сведен с ума.

— И где же тут ложь?

Север вёл себя расслабленно, а если и отводил взгляд, то делал это быстро, просто сканировал пространство на предмет порядка и безопасности своих работодателей. Ларсанов с супругой степенно обходили собравшихся, и Андрей внимательно отслеживал их маршрут.

— А то, что мужчины начинают сходить с ума с детского сада. И как доживают-то до взрослого возраста? Уму непостижимо, — я позволила себе смешок и отвернулась, ощутив пекучий взгляд на своей шее.

— А правду говорят… Стоит женщину одеть в платье, как в ней просыпается кокетка, — Север чуть склонил голову и так странно посмотрел, словно увидел что-то новое. — Но вы очаровательны в любой ипостаси, Кира.

И тут спокойствие, в котором проходила наша беседа, рассыпалось. Север с грацией тигра оттолкнулся от колонны, уничтожив условный барьер. Я прижалась к стене, вбирая холод камня, но он не помогал…

Его огонь ластился, тянулся ко мне, соблазнял… Опасный соперник! Очень опасный… Такие выстраивают капканы не для быстрой смерти, а для долгой и выматывающей забавы. Дистанция, игра голоса: то стремительное падение к хрипу, то нежный шёпот, что был дурнее сладкого ликёра. Эта каста мужчин филигранно управляет вниманием женщин.

— Очаровательны и со стволом наперевес, и сверху на самом опасном преступнике, и в роли «плохого полицейского» на допросе, — Север наклонился и повёл носом.

Так плавно, спокойно… Он словно и от этого брал максимум удовольствия.

— Но будьте спокойны, я не собираюсь вас компрометировать, — Андрей сделал вид, что отходит назад, вот только его ладонь так легко, буквально вскользь прошлась по моей руке от плеча до локтевого сгиба.

Чёрт подери… Да он играет! Со мной?

— А чем вы меня можете скомпрометировать? — я снова припала к чашке кофе, чтобы она не звякала по блюдцу из-за странной дрожи пальцев. — Дело об убийстве Тимирязева теперь ведёт следователь по особо важным делам из столицы. Так что если вы со мной болтаете, чтобы держать руку на пульсе, то зря.

— Морозов снял своего любимого следователя? — Север нахмурился, словно и правда не знал об этом. — Предпочел вашему таланту столичный опыт? Или отказать начальству не смог?

— Андрей Витальевич, а вы правы. У меня действительно есть талант… Моя интуиция. Именно она вопила требованием отказаться от этого дела. И именно она сейчас шепчет, что вы меня клеите, — я поставила пустую чашку на угол каменной кадушки, а затем сделала шаг вперед. — Но для чего?

Если он играет, то я тоже имею право на несколько необдуманных поступков? Возможно, я буду себя завтра корить и ненавидеть, но сейчас… я не могла сопротивляться.

Наверняка нужно было сбежать! Забыть, разорвать это идиотское наваждение. Но сердце лупило по рёбрам, пульс зашкаливал, а ноги совершенно не слушались! Они несли меня вперёд, на абордаж…

Неужели принцип жизни Севера заразен настолько, что врать не получалось даже самой себе? А вот правда заключалась в том, что этот кадр все настырнее заполнял мои мысли. Мил-

лиметр за миллиметром… От одной встречи к другой. Быть может, приказ Морозова не был столь категоричным, и я сама пришла сюда, заранее зная о расставленных капканах?

— Тогда мне и правда есть что вам предложить, Кира Вадимовна, — Андрей был расслаблен и чуть нагнулся, будто нарочно подставляя свою хитрую, но весьма привлекательную морду под мой пристальный взгляд.

— И что же? Только попробуйте избежать банальностей, Андрей Витальевич. Если вы предложите сбежать с этого нудного вечера и уединиться в вашей квартире, я окончательно разочаруюсь в правде и решу, что лживые мужчины, для приличия пудрящие мозг женщинам, более привлекательны…

По коже струилось тепло… Такое контролируемое, ласковое, но при этом напористое. Оно не обжигало, не несло боли… Кровь закипала медленно, мурашки сновали под платьем, не решаясь выскользнуть на открытые участки тела, чтобы не выдать меня с потрохами.

— Не заставляйте меня врать, Кира Вадимовна. Формулировка вашего вопроса позволяет уйти от прямого ответа, поэтому я воспользуюсь этой возможностью. Но моё предложение лежит в другой плоскости, — Север хмыкнул, и его губы дрогнули. В глазах промелькнули чертята, но были быстро обезоружены.

— И всё же лежит? — я не выдержала и расхохоталась. — И опять же в плоскости… Да? Не в горизонтальной, случайно?

— Определенно, — Андрей кивнул и замолчал, явно наслаждаясь моим смехом. — Итак… Кира Вадимовна, я в курсе, что именно привело вас в клуб. Знаю и об участившихся инцидентах с отравлениями, и про новый вид синтетики, появившийся в городе. И я предлагаю вам помощь… Давайте вместе найдём того, кто распространяет эту дрянь.

Север вновь отвернулся, прошёлся взглядом по залу. Как это возможно? Флиртовать, рушить мою броню и при этом выполнять свои рабочие обязательства? Да кто он такой?

— Можно полюбопытствовать? Вы предлагаете мне помощь в поисках синтетики, это похвально и очень даже в духе сегодняшнего вечера. Но я была уверена, что Баринов бросит все силы на поиск убийцы Тимирязева, — я отошла, чтобы не пропустить ни одну реакцию. — Разве не это первостепенно?

— Кира Вадимовна, я лично с Тимирязевым знаком не был, поэтому от меня в этом деле будет мало пользы. Знаю только, что он был гадким мужиком, — Андрей нахмурился, и от легкости нашей перепалки не осталось и следа. Он снова подбирал каждое слово, пытаясь не выдать ничего лишнего. Я хоть и была в платье, но следователем при этом быть не перестала.

Но даже сейчас мне не хотелось закрыться или вовсе прервать беседу.

— А я слышала, что Тимирязев дружил с губернатором. И, думается мне, именно этим и было вызвано его давление на Морозова.

— Да… Но когда дружба с политиками делала из очень дерьмового человека менее дерьмового?

— А вы правы, — я рассмеялась и решила больше не душить вопросами.

В руке дрогнул клатч, и повисшую тишину нарушила детская мелодия. Я посмотрела на часы и нахмурилась, достала телефон и уже на ходу ответила на звонок.

— Да, Марья Николаевна, — зашептала я и совсем грубо отмахнулась от Севера, быстро пробираясь мимо гостей в сторону выхода.

Тревога уже обвилась вокруг шеи, а когда в трубке послышались всхлипы Ингиной бабушки, внутри все оборвалось!

— Кира, деточка! — старушка заикалась, подвывала, но отчаянно пыталась выдавить из себя хоть что-то членораздельное. — Павел забрал Сашку!

— Как забрал? — я чуть не закричала, вырываясь на улицу. В лицо ударил еще душный вечерний ветерок, я обернулась, осматривая парковку, пытаясь вспомнить, где именно я оставила машину.

— Вам туда, — Андрей подхватил меня за локоть и потянул за угол, в сторону служебного заезда.

— Марья Николаевна, расскажите, что случилось? — я остановилась, стянула лодочки и уже неслась по раскаленному асфальту босиком.

Вместе с истеричным писком старушки я слышала и торопливые тяжелые шаги за спиной, и порывистое дыхание. А когда я добралась до машины, из моих рук вырвали клатч…

Север нахмурился, но достал ключи, открыл водительскую дверь и рухнул за руль, взглядом указывая, что сегодня моё место по правую руку от него…

— Вы… Вы не должны этого делать, — шепнула я.

— Конечно… Конечно, должен, — Север со свистом стартанул, ловко лавируя между хаотично припаркованных машин, и вылетел на проезжую часть, игнорируя возмущение на лицах сотрудников ДПС.

Я не спорила… Просто слушала вой старушки, у которой обманом украли внука…

Глава 13

Нужно было признать, что присутствие Севера развязало мне руки. Вместо того, чтобы отвлекаться на дорогу, на душную паутину пробок, я звонила во все колокола, поднимая на уши всех, до кого могла дотянуться.

Хорошо, если они отказываются защищать бабу Имперову, то коллегу по погонам они должны отстоять?

Пока я наводила справки, Север кружил по развязке, и я не могла понять, для чего это представление, но когда мне удалось найти новый адрес приписки Павлика, Андрей быстро свернул на нужной развилке, устремляясь в верном направлении.

Поразительно…

Я украдкой окинула его взглядом и закусила губу… от зависти. Нет, мною руководят эмоции, мама права. Я и преступников ненавижу до зубовного скрежета, и жертв до сих пор жалею так, что готова последнее им отдать.

А Север другой… Он поразительно быстро ориентируется, отсекает ненужную информацию, успевает её проанализировать и подготовиться! А ведь с момента, как он захватил мою машину, я не сказала ему ни слова! И все, на чем строился его анализ – реплики, которыми я шипела в мобильник.

Я снова стряхнула нелепую пелену очарования и настроилась на свою жертву.

Ублюдок… И не дай Бог он успел Саньку вывезти из города! И ведь подготовился… Заблаговременно выписался, прикупил себе домик, предусмотрительно записав его на свою двоюродную сестру. Он всерьез думает, что мы его не найдём?

Но сейчас меня терзала даже не ярость на бывшего мужа подруги. Я сжимала пальцы, впивалась ногтями в ладони, не понимая, где взять сил, чтобы позвонить Инге и рассказать о случившемся.

Я обязана это сделать! Она – мать… И только ей принимать решения, и она имеет право на честность, во всяком случае от меня.

Но в противовес разумным доводам приходили картинки… Вот извилистая лента железной дороги посреди густого, почти черного леса, оглушающий скрежет и тонкая фигурка рыжеволосой бестии, отчаянно дернувшей стоп-кран, чтобы спасти своего ребёнка. Она же пешком пойдёт, на чистых инстинктах.

— Чёрт! Чёрт! — шипела я, снова и снова пытаясь нажать на её контакт, чтобы позвонить и рассказать. Но каждый раз проигрывала эту битву…

— Расскажешь?

Голос Севера расщепил тишину в салоне, и я растерянно обернулась, поймав себя на мысли, что выпала из реальности. От нелепости ситуации по коже мороз прошёлся. Я открыла окно, высунула голову, жадно глотая воздух, пахнущий пылью и раскаленной смолой, пытаясь успокоиться. Но злость и чувство несправедливости надоедливой пульсацией лупили по рёбрам.

Крик застыл на корне языка. Ярость превращалась в едкую кляксу. Да я даже говорить не могла, растирала ладонями горло снова и снова… Снова и снова…

И тут на плечо опустилась тяжелая рука. Север толчком прижал меня к креслу, гася инерцию от аварийного торможения, а затем вильнул рулём, останавливаясь на обочине в густых клубах сухой раскалённой пыли.

Я даже моргнуть не успела, как дверь открылась, и меня выдернули наружу.

— Давай… — рыкнул Андрей и чуть встряхнул меня. — Что ты привыкла делать? Делай. Бить? Бей! Реветь? Реви…

Север сказал так, словно мгновение назад погрузился в мои мысли, прочитав каждое желание и оценив бесполезные попытки взять себя в руки.

Напряжение последних дней клубилось черной тучей. Слизистая стала сухой, язык прилип к нёбу, я даже не сразу смогла разлепить пересохшие губы… Крик поначалу был похож на скулёж слабого брошенного щенка, но с каждым глотком воздуха звук креп!

Север держал меня за запястье, словно отсчитывал пульс, а сам, отвернувшись, чтобы не мешать сакральному процессу, говорил с кем-то по телефону. Ну или пытался говорить, его слова таяли в свисте проносящихся мимо машин.

Когда в лёгких закончился воздух, а по телу разлился дурман спокойствия, Андрей уже стоял ко мне лицом и, не скрывая любопытства, рассматривал, как неправильно собранный пазл. Находил ошибки, уже думал, как исправить, но при этом довольно откровенно любовался.

Я не успела отвесить колкость, которую он, безусловно, заслужил, как Андрей уже присел, подхватил меня на руки. Я только сейчас поняла, что все это время стояла босиком на пыльной гравийной обочине, среди окурков, битого стекла и пластикового мусора.

Андрей поднял меня как пушинку… Довольно уверенно вернул на пассажирское сиденье, но не отошёл, а опустился на корточки. Его горячие сухие ладони аккуратно стряхнули мелкие камни со ступней. Заботливо прошёлся между пальцев, отыскивая стекло и смахивая налипший мусор. А затем он достал носовой платок, заметил бутылку воды в дверной карте, намочил и… смыл пыль.

— Что… Что ты делаешь? — хрипло спросила я и незаметно ущипнула себя за локоть, лишь бы уже очнуться.

Я просто глазам своим не верила… Его движения были четкими, быстрыми. Но даже не в этом дело! В них был какой-то смысл… И дело не в заботе о чистоте салона, и даже не в красоте поступка. В его действиях ощущалась забота. Настоящая, незамутненная и, как всегда, правдивая.

Север не поднимался, пока не закончил омывать мне ноги. Он стойко вынес пристальный взгляд, а затем достал пачку сигарет и закурил.

— Рассказывай, — Андрей проигнорировал мой вопрос, при этом в голосе вновь не было ни давления, ни скрытого умысла.

И меня понесло, словно этот малознакомый и откровенно пугающий человек произнёс какой-то пароль, и я залпом отложенного пламени вывалила всё!

С языка срывалась такая чушь, такая малоинформативная мелочь, что я сама себе поражалась. Вот только… заткнуться я уже не могла! Рассказывала и про непростой развод Имперовой, и про измены ее муженька, и про скандалы, которые теперь случались чаще, чем перечисление алиментов.

— А теперь он украл Сашку прямо с детской площадки, — на выдохе произнесла я то, во что до сих пор не хотелось верить. — Бабушка там места себе не находит, а у неё уже было два инфаркта! А Инга в поезде… И я не знаю, как ей это сказать. Ублюдок! Он же все просчитал!

— Ну, Имперова нам сейчас не помощник, — Андрей рывком поднялся, дав понять, что сеанс психотерапии закончен, а после подхватил меня под колени и перенес ноги в салон. Он аккуратно закрыл дверь, а пока обходил машину, успел снова с кем-то перекинуться парой слов по телефону.

Он сел на водительское кресло и тут же стартанул, на ходу пристегивая ремень безопасности сначала мне, а потом и себе.

Я только сейчас заметила, что этому великану, слабо говоря, тесно в моей «малышке». Хоть сиденье и было максимально отодвинуто назад, но его колени все равно подпирали руль. А ещё на каждой кочке Андрей вжимал голову в плечи, чтобы не пробить потолок.

И это было забавно. Я даже выпустила нервный смешок, наблюдая за этой экзекуцией.

— Зачем ты помогаешь? — я размяла пальцы, чтобы запустить кровообращение, а затем начала растирать и всё тело.

— Люди могут помогать просто так, Кира, — Север выдувал сигаретный дым в открытое окно, бросая на меня короткие взгляды, но чаще он смотрел в зеркало заднего вида, словно кого-то ждал.

И этот кто-то появился через несколько минут. Чёрный внедорожник вынырнул из-за поворота и в наглом порыве пошёл на обгон. Север сбросил скорость, пропуская джип перед нами, а затем, в знак приветствия, дерзко ударил в клаксон.

— Ты слишком давно работаешь в органах, — Андрей заметно расслабился и даже попытался устроиться в кресле поудобнее. — А там добрые поступки скорее вызывают подозрение, чем чувство благодарности.

— Сказал мне человек, отсидевший семнадцать лет, — я усмехнулась и поджала под себя ноги, разворачиваясь лицом к случайному попутчику. — А ты не очерствел за этот срок? До сих пор веришь в людей, в систему и честь?

— Да, ты права, — кивнул Север и бросил в меня любопытный взгляд. Он быстро стянул галстук, убрал его в карман пиджака и ловко распустил верхние пуговицы рубашки. — Без цинизма, равнодушия и хладнокровия невозможно быть полицейским или врачом, ежедневно констатирующим смерть. То же самое касается пожарных, военных и других. Но я давно перестал делить людей по структурам.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что обществу сложно признать, что за честью судьи, силой полицейского и опытом хирурга скрывается обычный человек. — Андрей тяжело вздохнул, будто этот разговор не приносил ему удовольствия. — Мы поднимаемся утром, и каждый наш шаг сопровождается выбором. Кофе или чай? Джинсы или брюки. Метро или торчать в пробке? Вот и у системы постоянный выбор, но иного плана… Красный проводок или синий? Рискнуть прооперировать или не портить статистику? Так что я давно уже перестал рефлексировать по поводу справедливости. Мы все – люди!

— Ты хочешь сказать, что там, где сила, там больше ошибок?

— Не совсем, — бархатный смех Андрея заполнил салон и накрыл меня тёплым покрывалом. — Просто их ошибки самые громкие. Официант может ошибаться раз в час, и никто не заметит, что он перепутал молоко или расставил приборы не в том порядке. А если ошибется следователь или хирург, тут скидкой в кафе не обойтись.

Горло согрел внезапный смешок. Я наклонилась и прошлась ладонью по голове Севера, пропуская меж пальцев короткие, но такие мягкие волосы с едва заметной проседью. Андрей тут же дернулся, и машину чуть отбросило, будто этот титан потерял управление, но всего на миг. В его голубых глазах снова засверкал лёд, показалось удивление, смешанное с едким любопытством.

— Ты чего?

— Да нимб ищу, — я не выдержала и рассмеялась. — Север, либо ты мне врёшь, либо, и правда, святоша со стволом за пазухой.

— Не вру, но и надежд на справедливость больше не питаю. Я и так упустил слишком много времени… А жизнь у меня одна, — Север снова дернулся, прошёлся по волосам, будто стирал фантомное ощущение моих прикосновений.

И на миг… Всего на миг мне показалось, что я заметила румянец на его лице. А может, это в закатном солнце отливала гематома, оставленная группой Лапина.

— Весьма философски, — я ущипнула себя за запястье, пытаясь прийти в чувства и стряхнуть это липкое очарование.

— Нет ничего ценнее, чем жизнь, — Андрей широко улыбнулся и вдруг высунул голову в открытое окно и как… засвистел!!!

И эта выходка была такая… безумная, чистая, эмоциональная и немного хулиганская, что ли. Но на его лице не было ни смущения, ни сомнения… Он заливисто смеялся и лохматил и без того топорщащиеся в разные стороны волосы.

— Чёрт подери, Север, а ты очень интересный мужчина, — я нагнулась и перехватила из его рук сигарету.

Пальцы вновь столкнулись на короткий миг, по коже пробежался уже знакомый разряд тока… И это было так необычно, завораживающе и одновременно пугающе, что хотелось испытывать реакцию тела снова и снова. Вдруг показалось?

В нос ударил горький запах отравы, я начала крутить фильтр между пальцами, на счет пятнадцать стряхивая пепел в открытое окно.

— И всё равно за силой всегда правда. Пашка тоже воспользовался не законом, а силой, чтобы забрать сына.

— А разницу между силой и слабостью стёр первый изобретатель оружия, — подмигнул Север. — Возможно, его мотивы были чисты, и он хотел помочь слабым противостоять силе. Но оружием начали пользоваться подлецы и ублюдки. Иерархия давно сломана, и одной силы недостаточно, чтобы держать равновесие. Но лично я думаю, что на каждую силу всегда найдётся более дерзкая сила, при этом необязательно доставать ствол или похищать ребенка.

— И сейчас ты мне это продемонстрируешь? Я видела мощь твоей дерзости…

— Это укор? — он обернулся и подмигнул. — Лапин получил по заслугам. Тебя там не было, а я видел, как Гордеев просил его отпустить беременную жену. Но ведь именно в его руках было оружие, а значит, он посчитал, что куда сильнее и имеет право решать, кому, где и когда рожать. За это он и будет наказан.

Боже, как соблазнительно звучит его правда… Она же льется ручейком. Так спокойно, свободно, легко.

— А я? Почему наказание не постигло меня? — я чуть наклонилась, замирая в паре сантиметров от лица Андрея.

В нос лупил густой аромат мужского парфюма, по коже мураши уже не бегали, они буквально бесновались. Кровь стучала, а сердце вибрировало под ребрами, запуская необратимые процессы…

— Нельзя наказывать женщину, от которой срывает башню, — Андрей вдруг дернулся, а его тяжелая рука легла мне на плечи, буквально вжимая в себя…

И одно движение головы разрушило то, что я наивно пыталась сохранить… А именно — контроль. Да кому я вру? Желай я контроля, то не стала бы нарушать его личные границы и не пыталась бы согреться о его пышущую силу.

Андрей продолжал гнать по трассе, удерживая руль одной рукой. Он опустил на меня взгляд, всего на миг… А в следующее мгновение наши губы встретились. Такие горячие, мягкие… Но и это длилось всего пару ударов сердца, потому что и его контроль рассыпался с протяжным стоном капитуляции.

— Прости, — шепнула я и попыталась улизнуть, но Север не позволил.

— Кажется, я кое-что упустил, — Андрей не расслаблял руки, вжимал меня в себя, с жаром шепча куда-то в макушку: — Есть ещё одна сила в этом мире. И против женщин пока не изобрели равносильного оружия. Мужчины все так же слабы и безвольны, когда вы добираетесь глубже, чем позволено.

Голова шла кругом, я глотала воздух, что был горячее лавы. И если бы я вовремя не заметила указатель, запутавшийся в раскидистых ветках, то мы бы потеряли время.

Но для начала нужно было найти ребёнка!

— Нам сюда!

Север в последний момент успел свернуть на примыкающую дорогу, а вот сопровождающий нас джип проскочил и скрылся за поворотом.

Пыль клубилась под колёсами, был слышен треск хвои, шишек. И первые минуты казалось, что мне дали не тот адрес, не то название посёлка! И лишь когда мы выскочили из-за крутого поворота и уперлись в стремительно опускающийся шлагбаум охраняемой территории, я выдохнула. Но всего на миг, потому что Север вдруг утопил педаль в пол и рванул за проскочившей перед нами машиной. По крыше что-то глухо ударило, но никто из нас этому не придал значения.

Андрей крутил головой, выискивая нужный номер дома. Но нашли мы его не по табличке… а по тёмной фигуре у распахнутых гаражных ворот.

Машина не успела затормозить, а я уже выскочила и бросилась на опешившего Павлика. Схватила его за грудки и начала трясти, сокрушая вечернюю тишину истошным криком.

— Где Сашка? — визжала я, ощущая, как пальцы сжимаются до боли.

Смотрела в серые, чуть пьяные глаза придурка и лупила его, отталкивая к стене, чтоб разбить его башку о кирпичную кладку! Но вдруг меня буквально оторвали от земли и мягко перенесли на два шага назад… Сморгнула видение, но нет, не показалось!

Андрей удерживал Павлика, и как бы я ни пыталась прорваться к придурку, ничего не получалось. Он широко раскинул руки, создавая непреодолимую дистанцию. Все мои попытки расквасить эту перепуганную морду заканчивались провалом.

— Ублюдок! — шипела я, пока Север просто не сжал меня, обвив руками так, чтобы не смела и дёрнуться.

Меня рывком прижали к крепкой груди, на миг воздух вылетел из лёгких, а следом и горячие ладони опустились на талию, чтобы усмирить плещущуюся агрессию.

Паша явно расслабился, по лицу растеклась пьяная полуулыбка. Он даже слишком вольно вскинул руку, намереваясь ткнуть в меня пальцем, но тут из темноты выступил… здоровяк с пугающе знакомым лицом.

Кравцов? А он-то откуда тут?

Я нервно дернула головой, заметив тот самый джип, пришедший нам на помощь. Ещё один здоровяк в костюме открыл заднюю дверь, и оттуда весьма ловко для своего возраста выпрыгнула Марья Николаевна. Я от шока перестала сопротивляться… Слышала её истошный вой, тонны проклятий, направленных в сторону горе-папаши. А затем старушка бойко ринулась к дому в сопровождении паренька в костюме.

— Это мой сын! — заорал Павлик и снова махнул рукой.

Но тут Кравцов ловко перехватил кисть Пашки, завёл ее за спину. Придурок заскулил, начал дергать ногой, то ли прося пощады, то ли пытаясь сделать себе ещё больнее.

— Андрей, отпусти, — шепнула я и дернулась.

Север не стал сопротивляться, хоть я и уловила вздох, полный сожаления, но его руки разомкнулись, ласково пробежав по моему телу. Я подошла к красному от ярости Павлику и зашипела:

— Через пару минут тут будет наряд полиции. Факт насильственного удержания несовершеннолетнего будет зафиксирован в соответствии с законом. Насколько я помню, то судом было определено место жительства ребенка? Там же было составлено мировое соглашение, регламентирующее ваше общение. Так вот… Теперь ты, козёл тупорылый, к Саньке и на пять метров не подойдёшь, — я еле удерживала себя, лишь бы не разбить эту наглую морду. — Я лично выступлю в суде и принесу все заявления в полицию, предоставлю видеозаписи с камер и буду настаивать, что такому опасному засранцу нельзя доверять ребенка.

Тяжело дышала, двигалась на него, но при том ощущала зависшую над моим плечом руку Севера. Он словно предостерегал и контролировал. А ещё я чувствовала взгляд Кравцова, он хмурился и пытался понять, какого черта тут происходит.

— Какой ты мужик, Павлуша? Ты десять лет блядовал и наблюдал, как твоя мать гнобит Ингу! У тебя было десять лет, чтобы всё исправить… Но нет! Ты хоть знаешь, что после твоих

визитов Сашка по ночам не спит? Ты хоть заметил, что он начал заикаться? — шипела я, разрываемая злостью и желанием прибить этого труса. — Ты думаешь, что Имперова слаба, раз ты до сих пор волен измываться над ней? Нет… Она – мать! И она думает в первую очередь о своём сыне. А вот ты о ком думал, когда крал Санька?

— Ой, да заткнись ты, Алфёрова, — зашипел Павлик и рванул ко мне, но меня снова мягко отбросило в сторону.

Север словно ждал приглашения, ну или повода вмешаться, и теперь стоял перед Павлушей, угнетая этого хлюпика своей фигурой.

— Что ты о семье знаешь? Не тебе меня упрекать… Ты же баба с яйцами, мужики тебе нужны только для расслабления. Повернутая на работе! И не тебе про семью мне лекции читать! Я за свою жену бился и буду биться!

Я мельком уловила странный перегляд Севера и Кравцова. Заметила и как сморщился Андрей, явно прочитав мысли Кравцова. А когда вдруг Паша вырвался, воспользовавшись мгновением замешательства, Север и вовсе оттолкнул меня, спокойно наблюдая, как Кравцов позволяет Паше лупить себя по лицу.

Я замерла… Да и время остановилось. Пашка на фоне монументального Кравцова казался подростком, но тот все равно не сопротивлялся… Удары были какими-то пародийными, смешными и нелепыми. Да он даже кулак не мог нормально сжать, а значит, ему сейчас куда больнее, чем застывшему Кравцову.

— Андрей, — я дернулась, но Север был настойчив. Его руки снова обвили меня за талию, а в макушку прилетел смешок. — Вы что творите? Останови его!

— Папа, не надо! — по двору пронёсся рёв Саньки, и вот тогда все остановились…

Андрей разжал руки, позволив броситься к крыльцу, на котором, сонно растирая глаза, завывал мой крестник. Подхватила тёплого и трясущегося в истерике малыша, отворачивая его от чумного папаши.

— Всё хорошо, Санёчек, — целовала румяные щечки, при этом поддерживала рыдающую Марью Николаевну под локоть и вела их к своей машине. — Ну что ты хочешь? А давай завтра в садик не пойдём и маме ничего не скажем? Хочешь, я тебе куплю железную дорогу? Ты только не плачь, мой хороший, не плачь.

Старушка прижимала сухонькую ладонь ко рту, чтобы не пугать внука, но её истерика была такой сильной, что надежды справиться без успокоительного просто не было. Усадила бабушку на заднее сиденье, а затем уложила и Саньку… Он звонко всхлипнул, что-то шепнул про мамочку и тут же вырубился в родных бабушкиных руках.

В конце улицы уже полыхали мигалки, к нам катила патрульная машина. Я обернулась и заметила, как уставший наблюдать за избиением друга Север уже скрутил Пашку и потащил к сотрудникам полиции.

Лицо Кравцова снова было в крови, вот только его улыбка… Она была такой странной. И тут меня пробило.

Он что… специально?

В голове зашуршало, заскрипело, а когда поняла, что именно сделал для Инги Кравцов, я едва уже могла сдерживать слёзы! Мне, как сотруднику правоохранительных органов, применение силы бы не простили! Эта вспышка скорее обернулась бы против Инги! Но если о нападении заявит Кравцов…

— Спасибо! Я… Не помню, как вас зовут. Кравцов, вы даже не понимаете, что именно сделали для нас, — я метнулась к окровавленному здоровяку, схватила его руки и затрясла, пытаясь сдержать слёзы.

— Олег, — прохрипел он и подмигнул мне. — Езжайте, а мы тут разберемся.

Вокруг меня творилась суета. Андрей и Олег сами объяснялись с патрульными, слышались голоса, трехэтажный мат Паши, причитания его матери, выбежавшей из дома.

И тут у меня закружилась голова. Осознание, что я впервые не контролирую ситуацию, больно ударило по затылку, но я удержалась… Смотрела на происходящее как зритель через экран.

— Поезжай, — Андрей мягко потрепал меня по плечу, толкнул к водительскому сиденью. — Малец уже засыпает. Хотя подожди…

Пока я пристегивалась, Север метнулся к их джипу, а вернувшись, открыл заднюю дверь и расправил над подрагивающим Санькой тёплый плед. И лишь тогда он легонько постучал по крыше, дав отмашку.

Я отъезжала, а сама не могла оторваться от зеркала заднего вида. Смотрела в размывающуюся в сизом тумане фигуру мужчины, не растерявшего способности защищать и поддерживать, несмотря на тяжелое прошлое.

Червяк сомнения закопошился где-то под сердцем, а горло снова стянуло спазмом.

— Всё будет хорошо, — я улыбнулась всхлипывающей Марье Николаевне. — Всё будет хорошо…

Но как же сильно я была неправа!

Стоило нам выехать с грунтовки на трассу и отъехать на пару десятков километров, как характерный хлопок ударил по перепонкам. Машина вильнула прямо на встречку… Я едва удержала непослушный руль и свернула на обочину, поднимая клубы пыли в воздух.

Из горла рвались мат, вопль и проклятья… Но я вновь взяла себя в руки, бросила на перепуганную старушку успокаивающий взгляд, спокойно вышла из машины, чтобы оценить масштаб катастрофы.

Запаска у меня была. Но одна… А вот шипящих и стремительно опускающихся на диски колес – два!

— Боже, — я вскинула голову к чернеющему небу. — Может, уже хватит? Ну, хоть каплю удачи! Умоляю…

И, кажется, небеса услышали меня. Правда, то ли погрешность перевода сыграла злую шутку, то ли это было коварство судьбы, но спасение пришло в виде слепящего света фар и огромного пятна внедорожника, затормозившего рядом.

Тонированное стекло медленно опустилось, являя хитрую морду Севера.

— Кира Вадимовна, если вы хотели продолжить вечер, то не стоило прокалывать себе шины. Я бы и так на всё согласился…

Глава 14

Я наблюдала, как Андрей аккуратно переносит Саньку на заднее сиденье джипа, как помогает забраться на высокую подножку перепуганной Марье Николаевне, и не могла не улыбаться.

Но что вызывало эту улыбку?

Я и сама не находила ответа на этот вопрос. Странно это всё. Очень и очень странно. Но от этого мужчины, с которым меня слишком часто сталкивала судьба, шло тепло. Настоящее, живое, как ласковое касание огонька.

И все его слова, движения, действия вызывают стойкое желание довериться. Интуитивное, тонкое, но такое враждебное, потому что весь мой предыдущий опыт сейчас рыл почву, вздымая внутреннюю злость, давно ставшую пеплом.

«Не обольщайся, девочка… Сколько раз ты обжигалась? Сколько шрамов на твоём теле? Сколько пепла ожиданий под твоими ногами?» — завывал внутренний голос.

Но я все равно продолжала улыбаться. Как идиотка! Как тупица… Или просто как женщина?

Север в последний раз обошёл мою машину, снова куда-то позвонил и недовольно хмыкнул, а значит, нужно ждать не чуда, а эвакуатор… А я не роптала. Свою порцию чуда я уже получила – Санька мирно спит в руках бабушки, а через какой-то час уже будет в своей кроватке.

«Спасибо за крестника», — мысленно прошептала я, вскинув взгляд к серому вечернему небу.

Кравцов прыгнул за руль, сопровождающий их парень сел вперед. Я подобрала подол халата, в котором прискакала на выручку внука Марья Николаевна, и закрыла дверь. Окно было открыто, и я, взобравшись на подножку, нырнула в салон и прижалась губами к сухой и слишком бледной щеке старушки.

Бабушка с неловкостью поглядывала на Кравцова, в глазах плескался страх. И я её понимала… Ехать с незнакомцами? Но это всяко лучше, чем стоять на сонной трассе в ожидании эвакуатора.

— Ты звонила Инге? — спросила бабушка в открытое окно. Она поглаживала внука, поправляла плед и ласково перебирала его отливающие медью волосы.

— Нет, я не смогла, — выдохнула я напряжение и сжала руку старушки. — Я сейчас позвоню Гусе и попытаюсь успокоить её. Вас отвезут домой и убедятся, что вы заперлись на все замки… Да?

Я чуть сместилась к водительскому окну и внимательно посмотрела в разукрашенное лицо Кравцова. Нос опять был отечным, старые гематомы засияли новым приливом крови, но в целом Олег широко улыбался и совсем не походил на маньяка.

— Товарищ Кравцов, — перешла я на шёпот. — Вы же не похитите сына прокурора, чтобы потом шантажировать её?

— Чёрт, майор Алфёрова, теперь я понимаю, за что вас так ценят в СК. За безграничную фантазию и искромётное чувство чёрного юмора, — Олег подмигнул мне, несмотря на то, что это явно далось ему через боль. — Будьте спокойны. Доставлю в лучшем виде, провожу до квартиры, а после отчитаюсь Северу. Я так понимаю, он остаётся охранять наши доблестные правоохранительные органы?

Губы Кравцова изогнулись в коварной улыбке, он обернулся в сторону друга, стоявшего за моей спиной. Я видела, как он силится, пытаясь не пошутить, но, очевидно, ничего не вышло:

— Все органы охраняй, Север. Все…

По пыльной и темной трассе проскользил смешок, улыбнулась даже Марья Николаевна, и её бледность стала уступать румянцу. Ну и отлично…

— Ты тоже можешь ехать, — я обернулась к Андрею, и тут по коже пробежал морозец, словно ветерок растерял жар прошедшего дня. — Я и одна могу дождаться эвакуатор.

— Ночь, трасса, и дама в платье, — усмехнулся Север, а затем стянул с себя пиджак и набросил мне на плечи. — Плохая комбинация. Не усну, майор Алфёрова… Вы и так похитили мой сон. Может, если я останусь с вами, то смогу выспаться?

— Парни уже едут, — сквозь хохот бросил Андрею Олег, а затем с шорохом колёс выехал с обочины, теряясь в сумерках трассы.

— Ты должен меня ненавидеть, — прошептала я, следя за тем, как тают вдали красные точки габаритных огней, а когда машина скрылась за поворотом, я поняла, что Север был прав…

Трасса была узкой, безлюдной, без освещения, к которому мы все привыкли. Солнце уже закатилось за макушки леса, и на дорогу посыпались черные тени, скользящие по закатному золоту. И вдруг порыв ветра стал холодным, а кусты, наплывающие на обочину, враждебными.

— За что?

— Мы и двух суток не знакомы, но каждая наша встреча заканчивается побоищем, — я присела на теплый капот машины и туже укуталась в пиджак, густо пахнущий мужским запахом.

— Сегодня досталось больше Кравцову, но я тоже отметил эту закономерность, — Андрей последовал моему примеру и опустился рядом.

Он то ли случайно, то ли нарочно толкнулся плечом. И казалось, что Андрей пышет жаром, и на этом фоне мой внутренний холод стал ещё сильнее. Пальцы еле сгибались, волосы приподнялись, но внезапно скатившаяся по шее капля пота стала отрезвляющей пощечиной.

— Так почему же ты не прислушаешься к голосу разума? — я собралась с силами, втянула сквозь зубы воздух. Обернулась, украдкой рассматривая профиль загадочного мужчины.

— Быть может, потому что голос разума глушится воплем мужского инстинкта? — он щелкнул зажигалкой, на миг озаряя своё лицо, и я не выдержала и рассмеялась, заметив синяк на скуле.

— Знаешь, Север, а я сейчас прям облегчение испытала, что в твоём деле нет статьи за насилие, — смешок вырвался странный, нелепый, грубый. — Остаться наедине с маньяком мне только и не хватало.

— Его просто не доказали. Либо висяка подходящего не было, — Андрей тоже усмехнулся и начал крутить сигарету между пальцами, наблюдая, как лениво полыхает её кончик.

— А давай поиграем? — брякнула я, всерьез рассчитывая, что Север откажется, но он поступил иначе…

Андрей поднялся, расправил плечи и начал осматриваться, медленно сканируя ориентиры. Я буквально видела, как он окинул взглядом развилку, указатель с перечнем ближайших населенных пунктов, затем крутанулся вокруг своей оси, собирая увиденное воедино, и… усмехнулся!

Север резко вскинул к небу голову, словно хищник, берущий след, а после схватился за пуговицы рубашки и… рванул в лес!

Сказать, что я была ошарашена – ничего не сказать! Машина была заглушена, фары выключены, а стремительно наступающая темнота и вовсе во мглу превратилась, как только за кустами исчезло белое пятно его рубашки.

— Стой! Ну не хочешь играть, так я же не заставляю! — я двинулась на инстинкте, выхватила из машины свою сумку, заперла двери и засеменила следом.

Дура… Алфёрова, ну что ты за дура? А он? Я только решила, что на него можно понадеяться, как на запасной парашют, а он уходит в лес? Ночью? И почему…

Дьявол, он что, раздевается?

— Север! — пищала я, упорно спускаясь по каменистому отвалу и чуть ли носом не ныряя в колючие пыльные кусты.

Самостоятельно мне удалось сделать всего три шага… Ступни жгли и крапива, и колючки, и сухие ветки. Перелома мне только не хватало! Мало того, что я голову потеряла и бреду хрен знает куда…

На миг Андрей затормозил, быстро оценил, что в таком темпе и босиком я далеко не уйду, и рявкнул:

— Стоять!

Север присел, а после моя кожа начала пузыриться от ожогов, потому что под коленки легли его полыхающие ладони. Он закинул меня себе на плечо как пушинку, и все, что мне осталось – безвольно размахивать руками. Я напряглась, упёрлась ладошками в его крепкую спину, ощущая, как под руками перекатываются стальные мышцы.

По телу сотнями стрел промчался жар… Электрические разряды были такими мощными, резкими, что дыхание сбилось!

— Север, почему мне кажется, что рядом с тобой невозможно контролировать ситуацию? А ведь я почти уехала… Но тут спускают сразу два колеса! — я обернулась и застонала, заметив, что мы продолжаем углубляться в тёмную лесную чащу.

— Человек живёт в иллюзии контроля, — Андрей рассмеялся и увеличил скорость, словно напал на нужный след.

Мы пробирались через ельник, под его ногами хрустела почва, в нос била лесная влага, приправленная пряностью хвои и чем-то ещё… На мои пятки то и дело опускалась липкая паутина, но Андрей с хохотом стягивал её, щекотно скользя по ступням.

— Чёрт, не перепутал! — воскликнул Север, и вдруг мои ноги коснулись ковра из мягкого клевера. Лепестки были тёплыми и влажными, а касание такое нежное, что я на миг закрыла глаза от удовольствия.

От холода не осталось и следа, кожа вновь была покрыта липкой испариной от раскаленного воздуха. Я даже пиджак сняла, когда духота заскользила по спине.

И вдруг… я услышала плеск воды. Дернулась и ахнула, потому что оказалось, что все это время я стояла спиной к довольно большому пруду. Воду тревожила серебристая рябь, вдоль берега тянулась высокая трава, пахло тиной, торфом. Но там, где мы остановились, был виден островок песка. Пруд был сомкнут плотным кольцом высоченного леса, а в зеркале воды отражалась полная луна…

— Какая прелесть, — я скинула сумку, пиджак и присела на сухое поваленное дерево, наблюдая, как стремительно раздевается Север.

Он двигался быстро, рвано, словно не мог дождаться… Но если бы у меня была волшебная кнопка, я непременно бы нажала на паузу, чтобы сохранить этот момент в памяти.

Бесстыже и немного нагло рассматривала красивое мужское тело и кусала губу. Он не был качком в прямом смысле этого слова. Ширина плеч природная, рельеф мышц фактурный, но не раздутый химией и протеином. Под смуглой кожей красиво перекатывались мускулы, а в лунном свете виднелись серебристые полосы шрамов…

Когда Андрей остался в одних боксерах, то в два прыжка достиг кромки пруда и с одуряющим криком рванул в воду! Мелкие брызги рванули в разные стороны, как после взрыва. Его темная макушка скрылась из виду, устремляясь на глубину, а я начала считать…

Пять… Десять… Пятнадцать! Секунды тянулись, нервы лопались, а водная гладь стирала малейшие признаки внезапного гостя.

Север все никак не выплывал, и моё спокойствие завибрировало. Я то хваталась за молнию на платье, то била себя по рукам. Ну не придурок же он… Привел сюда, чтобы утопиться на моих глазах?

А вдруг там коряга? Вдруг он зацепился и ждёт помощи?

Но тут над водой снова поднялся ворох брызг, а над неспокойными макушками деревьев разнёсся довольный крик сытого хищника.

— Север! Твою мать! — закричала я, заходя в воду по колено.

Схватила торчащую прогнившую деревяшку, оторвала кусок и швырнула в этого шумного засранца, из-за которого моё бедное сердечко чуть не остановилось.

— Ты вытащил меня с трассы, чтобы прикончить?

— Майор, ваш рабочий день окончен, — хрипло протянул Север, резвясь в воде, как мальчишка. — Выпустите из камеры Киру, а сами следуйте в казарму!

— Ну ты и наглец, — я тоже рассмеялась, нервно прошлась пальцами по воде, наблюдая, как намокает край моего платья.

Вода оказалась тёплой, как молоко, заботливо принесенное бабушкой перед сном. Круг леса не пропускал ветерок, а от обилия запахов закружилась голова. А ещё здесь было тихо-тихо… И так спокойно.

Впилась пальцами ног в песчаное дно, отметив и прозрачность воды.

— Кира, снимай платье и ныряй. Ну когда тебя ещё удастся вытащить? — кричал Андрей, ловко работая руками.

Он был похож на дурного, взбесившегося дельфина. Мах, толчок… Мах, толчок! Он так быстро рассекал по озерцу, словно взялся рассчитать его площадь. Скользил от одного края к другому, то и дело теряясь в камышах.

— И всё же насильник? Да? — как бы я не шутила, но вот мысль, что после тяжелого дня можно окунуться и просто забыться, уже не казалась такой дикой. — Но какой-то либеральный. Не приказываете раздеться, а просите.

— Кира, поверь, брать женщину против её желания – вне моих правил, — забулькал Север и вдруг замер, распластавшись на воде. Его взгляд был направлен к ночному небу, а от дурости, с которой он мутил воду, не осталось и следа.

— А если я случайно захочу? Сама, — буркнула я себе под нос, но, очевидно, звуки по воде разносятся четче, за что я поплатилась…

Андрей расхохотался, перевернулся и начал грести к противоположному берегу, оставляя меня наедине со своими мыслями. Но и думала-то я недолго… Стянула платье, оставаясь в одном кружевном белье. Мысленно поблагодарила себя за то, что все же надела и бюстгальтер, и изящные трусики вместо спортивных шортиков. Хотя… с ними было бы спокойнее.

Но идиотскому восторгу от этой шальной провокации уже все равно было.

Я почему-то нервничала и максимально оттягивала момент… Проверила телефон, аккуратно перекинула одежду через дерево, зачем-то собрала с песка и костюм Севера.

По коже скользил ветерок, но такой мягкий, теплый… Он словно подгонял меня, заставлял подумать не о том, что скажут, а о том, чего я хочу.

Сначала я шла по берегу, а потом внутри что-то полыхнуло, и я разбежалась, погружаясь в воду. Глотнула воздуха и совершенно бездумно ушла на дно. Гребла руками, наслаждаясь сладким ощущением. Мышцы, накопившие тяжесть и стресс всего этого дня, расслаблялись, мысли перестали мельтешить, даже сердце немного успокоилось…

Вынырнула я, лишь когда лёгкие обожгло желанием сделать вдох. Оттолкнулась от мягкого илистого дна и выскочила в ворохе мелких брызг.

Север уже сидел на берегу, прямо на песке. Он ерошил волосы, стряхивая лишнюю влагу, при этом внимательно следил за мной, явно готовый броситься на помощь.

Тоже мне принц… И внутри полыхнуло отчаянное желание похулиганить. Прикинуться утопающей или вовсе перетерпеть и отсидеться на дне? Желание вывести его из состояния равновесия было деструктивным, странным и нелогичным. И я это отчетливо понимала!

Но страх… Страх очароваться им был сильнее.

Сцепила зубы и, сделав пару кругов, я начала двигаться к берегу. Андрей курил и листал что-то в телефоне, периодически вскидывал свои голубые глаза, чтобы убедиться, что я не решила утопиться.

— Рядом была военная часть, я срочную службу в ней проходил, — сходу прокомментировал он, словно прочитал мой немой вопрос. — Мы с парнями часто по ночам срывались поплавать.

Дно было пологим, и я медленно обнажалась, выходя на берег. Следила за реакцией Севера, но он и головы не поднял, явно не желая спугнуть добычу.

— Боже, как хорошо! — я плюхнулась задницей на песок, откинулась на руки, с наслаждением рассматривая звёздное небо.

Запели птицы, застрекотали кузнечики, по воде прыгали жуки-пожарники, запуская слабые волны. По волосам стекала вода, я отчаянно пыталась вести себя естественно, а сама следила за реакцией своего спутника. Но Север не выдал себя ничем… А как бы хотелось поймать его липкий взгляд и убедиться, что его особенность – ничто иное, как маскировка.

Но нет… Север упал спиной на песок, заложил руки под голову и закрыл глаза.

— Ну так что там у тебя за игра?

— В правду, — нервно хихикнула я, уже неуверенная, что действительно этого хочу.

— Ну давай, товарищ следователь, поиграем, — лениво протянул он, а следом зевнул.

— Почему следователь?

— Ну, тебя же интересует определенный отрезок моей жизни? — он хмыкнул и, не глядя, оторвал высокую травинку и вложил в губы. — Давай, на что могу – отвечу.

— Ты убил губернатора? — сходу пошла я, внимательно следя за его пульсом и реакцией тела. Но и тут проиграла. Он был совершенно спокоен, и лишь челюсти сжались. Но этот жест был больше похож на вспышку ярости, с которой он довольно быстро справился.

— Нет, я не убивал губернатора.

— А кто его убил? На камерах была только твоя машина, и, судя по описаниям, кое-где было видно лицо, — я вспомнила выдержку из дела Севера.

— Кто убил этого засранца, я не знаю. В тот день я был дома, спал. Кстати, в квартире я был не один.

— В каком смысле не один? — я снова напряглась, на память прогоняя каждую строчку, но в рапортах и следственных записках не было ни единого упоминания про алиби Севера.

— Я тогда жил с девушкой, — и вот тут голос Андрея впервые дрогнул… Словно боль застарелого предательства вырвалась наружу, однако облегчения спустя семнадцать лет принести уже не могла. — Но после задержания квартира оказалась пуста. Ни ее вещей, ни телефона. Искать никто не стал, решив, что отмазываюсь. И даже показания старушки, видевшей, как Лена выходит из дома с сумками, всерьез не приняли. Соседке было за восемьдесят, и следователь сразу отмел её как свидетеля.

— Ну, хорошо, — я развернулась корпусом к Северу. — А что со статьёй за преступную группировку?

— А вот это, товарищ следователь, я тебе рассказать не могу, — тяжело вздохнул Андрей. — Дело засекречено, и именно благодаря этому я оказался не в общей колонии, а в специальной. Всё, что я могу сказать – моя правда. Но готова ли ты довериться только моим словам? — Андрей чуть повернул голову, приоткрыл один сонный глаз и улыбнулся. — Ни в каком ОПГ я не участвовал.

— Север, я знаю, что система допускает ошибки. Знаю… — с тяжестью в голосе призналась я. — Но поверить на слово…

— Кира, а ведь ты мучишься не из-за веры, — он рассмеялся и перекатился на бок, подставляя руку под голову.

И вот тут началась трансформация… От его лёгкости, степенности и спокойствия не осталось и следа. Ледники глаз растаяли, выпуская что-то темное, густое, полное не секретов, а желаний.

А самое гадкое, что сопротивляться этому было невыносимо тяжело.

— А чем же я мучаюсь? — я отзеркалила его движение и тоже легла на бок, оставив относительно безопасную дистанцию.

Он даже не пытался скрывать пытливого взгляда, шарящего по моим изгибам, а когда запнулся о старую уродливую отметину на груди, он удивленно вскинул бровь. Я ждала вопросов, правда, почти сразу поняла, что ничего он спрашивать не будет. В нём слишком много аналитического таланта, и мои признательные показания лишние.

Чёрт… И кто, спрашивается, больший следователь из нас? Он, кому не нужны ни игра в правду, ни мои ответы. Или я, которая уже давно разучилась верить на слово…

— Ты с самой собой борешься. Никаких фактов, лишь мои слова, — Андрей по-мальчишески махнул рукой, и капли воды с его коротких волос брызнули мне в лицо, принося и запах его кожи, и тот странный аромат парфюма, который я до сих пор не разгадала. — Кира, не жди, что я брошусь тебе доказывать свою невиновность, не буду. Но и от меня уже не отделаться.

— Чёрт подери, Север, — я рассмеялась, да так резко, что голова соскользнула по влажной ладони. А в сантиметре до встречи с землей Андрей успел подставить свою надёжную горячую ладонь. — И как так получается, что среди всех моих мужчин самым идеальным оказывается бывший заключенный со сроком в двадцать пять лет?

— Чудеса случаются, Кира. Ты же хотела идеального мужика? — он хрипло рассмеялся, и мне на мгновение показалось, что он просто устал сдерживать возбуждение, а оно было очевидным!

Север броском кобры сомкнул свои руки вокруг моего тела и медленно, мучительно медленно стал подтягивать меня к себе, разрушая дистанцию безопасности.

— Я тебя не обижу, — выдохнул он мне в губы.

И, наверное, после этого должен был случиться поцелуй?

Возможно… Вот только резкая вспышка справа застала нас врасплох. Первым на ноги вскочил Андрей, он среагировал молниеносно и помчался в сторону леса. Север бежал по траве, а в темноте чащи слышался звонкий хруст веток, да и деревья возмущенно покачивали кронами, будто злились за вторжение в нашу мимолётную идиллию.

Глава 15

Инстинкт взорвался в крови, и рука сама потянулась к кобуре. Вот только к моему вечернему платью этот предмет совсем не женского туалета не прилагался, и ладонь прошлась по влажной, пупырчатой от мурашек коже.

Адреналин спал, и я поняла, что это вспышка фотокамеры, а не всполох огнестрела. И вот тогда смогла выдохнуть и спокойно проследить, как Север пулей срывается с места и растворяется в темноте густого кустарника.

Мне удалось усмирить эмоции, спрятать их в самый дальний угол, откуда они вылезли без приказа. И, признаться, я была даже немного рада, что всё так произошло.

— Дура, — шипела я, отжимая бельё, не снимая его. Стряхивала налипший песок, выскребала мелкую тину из чашечек бюстгальтера. — Совсем голову потеряла? Возьми себя в руки, майор Алфёрова! Возьми себя в руки…

Но как же легко это сказать, и как сложно оказалось сделать. Тело помнило и тепло, и ласковый скользящий взгляд, и восторг, переливающийся в льдистых голубых глазах. А в ушах до сих пор звенят его слова… И правда, меня к нему тянет! А вот это уже было необъяснимо, но безумно интересно.

Платье скрипело в мокрых ладонях, не хотело скользить по телу, но я все равно справилась. Смахнула с ткани песок, внимательно осматриваясь по сторонам. Тёмный лес поглощал все звуки, но приближающиеся шаги я уловила безошибочно. Прислушалась, уловив размеренность и четкость… Не убегает, значит, всё нормально.

Андрей вышел из-за кустов, даже не пытаясь скрыть своей задумчивости. Он нервно скреб пальцами щетину на подбородке, а его красивые брови были сомкнуты на переносице, выдавая тяжесть мыслей.

— Не догнал.

Я пожала плечами и снова попыталась поймать связь, но мой мобильник отказывался работать.

— Странно, — Север тоже начал одеваться, пристально всматриваясь во тьму между деревьями, словно ждал второго шанса. — Мы вроде не шишки городские и не политики, чтобы за нами охотились папарацци.

— И правда странно, — я подняла его пиджак, отряхнула и, стараясь не глазеть, передала его Андрею.

Он быстро натянул брюки, сорочку, пальцы ловко вспорхнули по мелким пуговицам, словно делал он это каждый день.

— До знакомства с тобой меня не преследовали и не пытались сфотографировать, — я прикусила язык и отвернулась, пытаясь восстановить сбившееся дыхание.

— Поверь, для меня это тоже впервые, — сухо процедил Север.

Хоть он и взял из моих рук пиджак, но затем накинул его мне на плечи и, подойдя в уже знакомой манере, чуть присел и протянул руки. Всё что мне оставалось – принять его безмолвное предложение и перевалиться на крепкое плечо. Но Андрей удивил… Он аккуратно подхватил меня за талию и прижал к своей груди. Чтобы не висеть соплёй, мне пришлось обхватить его торс ногами, опутать шею руками и уткнуться носом во влажные волосы, пахнувшие водой, песком и тиной…

Север шёл медленно, аккуратно отводил ветки, чтобы я не оцарапалась, тактично поддерживал меня за поясницу, боясь сдвинуться хоть на миллиметр, потому что платье жирной гусеницей уже давно собралось на талии.

Поднялся ветер, вершины деревьев мягко покачивались, под ногами трещали старые ветки, и все эти звуки были такими убаюкивающими, что я начала проваливаться в дрёму.

«Куда ты опять влипла? Он – опасность! И этот незнакомец с фотоаппаратом – только начало твоих неприятностей!»

В голове ещё метались мысли, я спорила с самой собой, дискутировала. Но итог был один… Пока я рядом с ним, моя жизнь все стремительнее будет терять ощущение контроля. А это чревато.

И кто же за ним следит? Кому нужны были эти фото?

Слуха коснулись рокот двигателя, шорох колёс. Меня словно на облачке перенесли куда-то в темноту, воздух был тёплый, исчез ветер. А ещё здесь пахло им… мужчиной, в руках которого так сладко спалось.

— На подъезде заметили тачку, шеф, — рявкнул мужской голос, но Андрей тут же шикнул, и дверь с тихим щелчком захлопнулась.

Я растеклась по кожаному сиденью, подмяла под щеку пиджак, медленно отлетая в царство сна.

— Номер срисовали? — шептал Андрей.

— Нет, шеф. Чёрный джип, номера заляпаны грязью. Выскочил вон оттуда, — уже тише рапортовал незнакомый голос. — Мы проверили, там грунтовка, уходящая вглубь леса.

— Ясно, — прошелестел Андрей, быстро отстукивая по металлу двери суетливый ритм. — Значит так, берете карту и отмечаете все возможные маршруты, а затем ищете камеры. У нас весь город покрыт наблюдением, не может быть, чтобы этот придурок не попался. Мне нужен номер… Найдите мне его!

— Есть…

«Чёрный джип… Номера заплёваны грязью…»

Эти слова что-то царапнули внутри, но удерживать нить реальности уже было невозможно. Я падала, срывалась в сон…

Исчезли звуки, шорохи, тени. Я просто парила в каком-то тихом вакууме. Тело было невесомым, а внутри так спокойно… И лишь изредка по коже пробегали встревоженные мурашки, и щеку окатывало жаром… Севера.

Яркое солнце пробиралось под веки, но я жмурилась, не впуская назойливые лучи. Перекатилась на другой бок, но странное ощущение прохлады выдернуло меня из сна.

Рывком села на кровати, прошлась по простыни и с облегчением выдохнула, потому что рядом никого не было. Несмытый макияж наказывал меня слипшимися ресницами, глаза были полны песка осыпавшейся туши, и я растирала катышки, чтобы вернуть зрение.

Что-то было не так… По утрам в моей квартире жарко, как в печи дьявола. Все окна выходят на восток, и комнаты за полчаса превращаются в жаровню. Но сейчас кожу что-то холодило, несмотря на яркое солнце.

— Чёрт, — прошипела я, когда удалось разлепить один глаз.

На меня с любопытством смотрел город, подпирающий бесконечную голубую гладь неба! Макушки высоток лишь слегка выглядывали, но горизонт взгляда скользил по простору без единого намёка на облако.

Я спала в чужой комнате, в чужой кровати, укрывалась чужим одеялом, пахнущим вполне знакомым мне мужчиной. Откинула одеяло и с облегчением выдохнула, а следом посыпались обрывки фраз, тонущих в шорохе шагов:

«Платье мокрое, нужно снять. Я тебя не трону, Кира, тебе нужно выспаться».

И, как ни странно, но эти слова прозвучали как приказ, и, возможно, поэтому я так покорно вскинула руки, позволяя стянуть с себя мокрое скрипучее платье. И сейчас я смотрела в панорамное окно, напротив которого стояла кровать, и захлебывалась от восторга.

Соскользнув с кровати, я начала обходить спальню. Двигалась на цыпочках, как преступник. Рассматривала личные вещи, которых здесь было совсем немного. Глаз радовала стериль-

ная чистота, на поверхностях ни намёка на пыль, пол тоже сверкал полиролью паркета. Остановилась у комода и пробежалась пальцами по браслету наручных часов, по батарее мужского парфюма, а когда дошла до двух самых простых рамок, присела на корточки, всматриваясь в старые потёртые фотографии.

На первом снимке была семья… Мягкая и скромная улыбка матери, строгость отца и улыбающийся беззубый карапуз, восторженно сжимающий уши лошадки. На фоне семейной идиллии виднелись старый парк и огромное колесо обозрения.

А вот второе фото… Это был явно случайный кадр. Компания парней в однотипных спортивных костюмах сидели на корточках вокруг полыхающего костра. И их лица были радостными, широкие улыбки, бьющая румянцем молодость, пышущая сила… Взгляд безошибочно замер на самом правом молодом человеке, в котором я моментально узнала Андрея.

Хм… Почти не изменился. Черты все те же, вот только взгляд… Сейчас он похож на куски айсберга, полные разочарования, боли и досады. А тогда он полыхал восторгом и жаждой жизни! Он так хотел жить… Так хотел быть свободным, счастливым. У него были планы, желания, амбиции.

Глаза резануло, а в уголках скопились слёзы…

— Это от туши, — отмахнулась я и стерла бестолковую мокроту.

Прошлась по снимку, всматриваясь в другие молодые лица. Но никого знакомых не увидела, правда, полыхающий костёр размывал часть компании. Я улыбалась, напитываясь этим снимком. Возможно, они что-то отмечали?

Я уже отошла, но глаза вновь и вновь возвращались к этому снимку. Меня словно приколотили в шаге, заставляя пялиться на этот обрывок одного счастливого дня. Я снова присела и начала изучать… Но нет. Никого кроме Севера я не знала.

Профдеформация заставила осмотреть татуировки, шрамы и другие особые приметы. Но и тут ничего не обнаружила. Странно…

Я поднялась и продолжила обход комнаты, игнорируя желание вернуться к комоду.

Спальня была светлой, просторной, и лишь кровать, стоявшая в центре, ломала пространство. Судя по порталу, изначально мебель должна была стоять иначе, но и этот выбор мне был понятен. Представила, что Север засыпает и просыпается с ощущением свободы и бесконечного неба. Чувствовала голод познаний, кипучую страсть, жажду каждого нового дня!

Нет, такой не станет марать руки, потому что познал цену каждого дня в клетке. И обратно он не вернётся.

За спиной заметила две двери, одна вела в гардеробную, а вторая в санузел. На вешалке у полотенцесушителя аккуратно висело моё платье, на тумбе лежала запечатанная зубная щетка, стопка чистых полотенец.

— Предусмотрительный, — усмехнулась я и, заперев дверь на замок, разделась, запрыгивая под душ, чтобы смыть тинистый запах озера.

После того, как привела себя в порядок, прямо на голое тело надела высохшее платье, а белье забросила в сумку, найденную на пуфике возле дверей. На телефоне было больше десятка пропущенных вызовов, часть из которых была от Инги.

— Чёрт, — заскулила я, вспомнив, что вчера так и не позвонила подруге. — Идиотка! Совсем голову потеряла!

В последний раз посмотрела на фото в рамке и уже было схватилась за дверную ручку, как услышала приглушенные голоса. Легонько нажала на рычажок, чуть приподняла дверь, чтобы избежать скрипа.

— Так не бывает, — тихо прорычал Север. — Дим, машины не растворяются в воздухе! Если она двигалась по этой трассе, то должна была выскочить к развязке… Если не свернула в деревню.

— Я уже отправил туда парней. Наверняка там есть магазины, камеры… Шеф, мы найдём! — отчитался второй мужской голос. — А кто это?

— Не знаю, Дим. Не знаю… Что с авторегистраторами? Если вы их видели, то и камера должна была выхватить номер, — голос Андрея был как тихо грохочущая туча, вот-вот готовая разразиться грозой.

— Вот флешка, — понуро произнёс парень. — Как только мы выскочили из-за поворота, водитель выключил фары. Номер распознать невозможно.

— Ладно… Как только будет информация, сразу пиши, — резко ответил Андрей, но тут же затих и тяжело выдохнул. — Дим, а найди мне информацию про Денисова.

— Про кого? — растерялся собеседник, явно не готовый к такому указанию.

— Денисов Григорий Михайлович. Пятидесятого года рождения, кличка Гиви, руководитель Денисовского ОПГ, — сухо прохрипел Андрей, и вдруг тишину взорвало глухим звуком удара кулака о стену. — Я знаю, что этот ублюдок не дожил до суда, его приговорили ещё в СИЗО, но мне нужно все, что вы сумеете по нему найти. Семья, подельники, может, кто недавно вышел из тюрьмы?

— Шеф, — парень откашлялся и зашуршал чем-то. — Вы думаете…

— Дим, думать будем, когда на руках будет информация. В день, когда меня выпустили, меня пас черный джип с нечитаемым номером. Совпадение? Возможно… И про сынка его тоже мне всю информацию принеси.

— Разрешите идти?

— Валяй…

— Хорошо, всё узнаю, — парень понизил голос, явно считав настрой своего начальника. — А вы не думаете, что следили не за вами, а за майором?

Сердце дрогнуло, а затянувшаяся пауза лишь усугубляла этот нервный галоп.

— Исключать нельзя, — задумчиво протянул Север, и вдруг по светлой стене скользнула тень, а мне пришлось прикрыть дверь, чтобы не выдать себя. — Но ты все равно копни… Но так, без фанатизма, чтобы не привлекать внимания. И подготовь машины, мне к одиннадцати на допрос.

— Кравцов распорядился, чтобы привлечь адвоката…

— Нет, — прервал парня Север. — Если сразу приведу адвоката, то не удастся разговорить следака. А если не разговорю, то не узнаю, что у них на меня есть. Да и зачем невиновному адвокат, правда? Ястреб достал записи из столичного аэропорта? А то раз меня вызывают на допрос, это значит, что они не потрудились проверить моё алиби.

Я сжала зубы, едва сдержав досаду. Сука… Горохов! Какую игру ты ведёшь? На каком основании допрос? Он же лично видел алиби Севера!

— Да, запись уже у адвоката. Мы выезжаем в аэропорт встречать Раевского.

— Раевскому лишнего не болтай, а то с его рьяностью мы раньше времени разворошим осиное гнездо. Я сам поговорю, — уже спокойно произнёс Андрей, и послышался щелчок замка.

Я тихо прикрыла дверь, отошла на три шага, но тут же споткнулась и рухнула на край кровати. По коридору стучали тяжелые шаги, а сердце моё суматошно билось, наполняясь дурным предчувствием.

Чёрт подери… Куда я влипла?

Дышала, как загнанная кобыла, пытаясь остановить агонию и едкий запах дерьма.

Но Андрей не зашёл, наоборот, проходя мимо спальни, стихли шаги, словно он не хотел потревожить мой сон.

— Денисов, — шептала я, быстро записывая в заметки всё услышанное.

Но зачем Северу вновь рыть ил прошлого? Почему он подумал о нём?

— Нужно достать его дело, — выдохнула я и растерла лицо. — Сам он говорить не будет, а ответы мне нужны уже сейчас.

Нужно прийти в себя и выйти, а то решит, что я тут прячусь… Но для начала нужно поговорить с Ингой, заодно и успокоюсь.

Подруга на звонок ответила почти сразу, и, судя по её голосу, она уже все знала…

— Инга, прости меня, — заскулила я. — Я вчера вырубилась… И даже проснулась не дома!

— Не дома? — подруга тут же перестала пыхтеть в трубку, и её голос зазвенел знакомой капелью. — Уж не с тем ли красавчиком, с которым ты осталась на трассе? Бабуленька мне тебя с потрохами сдала…. А ещё она сказала, что он смотрел на тебя как кот мартовский.

— Ой, не придумывай, — я выдохнула, мысленно благодаря любопытство Имперовой, которое не раз меня выручало. — Просто я вырубилась у него в машине. Тебе Павлик не звонил?

— Да этот ублюдок мне всю ночь названивал! Требовал поговорить со своим мужиком, чтобы он не писал заявление, — поникла Инга, и тяжелые вдохи вновь стали разрываться в трубке. — А с кем поговорить, если я даже не понимаю, кому сказать спасибо?

— Кравцову, — усмехнулась я. — Это Олег подставился, позволив Павлику от души пройтись по его симпатичной моське.

— А она симпатичная, правда? — нервно хохотнула подруга. — А он-то там как оказался?

— Инга, давай вечером поговорим? А номер Кравцова я тебе найду, отправлю сообщением. Наберёшь ему и задашь все свои вопросы. Инга, успокойся. Санька дома, с бабушкой, все позади, а твой Павлуша так намочил портки, что теперь побоится приблизиться. Мы всё решим…

— Кира, спасибо тебе огромное! — простонала моя стойкая и боевая подруга, которую пробить на слезы мог лишь её любимый сын.

— Гусик, ты бы меня тоже не бросила в беде…

— Не называй меня так! — шикнула Инга, и я представила, как её зеленые глаза рассыпают яростные искры. — Всё, пока… У меня сейчас совещание, потом сразу на поезд, а вот вечером я из тебя всю правду вытрясу.

Я убрала телефон, снова посмотрелась в зеркало и, собравшись с силами, толкнула дверь, выходя из своего убежища.

— Доброе утро, — донеслось из глубины квартиры.

— Доброе ли? — я сбросила сумку на комод у входной двери, отметила свои лодочки, аккуратно стоявшие у порога.

Севера я нашла на кухне, он с поразительной ловкостью двигался у плиты. Моё появление он почувствовал, несмотря на то, что я шла на цыпочках. Андрей дернулся, стрельнув в меня своим холодным взглядом.

— Не подскажете, Андрей Витальевич, как я оказалась в вашей квартире? — я прошла вглубь, отметив и гору пледов на диване, и примятые подушки…

Спал, очевидно, мой спаситель в гостиной.

— Я не смог вас разбудить, — Андрей дернул плечом, быстро стуча ножом по разделочной доске.

— Не смогли или не захотели? — голос дрогнул, а руки задрожали.

Я уловила аромат кофе и подошла к плите, наблюдая, как в джезве пузырится карамельная пенка. Стянула турку и разлила напиток по приготовленным чашкам и тут же припала губами, лишь бы не показать, как стремительно рушится моя выдержка рядом с этим мужчиной.

— Не захотел, — Север, ловко орудуя лопаткой, стал снимать со сковороды поджаренные яйца, заправил овощной салат ложкой сметаны, а затем взглядом указал на террасу. — Пока вы не сбежали, позавтракайте.

— А с чего вы взяли, что я собираюсь сбежать? — хохотнула я, но зря… В моём голосе было слишком много нерва и подыхающих вопросов, чтобы играть с ним на равных.

Север все заметил… Об этом говорили его глаза, в то время как лицо оставалось спокойным.

— Кира, я уже говорил, что на ложь у меня аллергия, — Андрей повысил голос и начал собирать тарелки, а затем прошёл к столу. — Если ты собираешься тренировать на мне приёмчики дознания, то диалога у нас не выйдет. Я сделаю поправку на профдеформацию, но скажу прямо – эти кружева мне не нравятся.

Я шла следом, с любопытством вбирая всполохи его бурлящей злости. И снова так тепло стало… Злится – тепло. Улыбается – жарко. Ай да Север…

Андрей сел за стол, дождался, когда я займу своё место, и принялся терзать яичницу, звонко скрипя вилкой по тарелке. Он то и дело отвлекался на телефон, но ни разу к нему не прикоснулся. Заметив, что я так и сижу, он тяжело вздохнул, а затем взял салатник и похозяйски наложил мне щедрую порцию салата. Не спрашивал, а просто делал… Впрочем, в этом весь Север.

Я смотрела на эту гору овощей и не знала, что делать. В груди закружилось что-то тёплое и уже так давно забытое…

— Ешь, Кира, — прозвучал приказ, и его красивые губы изогнулись в намёке на улыбку. — Ты истощена и вымотана… Перманентный недосып, стресс и изнурительные тренировки. Сколько часов в неделю занимаешься? Восемь? Не меньше… Это очень много для твоего режима и скудной жировой прослойки. С такими темпами…

— Что? — усмехнулась я, давясь от яда собственного голоса. — Сдохну?

Андрей не ответил и вновь мазнул по мне изучающим взглядом, от которого хотелось спрятаться… или подчиниться. Что за бред? Знала я этот отработанный сценарий! Сначала опека, забота, душная романтика, а потом тотальный контроль и ожерелье из ультиматумов, больше похожее на ошейник. А закончится всё стандартным: *«Я же для тебя стараюсь, глупенькая»*.

Прикусила щеку и опустила глаза, пытаясь выдохнуть и не взорваться порцией яда. Север источал заботу… Такую насыщенную, как мужской одеколон. От неё не отмыться, этот ожог не вылечит ни одна мазь. Коснувшись заботы один раз, ты навсегда запоминаешь этот момент, и все последующее встраивается в новую картину мира.

Вот только в этот пробитый пазл сложно подобрать нужную деталь! И ты вновь с разбитым сердцем, и вновь лечишься работой, которая никогда не предаст!

— Андрей, это все забавно, безусловно, — я попыталась проглотить злость, но она уже срывалась с языка. — У меня есть мужчина…

— Был мужчина, — рявкнул Север и вновь вернулся к завтраку. — Кира, у тебя БЫЛ мужчина.

— Это намёк?

— Ты договаривай, а там разберемся, — Андрей покачал головой, мягко вложил в мою руку вилку и подтолкнул тарелку ближе. — Ты ешь и говори…

Говорить? Ну погнали… Сам попросил!

И я начала выталкивать слова, чувствуя, как они превращаются в кирпичики, заполняющие бреши в моей броне, которые этот засранец умудрился разрушить.

— Это не отношения… Нет. Это взаимовыгодные встречи с отличным сексом для здорового тела. И, Андрей Витальевич, эта схема рабочая, действенная, и менять я ничего не собираюсь, — я наколола огурец и начала быстро уничтожать завтрак, изредка считывая реакцию

Севера. — Мне неинтересны романтика и свидания под луной. Мужская нежность и забота рано или поздно превращаются в хлыст. А ты, влюбленная идиотка, становишься домашним скотом, привыкшим к тычкам.

Я нарочно замолчала, отчаянно царапая зубцами вилки тарелку. Чего ждала? Того, что он перебьёт и по классике жанра заявит: *«Это потому что тебе не встретился нормальный мужик».*Как в мультике… Почему злой был? Велосипеда не было.

Но Север молчал, явно ожидая, пока я выговорюсь, сдав все козыри на руках.

— Терпеть не могу делить с кем-то свою кровать. Не просыпаюсь в объятиях и не жду с ужином по вечерам. Я не отчитываюсь о планах и уж тем более не строю воздушных замков на будущее. Я кажусь хрупкой, и это дурманит мужской инстинкт. Понимаю, — я кивнула и прервалась, чтобы сделать пару глотков воды. — Но я – отвратительный трофей для потехи мужского эго. Я не верю в любовь, но верю в уважение… И уважение ко мне выражается в соблюдении правил.

Голос дрогнул, и я готова была залепить себе пощёчину за прокол, который Север не мог не отметить. Если он рассчитывает, что я расскажу о тех, кто предавал – не дождётся! Пусть слышит неудобное, некрасивое и уродливое. Пусть считает неправильной, взбалмошной женщиной.

Пусть! Но только бы он не душил заботой… Лишь бы не пробирался к спрятанному сердцу, на котором ещё не затянулись старые раны. Не выдержу!

— А ты, Андрей, очень дурно на меня влияешь, — процедила я сквозь зубы, контролируя каждое слово. — Я засыпаю в твоих руках, просыпаюсь в твоей кровати. И мне это не нравится. Забота – ловушка. И в неё я больше не попадусь.

— Вот видишь! — он улыбнулся и отодвинул пустую тарелку. Взял чашку кофе и, зажмурившись, сделал первый глоток. — Приятно же говорить правду?

— Так чего ты хочешь от меня, Север? — самоконтроль внутри давно затянулся в удавку, и каждое новое слово отдавало болью. — Секса?

Я сама не заметила, как опустошила тарелку. Сжевала, не чувствуя вкуса, только бы не сорваться. Довольно откинулась на спинку кресла, закрыв глаза, но следующий ответ резким ударом в солнечное сплетение вышиб из лёгких весь воздух.

Все кирпичики, которые я аккуратно встроила в броню, вновь взорвались, обращаясь в пыль!

— Тебя, — спокойно выдал Север и бросил чашку на блюдце. Этот звон превратился в жирную точку бессмысленного спора.

Сморгнула… Раз, второй…

Но картинка не изменилась, а единственное сказанное слово превратилось в эхо, вибрирующее по перепонкам. Смотрела в глаза Андрею и не видела жалости, с которой мужчины обычно смотрят на неправильных женщин, безмолвно обещая их перевоспитать…

— Что с тобой не так, Север? Чёрт подери, — звонкий смех вырвался из пересохшего горла, вызывая не боль, а какое-то едкое чувство облегчения. — Ну откуда ты такой взялся? Мог хоть разок соврать?

— Для чего? Чтобы ты убедилась, что все мужики одинаковые? — Андрей спокойно вбирал моё веселье, и его напряжение выдавала лишь залегшая на переносице морщинка. — Но нет, Кира. Я – не все…

Он оборвал себя на полуслове, даря мгновение передышки и гулкую тишину. Пропали звуки города, рассеялся грохот с соседней стройки. И всё что я слышала – тяжесть своего дыхание.

Ну? Попалась? И стоило ли убегать? Ведь знала… Знала, что все равно перехитрит и обложит ловушками? Знала… Но все равно прыгнула!

— Давай, я готов ответить на все вопросы, — снова подал голос Север. — Только не повторяйся, на часть я ответил уже вчера, новой информации не будет.

Я вздрогнула от контраста… Ещё мгновение назад он баюкал тишиной, нежностью и пониманием, а теперь выдал залп приказов, от которых голова идёт кругом.

— Где твои родители?

— Мертвы…

Опять одно сухое слово, и снова как одиночный выстрел, заставляющий сдохнуть от стыда! Я было собралась с силами, чтобы извиниться и сказать, что это не моё дело, но Андрей продолжил:

— У меня была образцовая семья… Знаешь, есть эталонные ячейки общества. Выверенные, дружные, счастливые, но лишь на людях. А как только закрывалась дверь, отец начинал нас воспитывать. Как ходить, как смотреть, как отвечать. Так что, Кира, я знаю, что такое быть перевоспитанным, неправильным и неидеальным…

Север рвано затянулся и выдул сизое облако вверх. Уголок губ нервно дернулся, выпуская прошлую боль, и моё сердце дрогнуло… Слышала свой тихий плач, но он был внутри… Снаружи же я была спокойна. Но чего мне это стоило!

— На мою удачу свидетелем этой муштры стал дядька, он меня и забрал. Так и началась моя военная карьера. После армии я пошёл учиться, а потом командировка, служба, — Андрей впечатал сигарету в пепельницу с такой яростью, что казалось, хрусталь сейчас треснет. — Мне было двадцать пять, когда моя жизнь закончилась.

Север не дрогнул… Лицо вновь было спокойным, а глаза упорными буравчиками въедались в меня. И в них помимо льда теперь плескалась какая-то несокрушимая мудрость… Чёрт! Сколько же он видел? Что вытерпел?

— Я знаю, что значит хотеть… — зашептал он, чуть склоняясь над столом. — И когда я говорю, что хочу тебя, поверь, дело не в сексе.

От его голоса хотелось закрыть глаза и плыть по мягким пушистым облакам… Казалось, расскажи он мне сейчас про то, что был киллером, я бы продолжала тонуть в блаженстве.

— Хочу так, что в голове тикает бомба с отложенным запалом, — цедил он, все сильнее и сильнее нависая надо мной.

Вдыхала запах табака, горечь кофе, ванильную приторность и дрожала от бьющего жара мужского тела. Крепкого, сильного, красивого… Не отклонялась, не отводила глаз, терпеливо выжидала.

И вот уже стаканы летели на пол, обращаясь в ворох осколков. Звон, шорох, бьющее автоматной очередью дыхание, невесомый поцелуй, влажность языка, повторяющего контур моих губ.

— В последний раз я так хотел выйти за забор и почувствовать свободу. До одурения, до помешательства, до искр из глаз!

— Дурак, — выдохнула я и успела подхватить стакан, пока и его не снёс этот чокнутый мужчина, явно умеющий чего-то желать до одурения. — Север, какой ты дурак…

Я дышала как после сдачи норматива. Глотала ставший пьяным воздух. Щекой льнула к его обжигающей ладони, собирала тепло… И даже когда стакан остался пустым, я не смогла отставить его в сторону.

— Согласен, — Андрей отвел стакан и прижался губами, медленно стирая языком капельки воды. — Придурок… Но и меня переделывать поздно. Что выросло – то выросло.

Он медленно, как опытный сапёр, вернулся на место и улыбнулся, считав мою растерянность и молчание за проигрыш… Да кому я вру? Это и был проигрыш…

Глава 16

Мы всё ещё сидели на террасе. Кофе давно остыл, тарелки опустели, но ни Андрей, ни я не спешили нарушать затянувшееся молчание. Так странно, но смотря на него в упор, я не чувствовала неловкости момента.

Ветер ласково колыхал мои ещё влажные волосы, но это было несравнимо с нежным скольжением мужского взгляда. Он изучал, двигался от лица, по плечам, рукам… Голубые глаза переливались, как ласковое море, волны убаюкивали, успокаивали и дарили ощущение безопасности. А это куда больше, чем забота… Но было там что-то новое. Такое зыбкое, ещё не оформившееся, но я непременно научусь читать его взгляд. Научусь…

Мы застыли, как два противника у барьера, ожидая очередного раунда то ли дебатов, то ли схватки, от которой снова вскипит кровь, а следом новым запалом посыплются страхи и тайны. Но не является ли это новой методикой приручения?

И тут Север рассыпал свой соблазнительный бархатистый смех, а затем протянул руки и одним рывком пересадил меня к себе на колени. Горячие ладони так аккуратно прошлись по спине, безошибочно замирая на позвоночнике…

Пальцы мягким скольжением по памяти очерчивали контур моей татуировки. И от интимности этого момента закружилась голова. Я по привычке ущипнула себя, заставила собраться и противостоять, потому что так правильно, так безопасно… Но как противостоять тому, кто видит тебя насквозь?

Андрей снова усмехнулся, заметив и мой щипок, и напряжение в теле, а затем склонился, уперся лбом и зашептал:

— Кира, я ненавижу игры. Мне не нужны сериальные скандалы, бурное примирение и выдавленные истеричные слёзы. Это всё мусор и мишура!

— А что тебе нужно, Север? — я подалась вперед, ласково скользя кончиком носа по щетине, и внутри опять все вспыхнуло, заискрило. — Ты же так любишь правду, тогда скажи, чего ты от меня ждёшь?

Сердце замерло, а страх и горький опыт прошлого навалились тёмной тучей… Вспышки закручивались, лупили по вискам, и вскоре боль стала невыносимой!

Я буквально провалилась в чёрное облако прошлого! Уловила затхлый запах той самой квартиры. Вновь ощутила боль, увидела, как бессильно пытаюсь доползти до двери, чтобы спастись! А потом подходит ОН… И я вновь слышу свою жалобную мольбу мужчине, который так заботился обо мне… Он говорил, что любит! И я верила… Он обещал быть рядом – я верила! Он говорил, что всё, что он делает, ради моего блага – и я снова верила!

Быстрый бег пальцев вырвал меня из щупалец прошлого. Открыла глаза, чтобы убедиться, что это не ОН…

«Ну же, Север! Скажи… Скажи то, что поможет мне тебе поверить! Докажи, что ты не такой, как ОН…»— мысленно молилась я, сжимая ворот его рубашки. Ткань скрипела между пальцев, готовая треснуть в любой момент.

— Наверное, я сбрендил, — тяжелое дыхание напалмом обжигало моё лицо, а пальцы грубым рывком зарылись в волосы, оттягивая у корней, чтобы я не смела отводить взгляда.

И лучше бы не смотреть… Холодное ледяное пламя обманчивой нежностью наполняло нутро, но стоило Северу коснуться губами, как оно вздымалось до небес, и моя выдержка осыпалась пеплом ненужных слов.

Воспоминания, фантомная боль, злость и горечь прошлого, как испуганные змейки, шипели, но отползали, не в силах противостоять фантомному жару Севера.

«Скажи! Скажи свою чертову правду! Андрей, умоляю… Скажи хоть что-нибудь, пока я не сбежала и не заперлась в своей ракушке».

— У меня были план, спокойствие, отличная работа, квартира и уверенность, что завтра этот сон не оборвётся, — шептал он, прикусывая мою нижнюю губу в перерыве между словами. — Но тут на моём пути появляется Амазонка с платиновыми волосами и взглядом, полным страсти! И меня захлестнуло… В твоих глазах была жизнь! Бурлящая, настоящая, несмотря на поволоку боли, о которой ты молчишь. А ещё я заметил, как тебе не хотелось участвовать в этом фарсе с обыском…

Секунды растягивались в часы, воздух все больше напоминал раскаленную лаву, безжалостно заполняющую лёгкие. Но Андрей продолжал скользить по моему лицу, словно хотел запомнить каждую черточку, родинку и ямочку. Опустил руки, и я … Не смотрела, просто вбирала ожоговые рытвины на его кистях, поднимаясь все выше и выше.

Он весь в шрамах… Он весь истерзан!

«Такой же, как и ты, дурочка… Он такой же!»

— Увидел и понял, что именно эту Амазонку хочется видеть в своей кровати. Именно эту Амазонку придётся добиваться до конца жизни, — он хрипло рассмеялся прямо в губы, мягко скользя языком по зубам. — Именно такая не свыкнется, не будет рядом только потому, что привыкла. И если удастся добиться её, то до конца жизни придётся воевать, даже когда я окажусь дряхлым и немощным стариком.

Горло сжалось, и раскат моего смеха вырвался пьяным облаком. Я смеялась, лишь бы заглушить спор, разгорающийся в моей голове:

«Он сказал… Ты слышала? Он открылся первым… Как сладко поёт».

«Но разве не все они так поют?»

— Боже, какой же ты дурак, — я заливалась смехом, не в силах остановить саму себя.

А Север смотрел и наслаждался. Ловил каждый звук, усиливая нажим пальцев, медленно сбегающих к шее. Не мешал ему ни орущий телефон, ни тактичный стук в дверь.

— Пока налицо какая-то удивительная форма болезни, Андрей Витальевич.

Должна… Я должна пересилить себя и сделать шаг навстречу. Один крошечный шажок. Мне пришлось приложить усилие, чтобы преодолеть сопротивление Андрея, но я всё же дотянулась до его красивых губ с едва заметным белесым шрамом.

— Может, это грипп какой?

— И я очень хочу, чтобы он был заразным, Кира. А теперь нужно остановиться, пока я всё не испортил, — Север поднялся на ноги, но ладоней не убрал. Я так и осталась висеть на нём обезьянкой, не в силах разжать пальцы. — И не смотри так на меня, не жди, что я дам тебе козыри в руки. Нет, Кира, я вижу, что ты ждёшь моей ошибки.

— Значит, не ждать? — нелепо, как девчонка, захихикала я.

— Сапёр ошибается однажды, — шепнул он, ласково убирая волосы с моего лица. — А я не ошибусь. Но мы продолжим вечером.

— Это предложение? — я вскинула бровь и все же разжала пальцы, медленно выскальзывая из его рук.

— Констатация, — он подмигнул и взял телефон, отвечая на ходу на звонок. — Да? Да… Здравствуйте. Нет, раньше не могу. Вы меня вызвали к одиннадцати, вот к этому времени я и подъеду. Всего доброго…

Андрей нарочно отворачивался, пытаясь частично заглушить диалог, чтобы я ничего не поняла. Но мой мозг перезапустился, мгновенно сообразив, кто так настойчиво звонил Северу.

Горохов… Сука!

Я шла следом, по пути оправляя волосы и платье, которое вдруг стало слишком тесным в районе груди. Мне будто что-то не давало вдохнуть! Но я все равно дышала, несмотря на то, что после этого утра меня словно по стенке размазали. Не физически, а эмоционально.

Но гадость ситуации в том, что я всё равно ждала подвоха, несмотря на то, что Северу хотелось верить. Ждала, что сейчас обернётся и попросит помочь с Гороховым, спросит, что

у следствия есть на него, или просто попросит совета. Но Андрей упорно молчал, не желая посвящать меня в суть дела.

— Дим, подгони мою машину и набери Катю. Нет, я сам поеду, — буркнул он в трубку и обернулся ко мне. — Кир, у меня скоро встреча, и я не могу её отменить.

— Да, я понимаю, — кивнула и двинула в прихожую. — А где моя машина?

— Точно! — Андрей открыл шкаф, вытянул оттуда пиджак, а после замер у зеркала и быстрым порханием застегнул пуговицы рубашки, затянул обод галстука. И только потом вынул из верхнего ящика комода ключи от моей «малышки». — Я всё исправил…

— Ты что? — я нахмурилась, сжимая брелок в форме вороны. — Отремонтировал мою ласточку?

— Ну да, — он нахмурился, будто мой вопрос был оскорбителен для него, а после смахнул с комода свои вещи и распахнул входную дверь.

Я втиснулась в лодочки, подхватила свою сумку и покорно вышла следом.

— Машину отбуксировали к твоему дому. Прости, но мне пришлось порыскать в твоей машине, потому что во сне ты лишь улыбалась, а адрес квартиры хранила, как заправский шпион, — Андрей запер дверь, а затем так легко и спокойно взял меня за руку, заводя в открывшиеся двери лифта.

— Тогда почему ты и меня по месту прописки не отбуксировал?

— Не хотел… — выдохнул он и мягко обнял.

— Слушай, Север, — я отклонилась и посмотрела ему в глаза. — Ты точно сапёр… Ходишь вокруг меня так аккуратно, ищешь тропку не покороче, а понадёжнее, побезопаснее. Хотя наверняка собрал на меня досье…. Признавайся! Ты всё знаешь?

Андрей вскинул бровь, и на миг на его лице отразилось удивление. Чёрт… Он не знает?

— Скрывать не буду, твоё досье подготовили вчера, но я до сих пор не могу доехать до офиса, чтобы его прочитать, — он улыбнулся и поправил край платья. — А ты? Только не говори, что не воспользовалась связями и не попыталась нарыть всё о моём прошлом?

— Нет, но я непременно этим займусь, — я попыталась улыбнуться, давя желание вернуться в квартиру, где хорошо и спокойно. — Но я не хочу, чтобы ты читал моё досье. Ты сам сказал, что сапёр ошибается однажды… Тогда давай заключим пари?

Я посмотрела на стремительно пляшущие по кнопкам лифта огоньки, сглотнула скопившуюся горькую, полную страха слюну и протянула ему руку.

— Если ты не подорвёшься, то я сама тебе всё расскажу…

— Договорились, — он ответил на рукопожатие и рассмеялся, когда я шутливо разбила наши руки.

Мы вышли в подземном паркинге, у которого уже стоял его внедорожник. Вокруг сновала охрана, кто-то подходил к Северу, что-то спрашивал, а он отвечал на ходу, помогая мне сесть на пассажирское сиденье.

— Всё, Дим, я отвезу Киру Вадимовну, и встретимся в офисе. Пусть Раевский только дождётся, — Андрей бросил взгляд на часы и быстро обежал машину, прыгая за руль. — Во сколько у Ивы и Камиллы выписка?

— В два, кажется, — я по голосу узнала в высоком жилистом парне того самого Диму, с которым Андрей говорил в квартире.

—Успею, — Север махнул рукой, и тут зеркальные перегородки пришли в движение.

Я вздрогнула, осознав, что небольшой паркинг оказался иллюзией! Да это самая настоящая матрёшка! Сейф в сейфе! Посреди огромной подземной стоянки была частная охраняемая территория, спрятанная за зеркальными стенами. Своя охрана, датчики, камеры, КПП и даже вольер с двумя овчарками, чей лай глухо бился по бетонным сводам.

Я обернулась, успев оценить батарею автомобилей, очевидно, тоже принадлежавших «воронам». Чёрт подери… Вот это безопасность!

Андрей утопил педаль и резво выскочил на придомовую территорию, а затем остановился у кофейни на углу, возле которой его уже ждала милая румянощекая брюнетка. Девушка вспыхнула и захлопала ресницами, подбегая к нему с двумя стаканами кофе. Но как только её влюбленные и восторженные глаза заметили меня, от её трогательности не осталось и следа.

Мне стало даже жаль эту малышку. Восторг сменился досадой и злостью. Вот так и рушатся песочные замки… Как мне это знакомо.

— Катюша, ты моя спасительница! — рассмеялся Север и вложил в руку девушки купюру. — До завтра.

— Андрей Витальевич, это жестоко! — я с жадностью забрала стакан, стянула крышку и припала губами, потому что свою порцию кофе я так и не допила. — Девочка влюблена по уши, а вы заставляете её таскать кофе своим любовницам.

— Но ты не любовница, — рассмеялся Андрей и поставил стакан в стойку.

— Но она-то этого не знает! Спасительница, — игриво передразнила я его.

— Кира, ты же знаешь, что роль «спасителя» очень часто заканчивается продолжением треугольника, — он мимолётно и так обыденно подхватил скатившуюся с моих колен сумку и поставил её на широкий подлокотник, чтобы не мешала. — После спасителя идёт «жертва» и «преследователь».

Я дрогнула, но тут же собралась, чтобы не показать, как точны порой его слова.

— Да ты психологией увлекаешься? Тогда сам понимаешь, в следующий раз девочка может тебе отказать и не вынести кофе, — я тоже рассмеялась и стянула туфли, поджав под себя ноги. — Чёрт, а давай вернёмся? Я ей корочку покажу, и малышка успокоится.

— Катя — хорошая девочка. И поверь, она не только мне кофе носит, — улыбнулся Андрей. — По части покорения женских сердец у нас Гордеев и Ларсанов. Эти два греховодника могут и революцию всего парой комплиментов устроить.

— Ой, не прибедняйся, Север. Сам-то? Три встречи, а я уже почти ручная и просыпаюсь в твоей постели. Страшно представить, что будет через неделю. Стремительные роды? — я прыснула смехом, осознав всю абсурдность ситуации.

Чёрт, Алфёрова, ты же не ревнуешь? Нет? Ну и отлично, потому что в ином случае пора вызывать скорую!

— Что у тебя за встреча?

Сделала глоток и закусила щеку, только бы не выдать себя и своей коварной попытки проверить всю его тягу к правде. Глупо проводить такие проверки, но как иначе? Не признаваться же, что подслушивала?

— Некто Горохов вызвал меня на допрос, — Андрей кивнул на солнцезащитный козырёк, за которым торчал знакомый мне уголок бланка повестки. — Доставили вчера, прямо на благотворительный вечер.

Внутри разлилось тепло… Не соврал и не стал изворачиваться. А с другой стороны, чему я удивляюсь? Пока его ответ очень даже вписывается в самый дурной сценарий развития событий. Подкатил, охмурил, почти соблазнил.

«Очень даже логично…»— проскрипел внутренний голос, и от уровня запредельного цинизма передёрнуло даже меня.

— А что ему нужно?

— Очевидно, то же самое, что и тебе было нужно, — ответил Андрей, не пропустив ни единой эмоции. — Подробностей он мне не сообщил.

— Помочь? — я достала свой телефон, лишь бы не смотреть ему в глаза, но гаджет так вовремя вспыхнул входящим от Орлова. Звонок я сбросила, но эта передышка была очень нужна.

На часах еще было восемь утра, потерять на работе меня не могли, а остальное неважно. Я имею право выспаться! И надеюсь, что Морозов вчера не слишком рано обнаружил моё исчезновение с благотворительного вечера.

— Зачем? — машина остановилась на красном сигнале светофора, и тогда Андрей обернулся.

— Ладно, — я втянула воздух, выдохнула и, смочив горло глотком кофе, повернулась к Андрею. — Хотел правды? Получай… Всё происходящее похоже на то, что тебе очень выгодно наше знакомство. Запудрить мозг, заставить поплыть…

— А ты поплыла? — игриво дернул бровью Север и аккуратно, чтобы я не обожглась кофе, тронулся с места. — Кир, накрой стакан крышкой, визит в ожоговое отделение не вписывается в сегодняшний график.

— Ну вот, уже помыкаешь! — тем не менее, я накинула пластиковую крышку.

— Так что там с выгодой? — он забросил руку за мой подголовник и растянулся в кресле, внимательно следя за дорогой.

— Вот я и спрашиваю – тебе нужна моя помощь с Гороховым?

— Кира, я привык свои сложности решать сам, — Андрей быстро пробежался по шее, вновь спускаясь к месту, где у меня была татуировка. — Но если меня нужно будет отмазать от убийства, я непременно наберу тебя.

— Ну и отлично. Буду ждать, — губы растеклись в улыбке.

Дальше поговорить нам не удалось, потому что мне начал названивать Анучин, напоминая про совещание, следом и Морозов, виновато пытающийся извиниться за то, что вчера не проконтролировал, как я уехала домой. А значит… Старик так активно налегал на шампанское, что ничего не помнит. Вот и замечательно.

Когда мы въехали во двор моего дома, Андрей разговаривал по телефону, и я попыталась тихо улизнуть, но он вовремя заблокировал дверь, а для убедительности пришпилил меня своей ладонью, накрывшей шею под волосами.

— Кстати, об этом, — Север отбил вызов и кивнул на мою «малышку». — Я уже говорил, что пришлось обыскать твою машину? И не зря…

Н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.